

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

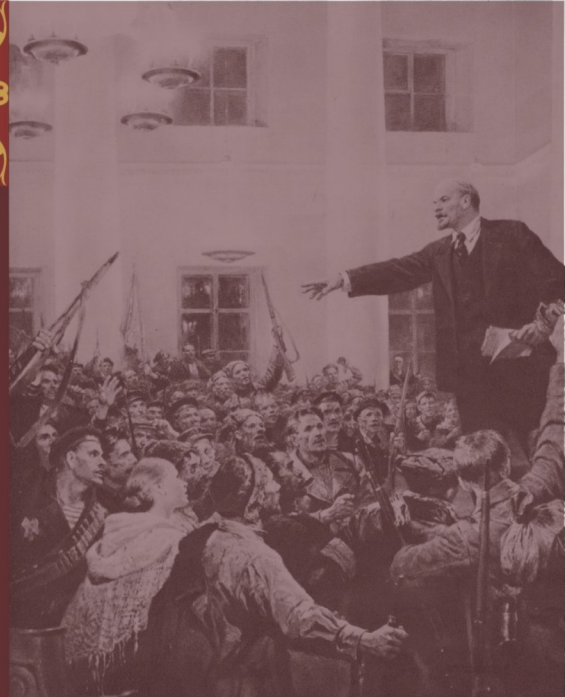
Межвузовская научная КОНФЕРЕНЦИЯ

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ»

16 ноября 2012

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
2013



МИНОБРНАУКИ РОССИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

«Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»

Межвузовская научная конференция
«Русская революция 1917 года:
проблемы истории и историографии»

Сборник докладов

16 ноября 2012

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2013

УДК 94(47).084:303.446.4

ББК ТЗ(2)771я43

Р89

Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Петербург.
16 ноября 2012. 182 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит доклады, прочитанные или представленные участниками межвузовской конференции «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Конференция состоялась 16 ноября 2012 года и была посвящена 95-й годовщине Русской революции. Инициаторами и организаторами конференции выступили преподаватели истории Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Инициативу поддержали научные сотрудники Отдела истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН, преподаватели исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кафедр истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Петербургского государственного университета путей сообщения, Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова и ряда других высших учебных заведений.

Представленные доклады охватили широкий круг проблем, относящихся к истории и историографии Русской революции 1917 года. Речь шла об исторических корнях, социально-экономических предпосылках и политических причинах революции, о проблемах ее периодизации, о трактовке двух ее этапов (Февральской революции и Октябрьской революции) как единого революционного процесса, о возможных альтернативах развития событий в революционном 1917 году, о стратегии и тактике различных политических партий, деятельности общественных организаций. Внимание было уделено исследованию конкретных эпизодов революции, проблемам ментальности масс, восприятия событий различными слоями населения, соотношения демократических и охлократических тенденций в развитии революции, роли внешнего фактора. В ряде докладов были подняты и проблемы оценки русской революции в широкой исторической ретроспективе, в глобальном историческом контексте, анализа революции как своеобразного «ассиметричного ответа» на вызовы, поставленные историей в XX столетии.

На конференции присутствовали историки различных поколений, а также студенты, обучающиеся на кафедрах истории России Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государст-

венного педагогического университета им. А. И. Герцена. Многие молодые участники хотели послушать «живые» рассказы представителей старшего поколения о том, как создавалась и развивалась отечественная историография Русской революции. И этот интерес был удовлетворен. Вне регламента со своими воспоминаниями выступили член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник СПб Института истории РАН Рафаил Шоломович Ганелин; заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУ Геннадий Леонтьевич Соболев; заслуженный деятель науки РФ, профессор СПбГУ Михаил Павлович Ирошников. К сожалению, стенографическая запись их выступлений не велась, и они не вошли в настоящий сборник. Однако с некоторыми историографическими оценками упомянутых ученых читатели смогут познакомиться в представленных ими докладах.

Все доклады представлены в авторской редакции и отражают личную точку зрения каждого автора.

Участники конференции выразили большую благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за прекрасные условия, в которых проходила работа конференции и за материальную поддержку, которая позволила издать настоящий сборник.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Перед тем, как изложить свои краткие соображения по теме нашей конференции, хочу в качестве старейшего из присутствующих рассказать о своих впечатлениях от встреч с участниками революционного движения в Петербурге, его ветеранами, об их общечеловеческом и нравственном облике. Мне хочется обратить на это внимание потому, что в той современной литературе, авторы которой видят в революционном процессе антинародное начало, его участники бывают изображены в карикатурном виде. Между тем в российском революционном процессе устремления его участников и их представления о нем, как это часто бывало и в других случаях, не всегда совпадали с его смыслом и итогами, как бы к ним ни относиться.

В 1955 г. отмечалось пятидесятилетие Первой русской революции. Я был в составе «хозяйственного взвода», «обслуги». Мы встречали нескольких приглашенных участников событий 1905 г. — членов первого Петербургского совета рабочих депутатов и рабочих, входивших в большевистскую так называемую Боевую группу. Они должны были занять места в первом ряду президиума большого конференц-зала АН СССР с наведенными на них осветительными приборами и громадными кинокамерами того времени. Но когда мы помогли им раздеться, оказалось, что это невозможно: под пальто на них были вязаные кофты, может быть даже женские, фуфайки. Помню старика в широких лыжных шароварах. Костюмной пары из брюк и пиджака, которая тогда служила «выходной», ни на одном из них не было.

Председательствовавший на конференции акад. И. И. Минц сказал несколько строгих слов присутствовавшему секретарю горкома. И нам, «обслуге», было поручено сообщить старикам, что завтра утром их будут ждать в голубом зале Гостиного двора, где их всех оденут и обуют за партийный счет. Не только не советуясь друг с другом, но, даже не переглянувшись, все они поблагодарили и вежливо отказались. Эти люди прошли через все испытания своей жизни в нерушимой убежденности в том, что проливали кровь свою и чужую в борьбе за революционные идеалы, а не за пропуск в обкомовский распределитель.

Другое поучительное для меня соприкосновение с ветераном пролетарского революционного движения связано с отмечавшимся в 1967 г. пятидесятилетием Февральской революции. На юбилейную конференцию мне было поручено привезти в Дом ученых Марию Георгиевну Павлову, хозяйку явочной квартиры большевистского Русского бюро ЦК РСДРП в феврале 1917 года. Она была дочерью члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Е. А. Климанова и женой Д. А. Павлова, одного из сормовских рабочих, перевезенных в Петербург А. М. Горьким. Когда Марии Георгиевне было предоставлено слово, и я помог ей, почти слепой, встать на кафедру, а сам остался в президиуме в роли ее поводыря, сидевшие рядом двое представителей ЦК, скептически улыбаясь (времена были средней строгости), шепотом спрашивали, как же она станет называть посетителей своей квартиры А. Г. Шляпникова, В. М. Молотова, П. А. Залуцкого. Шляпников тогда еще не был реабилитирован, Молотов стал в 1957 г. членом «антипартийной группировки», Залуцкого же продолжали считать троцкистом. Мария Георгиевна начала свой рассказ словами: «приходит первый член Русского бюро и говорит второму, чтобы послали за третьим».

Так старая участница революционного движения преподавала урок большевистской партийности моим соседям. Глубокая интеллигентность Марии Георгиевны, реалистическое отношение к действительности и прекрасная речь произвели сильное впечатление на слушателей.

На обратном пути я прочитал ей опубликованное видными историками-архивистами тех лет Е. К. Барштейн и Л. М. Шалагиновой полицейское донесение о заседании Петербургского комитета большевиков 25 февраля 1917 г. с изложением бывших на заседании разговоров о самых воинственных намерениях на 27 февраля (сжечь, взорвать и т.д.). Не исключено, что это донесение послужило поводом к царской телеграмме, полученной вечером этого дня, 25-го февраля, командовавшим Петроградским военным округом ген. С. С. Хабаловым. В телеграмме говорилось о необходимости «завтра же» прекратить народные волнения, что и привело к открытой 26-го февраля стрельбе по демонстрантам.

Выслушав мое чтение, Мария Георгиевна преподавала урок, на сей раз, мне. «На заседаниях ПК, — объяснила она, — всегда был один из полицейских агентов, обычно И. П. Озол или В. Е. Шурканов. Думаю, что в тот раз это был Шурканов. У него было одиннадцать детей, и десяти рублей, которые жандармский офицер платил за донесение, ему было мало. И он, сам нагово-

рив всяких ужасов, писал о них как о предложенных и обсуждавшихся на заседаниях». «Там, ведь, не сказано, кто все это предлагал?» – переспросила она тоном деликатной учительницы. Это на самом деле оказался именно он.

Доставив Марию Георгиевну домой, я увидел ее библиотеку...

* * *

Свидетельства современников имеют, как представляется, значение и для изучения отечественной историографии революционного движения и событий 1917 г. как высшего его подъема.

Изучение и преподавание российской истории отошло с началом 1920-х гг. на задний план, а история освободительного и революционного движения, классовых отношений и борьбы стала самостоятельной отраслью знаний с ярко выраженным общественным к ней интересом. В этих обстоятельствах зародилась историография Октября. Участники событий приступили к писанию мемуаров и исторических очерков не сразу. Но с началом 20-х годов к продолжившему в июле 1917 г. выход журналу «Былое», в редакции которого главным лицом был П. Е. Щеголев, добавились в Москве, кроме «Красного архива», «Каторга и ссылка», «Борьба классов», «Книга и революция», а в Петрограде в 1922 г. «Красная летопись».

Не менее существенным, чем расширение исследовательской работы в новой отрасли историографии, было ее профессиональное становление. В среде дореволюционной университетской профессуры, в сущности, не было лиц, которые бы этим занимались. В. Я. Богучарский и М. К. Лемке принадлежали к так называемым «свободным художникам». С. А. Пионтковский и В. В. Святловский были редким исключением, не изменяя в университетском преподавании своим социалистическим убеждениям.

Важнейшую роль в формировании научного подхода к изучению революционной истории сыграли в Петрограде – Ленинграде выпускники историко-филологического факультета столичного университета, получившие там традиционно первоклассную академическую выучку. Их исследовательское мастерство, выработанное на материале, как выражались в двадцатых годах, феодально-крепостнической эпохи, источниковедческие приемы в исследовании ее актового материала, не могли не отразиться на их роли в становлении историко-революционной темы в советской историографии.

К работе по этой теме такие исследователи, как С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. А. Шилов, пришли по двум причинам. Первая состояла в

фактическом административном прекращении изучения и преподавания истории как отечественной, так и всеобщей. Но вторая причина заключалась в открывшейся возможности научного анализа революционных событий, современниками которых они оказались, осуществляющегося с применением тех приемов, которые, как говорил Б. А. Романов, были выработаны при анатомировании событий и явлений умерших исторических формаций.

Далеко не все представители старой историографии отнеслись к этому скептически. А. Е. Пресняков писал о 1905 годе. Е. В. Тарле вместе с молодыми служил в Петроградском Центрархиве, который не по примеру Москвы, где делом ведал М. Н. Покровский, возглавлялся отнюдь не принадлежавшим к дореволюционным общественникам С. Ф. Платоновым. Хотя важнейшие документы старого строя в течение почти десяти лет оставались именно в Петрограде.

Не останавливаясь на отраженном в литературе вкладе, внесенном в разработку историко-революционной темы С. Н. Валком, Б. А. Романовым, А. А. Шиловым, как и в Москве – представителем того же поколения юристом по образованию Б. П. Козьминым, следует отметить, что сложившаяся в Петроградском-Ленинградском Центрархиве профессиональная сфера выдвинула исследователей следующего поколения, таких как М. И. Ахун, С. Б. Окунь. Журнал «Былое», между которым и Центрархивом действовал П. Е. Щеголев, дал революционной историографии Ш. М. Левина. В. А. Петров, Э. А. Корольчук, М. Л. Лурье, Т. Б. Крушкол, Т. К. Треногова внесли свой вклад в исследование различных вопросов истории революционного движения.

Валк и Романов оказывали свое влияние и на приезжавших из Москвы молодых представителей формировавшейся историко-партийной науки. Как и А. Г. Шляпников, участники семинара М. Н. Покровского – А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров – не только работали над петроградскими документами, но и тянулись к их хранителям. Труды этого семинара, опубликованные к 10-летию Октябрьской революции, стали важным этапом в развитии профессиональной исследовательской работы, как и обильно документированный труд Шляпникова по истории Февральской революции.

Однако в 1929–1930 гг. после передачи в Москву историко-революционных и государственно-политических архивных материалов были произведены многочисленные аресты по так называемому Академическому делу преимущественно в Ленинграде. В тюрьме оказались С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Б. А. Романов и др.

Вслед за тем в Ленинградской государственной академии истории материальной культуры началась выработка так называемой теории социально-экономических формаций, политическое предназначение которой состояло в том, чтобы обосновать признаками чуть ли не математической детерминированности неизбежность победы социализма в мировом масштабе. Это был важный этап в развитии историографии и общественной мысли в целом, независимо от того, что Сталин связывал с этим личную цель. Сын А. А. Жданова вспоминал: «Для схематиков, – пошутил он однажды за обедом, вызвав общий хохот, – история делится на три периода: матриархат, патриархат, секретариат»¹. Ведущая роль здесь принадлежала вскоре исчезнувшим молодым теоретикам-марксистам, которым представления об историческом процессе с его явлениями и событиями были чужды, и трем видным историкам-профессионалам: С. А. Жебелеву, В. В. Струве и Б. Д. Грекову, которые придали формационной конструкции базовые элементы научной выдержанности.

В 1934–1938 гг. Сталин проводит восстановление в средней и высшей школе преподавания истории, иногда называвшейся гражданской (существует мнение, что это определение повторяло существовавшее в словесном обиходе духовных семинарий, где оно применялось в отличие от церковной истории). Переломный во многих отношениях 1934-й год был ознаменован и важными событиями и на историческом, как тогда выражались, «фронте». Состояли они в высказываниях Сталина на историографические темы, приобретавших директивный характер, очевидный еще со времени появления его письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. В течение 1934 г. Сталин обратился к членам политбюро с письмом, содержащим критику статьи Ф. Энгельса о внешней политике царизма. Остававшееся в «самиздате» до 1941 г. оно имело своей целью отвергнуть взгляд на Россию как наиболее агрессивную силу в европейской политике. Тогда же на заседании политбюро с участием историков он устроил нечто вроде обозрения учебников по истории. В школьном преподавании предмет назывался историей народов СССР. А Сталин опускал в своей речи слово «народов». Когда же нарком просвещения А. С. Бубнов его поправил, он возразил, сказав, что русский народ всегда присоединял к себе другие народы, к этому он приступил и сейчас.

Этот эпизод стал известен много лет спустя из дневника присутствовавшего на заседании С. А. Пионтковского, сохраненного после ареста автора

¹ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону, 2004. С. 147.

его братом, известным юристом. Но через несколько месяцев в замечаниях по поводу учебника, сделанных Сталиным, Кировым и Ждановым, опубликованных лишь в 1936 г., была отмечена важность изучения истории народов России. Оно было широко развернуто в национальных республиканских и административных образованиях с привлечением московских и ленинградских сотрудников Академии наук СССР.

Изданный в 1938 г. Краткий курс истории РКП(б) знаменовал собой полную победу Сталина в установлении своей диктатуры. О политическом и историографическом значении этой книги существует значительная литература, к которой читатель может быть отослан. Отмечу лишь два сюжета, нуждающихся, как представляется, в детальнейшем рассмотрении. Не исключено, что они связаны между собой. Во-первых – разрешительное влияние, оказанное самой системой последовательного изложения истории партии, оказанное на появление общеисторических работ различных жанров – школьных и вузовских учебников, монографий. Во-вторых, обязательность периодизации, основанной на методологических принципах и выдержанной в представлениях и терминологии того времени (напр., физкультура и спорт в эпоху столыпинской реакции и нового революционного подъема, родовспоможение в период перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству). Такова была плата за возможность исторического повествования в традиционной форме.

Не в этой ли возможности была одна из причин, по которым А. Л. Сидоров и М. Я. Гефтер отстаивали «Краткий курс» даже тогда, когда накануне XX съезда КПСС многие историки от него уже отвернулись?

XX съезд оказал на историографию революционной темы общеидеологическое влияние, выразительно охарактеризованное в появившейся с тех пор литературе. Впрочем, еще предстоит оценить то обстоятельство, что до доклада Н. С. Хрущева о культе личности Сталина историко-революционная тема была затронута в речи А. И. Микояна, а также сообщение в мемуарах М. С. Соломенцева о том, что доклад Н.С. Хрущева продолжался более шести часов с двумя перерывами². Отмечу здесь статьи реабилитированного партийного работника, участника гражданской войны, которого Н. С. Хрущев назначил заместителем начальника политотдела ГУЛАГа, А. В. Снегова

² Соломенцев М. С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М., 2011. С. 35.

(И. И. Фаликзона). Они были посвящены позиции, которую Сталин вместе с Л. Б. Каменевым занимал по отношению к Временному правительству до приезда в Петроград В. И. Ленина. Позиция эта была представлена Снеговым как полуменьшевистская. На фоне утверждавшихся конструкций, сооруженных под девизом «Ленин и Сталин – вожди Октября», это носило вызывающий характер³.

Ходили слухи, что перед свержением Хрущева Снегов вручил ему рукопись книги «Сталин против Ленина», которую Хрущев продемонстрировал членам президиума ЦК перед отъездом в Пицунду. После отставки Хрущева Снегов продолжал свой образ действий. В 1966 г. на совещании в ИМЭЛ, посвященном книге А. М. Некрича «22 июня 1941 г.», он выступал в ее поддержку. Исключался из партии, но был восстановлен после обращения группы старых большевиков.

Что касается исследователей в области революционной истории, то я как современник событий должен отметить, что те авторы, которые обладали профессиональной подготовкой и исследовательскими способностями – что бы ни писали они в 30-х–40-х гг. – оказались наиболее восприимчивыми к общественно-политическим переменам, произошедшим после Сталина. Я никогда не забуду заседания в МГУ в 1956 г., устроенного кафедрой истории КПСС для «проработки» журнала «Вопросы истории», редакция которого возглавлялась А. М. Панкратовой и Э. Н. Бурджаловым. О том, какую роль играл тогда этот журнал, хорошо известно. Соппротивление линии XX съезда КПСС, которую олицетворял и отстаивал журнал, было целью того заседания в МГУ, где я оказался. И когда один из ораторов П. Н. Патрикеев стал перечислять связанные с Октябрьской революцией уже решенные, по его словам, вопросы, которые не могут быть предметом дискуссии, он был поставлен в тупик неожиданной репликой Э. Б. Генкиной: «А можете ли Вы назвать такой вопрос, который предметом дискуссии быть может?» А, ведь, Генкина была автором работы о Сталине в обороне Царицына. Но нельзя забывать и того, что начала она свой путь весьма интересной, ныне многими забытой работой о Февральской революции в трудах семинара Покровского в 1927 г.

Тот же оратор, чтобы представить Бурджалова историком, меняющим свои позиции, напомнил о его статье, посвященной «Краткому курсу истории

³ Микоян С. А. Алексей Снегов в борьбе за десталинизацию // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–84.

ВКП(б)». В ответ Е. Н. Городецкий сказал, что едва ли не единственный среди присутствующих, не боящийся таких обвинений, это сам П. Н. Патрикеев, который никогда ничего не писал и, во всяком случае, не печатал. Снятый тогда со своего поста и как бы в наказание отправленный на научно-педагогическую работу Бурджалов стал автором фундаментального двухтомного исследования о Февральской революции.

Профессиональные основы исследовательской работы поддерживались и укреплялись многотомными публикациями документального материала, посвященными событиям 1905 и 1917 гг., а также своеобразной историко-юридической серией «Декреты Советской власти», изданной при ближайшем участии С. Н. Валка. В свою очередь, эти работы имели традиционную связь с известными публикациями о рабочем и крестьянском движении, выходившими под руководством академиков А. М. Панкратовой и Н. М. Дружинина.

Годы так называемого застоя вовсе не были бесплодными для историографии 1917 года. Многотомник И. И. Минца, изданные Ленинградским отделением Института истории АН СССР коллективные труды «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (1967) и «Революционный Петроград в 1917 г.» (1977), монографии П. В. Волобуева, В. И. Старцева, Ю. С. Токарева, А. Л. Фраймана, О. Н. Знаменского, В. Н. Гинева, Г. Л. Соболева, Е. П. Ерыкалова, И. А. Баклановой, З. В. Степанова, Т. М. Китаниной, В. И. Миллера, Г. З. Иоффе, А. Л. Ненарокова, А. Я. Грунта, А. Е. Иоффе, А. В. Игнатьева и др. знаменовали собой дальнейший этап в изучении Октябрьской революции. Из коллег по ЛОИИ нельзя не отметить упорно шедших против течения В. И. Биллика и П. Н. Михрина, о которых мне пришлось написать специально⁴. Профессионализм многих этих исследований не только вне сомнений, но и служит эталоном для исследователей других периодов истории советского общества. Сформировались в качестве важнейших элементов вспомогательных исторических дисциплин источниковедение и историография Октябрьской революции. Впрочем, написанный О. Н. Знаменским и В. И. Старцевым историографический очерк к «Октябрьскому вооруженному восстанию» включен в текст издания не был. Опубликовать его удалось лишь в сборнике статей и материалов, посвященном памяти О. Н. Знаменского⁵.

⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб., 2006. Приложение. С. 293–313.

⁵ Рабочие и российское общество. СПб., 1994. С. 8–40.

Сохранялись два наиболее очевидных недостатка. Первый из них – освещение роли Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева и др. Второй – стремление руководителей историко-партийной науки освещать революцию как событие безальтернативное, не только объективно обусловленное социально-экономическими и политическими предпосылками, но и исторически неизбежное. Чтобы «подвести» Россию под общую схему детерминированной смены капитализма социализмом, в 70-х гг. была сделана попытка оттеснить на задний план исследовательские положения об отсталости и многоукладности российской экономики выдвижением постулата о среднем уровне капиталистической развитости страны. Некоторые стереотипы, установившиеся в советской историографии, были в какой-то мере подтверждены в течение нескольких лет после разгрома панкратовско-бурджаловской редакции «Вопросов истории» в 1957 г. Роль в революционных событиях меньшевиков и эсеров, которые определялись как партии мелкой буржуазии, в отличие от большевиков, считавшихся единственной партией пролетариата, признания так и не получила. Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. оставались под гнетом прежних обвинений, хотя и несколько ослабленных. На обсуждении «Октябрьского вооруженного восстания» в редакции журнала «История СССР» наши московские коллеги, чтобы обезвредить обращенную против нас «партийную критику», раздававшуюся под старым лейтмотивом «Ленин и Сталин – вожди Октября», пошли на сочетание тактических приемов с обходными маневрами. К. В. Гусев с самого начала обсуждения заявил, что недостаток одной из глав, принадлежащей автору этих строк, – недооценка роли эсеров, а П. В. Волобуев, имея в виду обвинения Каменева и Зиновьева в колебаниях по поводу восстания, пустился в убедительные рассуждения как бы житейского характера. «Это Ленин был гений, – заявил он, а они – обыкновенные люди вроде нас с вами. Ленину все было ясно с самого начала до конца, а они хотели семь раз отмерить, перед тем как отрезать, проявив чувство политической ответственности».

Кстати сказать, звучавшее в течение ряда лет обвинение их в том, что они в своей статье в газете «Новая жизнь» выдали сроки восстания, руководству историко-партийной науки пришлось фактически дезавуировать. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» было сделано примечание о том, что этот срок был установлен на заседании в квартире Суха-

новых⁶. Что ее хозяин, «известный меньшевистский публицист», был редактором той самой «Новой жизни», в которой выступили Зиновьев и Каменев, не отмечалось. Но подчеркивалось, что его во время заседания не было дома, а квартиру, «весьма удобную с точки зрения конспирации», предоставила жена Суханова большевичка Г. К. Флаксерман. Возможность читательской иронии во внимание не принималась.

Более существенной проблемой историографии революционного процесса была его социально-экономическая природа. Школа А. Л. Сидорова, о которой теперь немало написано В. В. Поликарповым, а также зарубежными авторами, приступила после войны к изучению российской экономической жизни предреволюционных десятилетий. Занявшиеся после войны научной работой П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, В. И. Бовыкин, К. Ф. Шацилло, В. Я. Лаверычев, Т. Д. Крупина, А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, М. С. Симонова, А. М. Соловьева, В. А. Емец вместе с представителями старшего поколения А. Л. Сидоровым и И. Ф. Гиндиным пошли в архивы, (где стали доступными фонды банков, финансовых и промышленных предприятий), чтобы посмотреть, что же представлял собой российский капитализм как предшественник социализма. Возникла значительная литература — статьи в «Исторических записках», монографии, сборники документов о монополистическом капитале в различных отраслях промышленности. Началось тщательное изучение развития капиталистических отношений в российской деревне. Экономической историей XIX в., развитием российского капитализма, кроме выдающихся представителей старшего поколения советских исследователей В. К. Яцунского и М. К. Рожковой, плодотворно занимались рано ушедшие Ю. Я. Рыбаков и Л. В. Куприянова.

В Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ), закрытом в 1953 г., но восстановленном в 1955 г., к ним примкнули М. П. Вяткин, А. А. Фурсенко, Б. В. Ананьич, В. А. Нардова, С. И. Потолов, Э. Э. Крузе, Т. М. Китанина, И. А. Бакланова, А. Н. Титова, Р. Ш. Ганелин. Близость к Центральному историческому архиву в Ленинграде с его фондами экономического характера, была одной из причин активной роли сотрудников ЛОИИ в издании фундаментальных сборников документов по истории нефтяной и металлургической промышленности. Экономические исследования и публи-

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. Председатель главной редакции П. Н. Поспелов. М., 1967. С. 301.

кации были подчинены интересам анализа революционного процесса и тех его предпосылок, которые определялись тогда как объективные (в противоположность субъективным, связанным с массовым движением и политической борьбой). Косвенными, но убедительными свидетельствами этого являются два обстоятельства. Как и большинство статей по промышленной истории, сборники документов были посвящены развитию монополий, в котором хотели видеть предуготовление революционных преобразований. Не случайно первым из этих сборников был двухтомник «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», изданный в 1957 году. Впоследствии он был дополнен третьим томом, посвященным сельскому хозяйству. Из составителей двухтомника следует отметить, кроме уже названных исследователей предреволюционного периода Л. В. Куприянову, А. М. Соловьеву, В. В. Лебедева, тогдашних сотрудников ЦГИАЛа М. А. Плюхину и Л. Е. Шепелева.

В конце 1960-х годов в школе А. Л. Сидорова⁷ (он скончался в 1966 г.) произошел раскол, продолжавшийся в 1970-х гг. Некоторые из ее участников исследований стали требовать приведения исследований в строгое соответствие с теорией формаций, истолковываемой унитарно-догматически. Ведущий представитель этого направления В. И. Бовыкин рассказывал мне, что эта позиция встретила одобрение со стороны видных историков КПСС, которые сигнализировали в ЦК о вредности иных толкований дела.

К. Н. Тарновский и оказавшиеся в одном с ним, противоположном этому лагере, тоже были марксистами и ленинцами. Но они очень скоро убедились в том, что за продвинутыми экономическими и финансовыми формами, во многом соответствовавшими тому, что было в то время на Западе, проглядывали традиционные черты старой российской действительности, не только деревенской, но и городской. Что касается деревни, то ее изучение связано с именем А. М. Анфимова, который в буквальном смысле пересчитал землевладение и землепользование всей страны. Развитость капиталистических отношений в сельском хозяйстве оказалась очень сомнительной. А не забывавшая о коллективизации власть была к этому особенно чувствительна: недаром уничтожен-

⁷ Еще предстоит установить влияние на нее взглядов Р. Люксембург и К. Либкнехта (см. мнение Я. С. Драпкина в сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения». Под. ред. М. Я. Гефтера (отв. ред.), А. Я. Грунта, В. Л. Малькова, Л. Н. Черновой. (М., 1969. С. 298).

ные выдающиеся знатоки российской деревни Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов оставались без полной научной реабилитации до начала перестройки.

К. Н. Тарновский и те, кто, как и он, считали нужным изучать российский капитализм по источникам, выходявшим за пределы круга банковской и связанной с ней документации, и пытались анализировать экономическую и социальную действительность по различным ее проявлениям, оказывались в противоречии с принципом детерминированной смены одной формации другой, особенно капитализма социализмом. Капитализм должен был быть для этого если не перезревшим, то вполне зрелым, а этого, по крайней мере, в общероссийском масштабе, не получалось. Заявления такого рода, да еще сделанные «снизу» (П. В. Волобуев, хотя и работал некоторое время в ЦК, не занимал в партийно-иерархическом отношении такой высокой позиции, чтобы выдвигать «новые положения», его пост директора академического института был для этого недостаточен), не могли не вызвать сопротивления идеологических «верхов». Заведующий Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезников, работавший с Л. И. Брежневым в Кишиневе, автор книг по истории аграрного вопроса, недвусмысленно и ясно выступал в защиту теории формаций и против «новопротченцев».

Слово «новопротченцы» носило в устах их противников уничижительный характер, а сами они стремились вычитать у Ленина наиболее реалистические оценки исторической действительности, например, его теорию об экономической многоукладности, на которую с осторожностью ссылались как на аргумент против сторонников «полной и окончательной» победы капитализма. Но существовала московская острота с подменой «многоукладности» на по-настоящему спасительную «многоподъездность». Дело в том, что в другом подъезде ЦК (не том, который вел в Отдел науки) помещался Международный отдел, где «новопротченцы» пользовались некоторой поддержкой. В отличие от ортодоксов, настаивавших на неотвратимости победы социализма во всем мире, «международники», ведавшие отношениями с зарубежными компартиями, вряд ли могли настаивать перед их руководителями на обязательности такой перспективы и для них. Все это началось в середине 1960-х гг. и завершилось разгромом «новопротченцев» в 1973 г.

Но одновременно историография революционного процесса оказалась под другим официальным влиянием, не менее неотвратимым, чем партийное, и, пожалуй, ему противоположным. В июле 1967 г. в Комитете государственной безопасности по инициативе его нового председателя Ю. В. Андропова было создано решением Политбюро 5-е управление этого ведомства для

борьбы с идеологическими диверсиями и диссидентством во главе с ген. Ф. Д. Бобковым. Надо полагать, что среди причин его создания были не только недовольствие «верхов» по поводу книги А. М. Некрича о 22 июня 1941 г, но и предстоявшее пятидесятилетие Октябрьской революции. Управление имело в аппарате Лубянки свою предысторию⁸.

Ф. Д. Бобков и сам Андропов стали создавать свою теорию происхождения революции. Схема смены формаций, на которой было построено изложение предпосылок революции, со стремлением к анализу внутренней природы исторического процесса, противостояла представлениям о его полной управляемости, сведению причин социальных сдвигов исключительно к злонамеренным и заговорщическим действиям различных лиц или групп. Этот подход к делу, восходивший к старой полицейской его трактовке, получившей некоторое распространение в эмигрантской среде, оказался привлекательным на Лубянке. Результатом этого явилась вышедшая в 1974 г. книга яркого и популярного в читательской среде автора-американиста Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 г.», задуманная для противодействия солженицынскому «Августу 1914 г.», который оценивался на Лубянке как недостаточно патриотический. Сам Н. Н. Яковлев изложил после начала перестройки историю происхождения своей книги, о ней писали В. В. Поликарпов с В. В. Шелохаевым, и автор этих строк, остановившийся на позднейших утверждениях лиц, бывших в 1970-х гг. у руководства комсомольским издательством «Молодая гвардия», в котором вышла книга Н. Н. Яковлева, о том, что заслуга ее издания принадлежит им, а не руководителям КГБ⁹.

В знак уважения к памяти Н. Н. Яковлева, рецензировавшего в ВАК в 1970 г. мою докторскую диссертацию, прежде всего изложу его собственный рассказ о литературных связях с учреждением на Лубянке. В 1968 г., сообщал Н. Н. Яковлев в приложении «О “1 августа 1914 г.”, исторической науке, Ю. В. Андропове и других» к третьему, дополненному, изданию «1 августа

⁸ См.: Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 185–186; Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаенные страницы советской истории. М., 2008. С. 371–372; Абрамов Вадим. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005. С. 480–481.

⁹ Поликарпов В. В. Цусима советской историографии // Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 11–159; Ганелин Р. Ш. Политические ситуации конца XX – начала XXI вв. и исторические оценки причин гибели царизма // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 7–24.

1914 г.» (М., 1993), он, как и за 10 лет до того, стал подвергаться преследованиям по инициативе «умельцев из международного отдела ЦК КПСС». «К охоте на «троцкиста», каким я был ими объявлен, присоединились славные чекисты. Справиться с ними, объединившими усилия, было практически невозможно», — писал Н. Н. Яковлев. Ему «пришлось прибегнуть к последнему средству» — обращению к знавшему его с детства Д. Ф. Устинову (отец Н. Н. Яковлева Н. Д. Яковлев был маршалом артиллерии и начальником Главного артиллерийского управления). «Дима», как звали Устинова дома, послал его к «Юре» — Ю. В. Андропову, незадолго до того возглавившему КГБ (он еще в Петрозаводске совмещал комсомольскую работу со службой в этом ведомстве). Жалобы Н. Н. Яковлева не были даже выслушаны. «Эти пустяки отметем», — заявил Андропов, посмотрев документы. Вместо этого между телефонными докладами о ходе суда по диссидентским делам председатель КГБ заявил по поводу процесса Синявского и Даниэля, «что не дело судить писателей». «Суть его обтекаемых фраз сводилась к тому, что слову нужно противопоставлять слово. С чем я горячо согласился и, получив любезное приглашение заходить, отклонялся», — писал Н. Н. Яковлев¹⁰. Вскоре он был вызван к Бобкову и после этих двух визитов «больше не ощущал наглых выходов КГБ». «На том бы дело и кончилось», — считал он, если бы не просьбы «Димы» «не забывать «Юру» и помогать ему». Он приписывал их влиянию жены Устинова. «Приятельница моей покойной матери, — писал Н. Н. Яковлев, — Таисия Алексеевна скептически относилась к общему развитию супруга и его коллег по Политбюро, носилась с идеей расширить его, наивно предлагая приглашать меня читать им лекции. Видимо, она, замечательная русская женщина, что-то еще наговорила лестное обо мне Андропову. Обижать хороших людей и к тому же теперь вождя, как-то не хотелось, и я стал время от времени захаживать на Лубянку, вести ученые беседы сначала несколько натянутые с Андроповым и интереснейшие с быстро поднимавшимся по служебной лестнице Бобковым», — в нарочито шутливой манере писал Н. Н. Яковлев.

Замысел дела был очень прост. ОГПУ-НКВД имело традиционный интерес к масонству¹¹, и арестованных по различным обвинениям издавна допраши-

¹⁰ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. Изд. 3-е, дополн. М., 1993. С. 286–287.

¹¹ Вот как ответил В. А. Крючков на вопрос: «Интересно, а КГБ масонством занимался?»: «Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, потом выяснилось, что это серьезное дело, которым надо было заниматься... Комитет заинтересовался этой проблемой, но чтобы ее размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею за-

вали по этому поводу. Н. Н. Яковлеву были предоставлены протоколы предсмертных допросов профессора-инженера товарища министра-председателя Временного правительства Н. В. Некрасова и депутата IV Думы, ставшего в Февральские дни помощником коменданта Петрограда Л. А. Велихова, в которых упоминались как виновники Февральской революции масоны.

Приводя относящиеся к масонской теме фрагменты их показаний, Н. Н. Яковлев, отчетливо сознавая сомнительность этих источников, называл их отрывками из записанных в 30-е гг. рассказов. Хотя Н. Берберова, признававшая масонскую роль, и А. Я. Аврех, стоявший на противоположных позициях, отнеслись к сообщенному Н. Н. Яковлевым с доверием, его книга на протяжении примерно пятнадцати советских лет многочисленных последователей не имела и даже вызвала возражения в печати, хотя одобренную в партийных сферах отрицательную рецензию на нее Андропов изъясил из уже сверстанного номера журнала. Но в 1989–1990-х гг. «беспредпосылочная» трактовка происхождения революционного процесса обрела устойчивость, характеризующую ее распространенность и сегодня. Талантливый и яркий литературный критик И. Дедков опубликовал в 1992 г. незадолго до своей кончины статью «От “Августа 1914” – к “Марту 1917”», в которой с этой точки зрения рассматривал с горечью за А. И. Солженицына его «Красное колесо»¹². Для тех ревнивых опасений, которые раньше вызывал на Лубянке «Август 1914», больше не было оснований.

Изображение революции как устроенной масонами исключало не только изучение, но и признание исторических к ней предпосылок. Она и поныне рассматривается некоторыми авторами как рукотворное дело злых сил – не только масонов, но и либералов, иностранных агентов, интеллигентов-антипатриотов и т.п. В книге Валерия Шамбарова «Нашествие чужих: Заговор против империи» читаем: «Факты говорят о том, что российская революция вообще не была вызвана ее внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно и расчетливо расколоть русский народ. Расколоть искусственно – с тем, чтобы стравить людей между собой. Участвовали в этом деле транснациональные корпорации, правительственные, финансовые круги и спецслужбы за-

нялось и высшее политическое руководство. А там такого желания не было...» (Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Указ. соч. С. 372).

¹² Ныне см. об этом статью А. Туркова в «Знамени» (2008. № 11).

падных держав. Причем не только и не столько тех держав, которые находились с Россией в состоянии войны, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками, — в первую очередь США и Великобритании, для которых наша страна в начале XX века стала слишком сильным конкурентом.

А непосредственными проводниками их разрушительных планов, исполнителями политических, экономических, идеологических диверсий стал ряд агентов, занимавших высокие посты в российском и советском государстве. Витте, Барк, Ломоносов, Протопопов, Львов, Терещенко, Керенский, Скобелев, Чернов, Мартов, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Ларин, Ганецкий, Радек, Коллонтай, Крупская и др.»¹³. Витте исчез из этого списка, приведенного и в аннотации к книге. А Ленин, представленный Крупской, отсутствовал в обоих его вариантах, вероятно, потому, что Парвусу не удалось «вовлечь Ленина в масонство». «Правда, в последующих взглядах Владимира Ильича, — пишет В. Шамбаров, — отразилось некоторое влияние теорий иллюминатов, но его атеизм был абсолютным. Он был принципиальным противником не только христианской религии, а любых учений, связанных с мистикой, потусторонними смыслами и сакральными ритуалами»¹⁴. Шамбаровский список «агентов» состоял, кроме масонов, из евреев, но Ленин, несмотря на дедушку, включен в него не был.

Впрочем, мать Ленина М. А. Бланк, по словам В. Шамбарова, «происходила из семьи шведских евреев — по этой причине, судя по всему, у нее выработалась стойкая неприязнь к России, ее порядкам и традициям». Вряд ли брак между принявшим православие в Петербурге житомирским евреем и родившейся в России полушведкой-полунемкой мог создать семью шведских евреев.

А мать Н. К. Крупской, которая, как считает В. Шамбаров, «нацелила на путь революции» свою дочь, поскольку была, по его словам, урожденной Фишман, никогда не носила этой фамилии¹⁵.

С особой силой В. Шамбаров настаивает на губительности для России реформ. Представление о том, что промедление власти с их осуществлением

¹³ Шамбаров В. Нашествие чужих; заговор против империи. М., 2007. С. 5–6. См. также его статью под заглавием: «Русский бунт, спланированный и осмысленный» в «Литературной газете» (2007. 1 августа. № 37). Среди книг В. Е. Шамбарова см.: За веру, царя и отечество. М., 2003; Окультизм и корни Октябрьской революции. М., 2006. С одобрением отнесся он к Сталину и процессам 30-х годов (Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 588–589).

¹⁴ Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 26–27. О происхождении В. И. Ленина и Н. К. Крупской см.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004.

привело к революции, он считает внедренным в историческую литературу «самими либералами и их зарубежными покровителями»¹⁶.

Не возвращаясь к вопросу о том, переживал ли старый строй кризис, превратившийся в условиях мировой войны в катастрофу, следует лишь напомнить, что полицейская опытность П. Н. Дурново дала ему возможность в начале 1914 г. предупредить о неизбежности такого исхода¹⁷.

¹⁶ Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 124–125.

¹⁷ О предупреждениях такого рода см.: Урилов И. Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4. М., 2008. С. 262–263, 335.

М. П. ИРОШНИКОВ

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Для нашего соотечественника, россиянина, во все времена и эпохи вопрос о государственности был важнейшим, основополагающим, ибо в нашей стране, будь то Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР или постсоветская Россия, государство всегда представляло собой не просто государственную власть, а нечто большее. Достаточно сказать, что во многом именно единая общая государственность объединяла и связывала вместе на протяжении целого ряда веков громадное число больших и малых народов, различавшихся по этническому происхождению, вере и культуре, образу жизни и уровню социально-экономического развития. И при введении христианства в Древней Руси, и в эпоху преобразований Петра I, и во времена великих реформ 60–70-х гг. XIX в., и в почти 75-летний советский период, и, наконец, в постсоветские годы именно государственная власть, государственная идеология и правительственная политика во многом формировали новые экономические, социальные и культурные структуры общества¹.

Феномен развития российской государственности, ускоренного экстремальными условиями и необходимостью решения общенациональной освободительной задачи, и окончательно утвердившегося в виде Московского самодержавия не имеет прямых аналогов в истории других народов. «Московское самодержавие, – размышлял в своей работе “Россия и свобода”, – известный религиозный мыслитель и историк Г. П. Федотов, – при всей своей видимой цельности было явлением очень сложного происхождения. Московский государь, как князь Московский, был вотчинником, “хозяином земли русской” (так называли еще Николая II). Но он же был преемником и ханов-завоевателей и императоров византийских. Царями называли на Руси и тех, и других. Это слияние разнородных идей и средств власти создавало деспо-

¹ Об этом см. также: Ирошников М.П. 1) О некоторых особенностях российской государственности: исторический опыт и современность // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 апреля 2001 г. Ижевск, 2001. С. 190–194; 2) Государственность в России: традиции и современность // Исследования по русской истории. К 65-летию профессора И. Я. Фроянова. Санкт-Петербург, Ижевск, 2001. С. 357–365.

тизм, если не единственный, то редкий в истории»². Неслучайно, например, в адресованной уже в 1724 г. Петру I рукописи знаменитого сочинения «Книга о скудости и богатстве» ее автор, крестьянин-ремесленник, ставший купцом и фабрикантом Иван Посошков отмечал: «... у нас самый властительный и вцелый монарх, а не ористократ, ниже димократ... Царь наш... самодержавный повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно...»³.

Формирование такого необычайно пестрого и мозаичного по составу населения и одновременно сверхцентрализованного гигантского государственного и социально-культурного образования, вместившего в себя традиции и уклады жизни многих народов, — азиатского, с точки зрения европейца, и слишком европеизированного, на взгляд азиата, — которое на протяжении веков усваивало элементы столь разнородных культур, во многом явилось результатом своеобразного геополитического положения страны, сочетавшей Азию и Европу, Восток и Запад.

Вместе с тем, а может быть именно поэтому, в России генезис и развитие государственности происходило в особо тесном взаимодействии с факторами культурно-идеологического порядка, которые выступали не просто «надстройкой» экономического, политического базиса, но и играли исключительную роль в утверждении, поддержке, оправдании существования сменявшихся режимов. Так было и во времена Московского царства, и в период Российской империи, когда сначала идеология «третьего Рима», а затем — «православия, самодержавия и народности» веками служили надежной опорой единовластию, а царское самодержавие являлось не только формой государственной власти, но одновременно также и формой общественного сознания.

Традиционная «власть от Бога» русского государя накладывала свой отпечаток абсолютно на все стороны жизни и менталитета общества, психологического восприятия его личности народом, исторически ориентированным на «царя» снизу доверху. «У русских верховная власть почитается, подобно религии, — отмечал путешествовавший по России в 1839 г. маркиз де Кюстин, — авторитет которой остается всегда великим, независимо от личных достоинств священнослужителей»⁴.

² Федотов Г. Л. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 283.

³ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 295, 314.

⁴ Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990. С. 108.

Отмеченное обстоятельство нашло выразительное отражение и в официальных актах империи. Так, статья 1-я «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»⁵.

Так было и при Советской власти, когда российский вариант марксизма, культура социалистического реализма, материалистическое мировоззрение, классовая мораль являлись не только опорой, но и важнейшими элементами воспроизводства тоталитарной власти и этакратического общества, в котором господствовала заменившая религию коммунистическая идеология.

Тяготевшая в лице своих лучших представителей к европейской культуре, просвещению и демократии Российская монархия сохраняла в себе черты восточной деспотии, оставаясь фактически вплоть до своего конца «страной рабов, страной господ». И если в Европе к середине XIX в. уже почти повсеместно установились парламентские республики или конституционные монархии, то русские крестьяне, чье закрепощение окончательно и полностью оформилось Соборным Уложением царя Алексея Михайловича в 1649 г., как раз в год победы Английской буржуазной революции, получили, как известно, юридическую свободу лишь в 1861 году.

Эта принципиально важная особенность исторического развития общества и государственности России во многом также была связана не только с необходимостью успешного отражения внешних угроз, но и особенно, пожалуй, с неблагоприятными климатическими условиями, в которых находилась страна. «Долго иностранцы, а за ними и русские, — отмечал в публичных чтениях о Петре Великом выдающийся отечественный историк С. М. Соловьев, — изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезло, в России оно вводилось...»⁶.

С этими примечательными наблюдениями как бы перекликается и вывод, к которому пришел Г. П. Федотов. «Весь процесс исторического развития на Руси, — писал он, — стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием, создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, желез-

⁵ Законодательные акты переходного времени. СПб., 1907. С. 571.

⁶ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 431–432.

ной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство... Сознательно или бессознательно, он (народ. – М. И.) сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой»⁷.

Наряду с самодержавной, цезарепапистской, властью монарха и крепостничеством еще одной важнейшей и характерной чертой, наглядно отражавшей гипертрофированную роль государства во всех областях социально-экономической жизни, стал быстрый рост предельно централизованных управленческих структур российского чиновничества. Цифры равнодушной статистики в данном случае красноречивее слов. Если в 1796 г. чиновничество России насчитывало 15–16 тыс. человек (т.е. 1 чиновник приходился на 2250 жителей), то в 1815 г. его численность превышала 74 тыс. человек (1 чиновник на 929 жителей), а в 1903 г. эта каста составила уже 385 тыс. человек (1 чиновник на 335 жителей)⁸. Таким образом, общее число российских чиновников только за XIX в. с учетом роста населения увеличилось почти в 7 раз.

Небезынтересны некоторые данные о развитии этого процесса в России XX века. Как видно из материалов первой переписи советских служащих к осени 1918 г. в центральном советском госаппарате насчитывалось около 25 тыс. сотрудников⁹. По данным переписи советских служащих Москвы, проведенной 16 октября 1922 г., в центральных государственных и местных учреждениях было соответственно 76 120 и 127 965, а всего – 204 085 тыс. человек¹⁰. Общая численность служащих государственного аппарата в СССР при И. В. Сталине составляла 532 тыс. человек, при Н. С. Хрущеве – 500 тыс., при Л. И. Брежнев – 753 тыс., при М. С. Горбачеве – 643 тыс. Достаточно выразительны сведения об управленцах в государственных органах постсоветской России при Б. Н. Ельцине: 1992 г. – 817 тыс., 1994 – 1 004 тыс., 1997 – около 1 110 тыс.¹¹ При этом, по подсчетам акад. Т. И. Заславской, по сравнению с СССР абсолютная численность слоя правящей бюрократии выросла вдвое, а относительная (на

⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. С. 284.

⁸ См.: Зайончковский ПА. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 221.

⁹ См.: Ирошников МЛ. Рожденное Октябрем: очерки истории становления Советского государства. Л., 1987. С. 107.

¹⁰ См.: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы; 1917–1920 гг. М., 1998. С. 117.

¹¹ См.: У кого аппарат больше? // Аргументы и факты. 1998. Май. № 22. С. 6; Кошванец В. Гиперболы диссидента Солженицина // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 20 июня.

1.000 человек населения) вчетверо¹². Весьма показательно и такое сравнение: если при В. И. Ленине в Управлении делами Совнаркома РСФСР в 1918–1920 гг. было всего от 50 до 75 сотрудников, то на 12 февраля 1999 г. штатный состав только аппарата администрации Президента России насчитывал 1721 человек¹³. В результате, если содержание первого лица советского государства – генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева обходилось стране в полмиллиона долларов в год, то «функционирование» президента России Б. Н. Ельцина в 1999 г. стоило в 4 раза дороже – 2 млн. 200 тыс. долларов¹⁴.

Обращение к многовековому историческому опыту отечественной государственности показывает, что неоднократные попытки решить (как с помощью реформ, так и путем революционных преобразований) те или иные назревшие экономические и политические проблемы, как правило, не достигали успеха (полного или в различных областях) во многом из-за несоответствующего уровня социально-культурного развития общества, его менталитета. Наиболее показательной представляется важнейшая роль идеологии и общего уровня социально-культурного и духовного прогресса в событиях, связанных с российскими революциями начала XX в., а также с созданием и последующим развитием советского государства и общества. «Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны, – писал выдающийся мыслитель Н. А. Бердяев. – Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это – Ленин и большевики». Именно этот, трансформировавшийся на русской почве марксизм, – подчеркивал автор труда «Истоки и смысл русского коммунизма», «показал, как велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс»¹⁵.

¹² Заславская Т.И. Проблема демократической переориентации экономики современной России // Общество и экономика. 1997. № 1–2. С. 54–55.

¹³ См.: Ирошников М.П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 гг. Л., 1980. С. 83; Кремлевская администрация сокращается // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 12 февраля.

¹⁴ Валюжная Г. Кто привилегированнее: генсек или президент? // Аргументы и факты. 1999. Декабрь. № 51. С. 12.

¹⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 87–88.

Вот почему в поисках ответа на вопрос «кто виноват?» в неиспользовании неоднократно открывавшихся возможностей сотрудничества разных, в частности, демократических и социалистических партий, легализовавшихся после царского манифеста 17 октября 1905 г., обязательно надо учитывать специфику социально-политического и культурного развития России вообще и на рубеже XIX–XX столетий в особенности. Всего около полувека нормального (и то относительно) буржуазно-демократического развития, отсутствие в отличие от Западной Европы достаточно цивилизованных социальных и культурных взаимосвязей, средств коммуникации и мест общения, крепких и отлаженных механизмов городских и сельских самоуправлений; а также самоуправляющихся религиозных общин, кратковременность существования (чуть более десятилетия) российской Государственной Думы – бледной копии европейских парламентов – все это не способствовало утверждению прочных традиций подлинно демократических социальных институтов и политических прав и свобод. «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать, – признавался член II, III и IV Государственной Дум, один из лидеров отечественных националистов и монархистов В. В. Шульгин. – Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова, и немело сердце»¹⁶.

Не удалась и попытки создать пользующееся всеобщей поддержкой действительно всенародное Учредительное собрание. Причем в равной мере это относится и к до- и к послеоктябрьскому периодам. Как вспоминал один из руководящих деятелей эсеров Н. В. Святицкий, «Учредительное собрание бесславно погибло... не потому, что у нас не было индивидуальной решимости погибнуть вместе с ним... Обстоятельства заключались... не в матросском окрике, а в том равнодушии, с каким отнесся народ к нашему разгону, и которое позволило Ленину махнуть на нас рукой»¹⁷. И это неудивительно. Потребность в социально-политических институтах и свободах и общественная культура – явления неразрывные. Ее и не могло быть в массе при наличии в России начала XX в. около 75 % неграмотного населения, старшее поколение которого еще хорошо помнило крепостное право. Не случайно видный рус-

¹⁶ Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С. 171.

¹⁷ Утро страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий 25.10.(7.11)1917–10.03.1918. Л., 1988. С. 393.

ский философ Вл. Соловьев считал, что «главная наша немощь состоит в слабом развитии личности, а через это и в слабом развитии общественности»¹⁸.

Именно поэтому в условиях нараставшего в годы первой мировой войны общего кризиса и наступившего осенью 1917 г. чрезвычайного обострения межклассовых и межнациональных отношений, при отсутствии достаточного уровня развития культуры (в том числе политической), необходимого опыта социальных компромиссов и устойчивых демократических форм, обеспечивающих цивилизованное решение противоречий и конфликтов, т.е. всего того, что М. Я. Гефтер удачно назвал «структурами политического согласия», — идея «гражданской войны» для лидеров многих политических партий и группировок оказалась более приемлемой, чем идея «гражданского мира». Политические амбиции и недееспособность одних, максимализм и несговорчивость других привели к крушению открывшейся в феврале буржуазно-либеральной альтернативы и установлению в октябре 1917 г. Советской власти, у руля которой встали радикальные большевики во главе с В. И. Лениным.

После Октябрьской революции, которая, по признанию Н. А. Бердяева, «путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение»¹⁹, — всего за 7, а фактически за 5 лет, когда у руководства советской Россией находился В. И. Ленин, удалось добиться победы в гражданской войне; в основном восстановить на новой основе единство и территориальную целостность страны, создать СССР, сделать первые шаги к советскому варианту социализма на путях нэпа.

Но Октябрьский переворот, целью которого было коренное изменение вековых устоев жизни и строительство принципиально нового общества (и, разумеется, государственности), разрушив, казалось бы, все — и старую государственную машину, и буржуазно-помещичье законодательство, и отжившую социальную и национально-территориальную структуру бывшей империи, наконец, святая святых — право частной собственности, по существу сохранил неизменной основную схему отношений между властью и человеком, а в некоторых отношениях даже еще более усугубил зависимое положение отдельного конкретного лица. Современник переломных событий в России начала XX в. поэт Максимилиан Волошин, как и многие другие видные пред-

¹⁸ Цит. по: Дыльнов Г.В. и др. К вопросу о реформировании политической системы Российской Федерации // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. СПб., 1995. С. 43.

¹⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 12.

ставители отечественной интеллигенции, находил их исторические корни и хорошо узнаваемые черты в прошлом и традициях страны, народа, власти:

«Что менялось? Знаки и возглавья?

Тот же ураган на всех путях:

В комиссарах – дурь самодержавья,

Взрывы революции – в царях»²⁰.

Незавершенность формирования гражданского общества, отсутствие демократических прав и свобод, институтов и структур политического согласия, подавляющая неграмотность и преобладание в массовом сознании революционно-радикальных и уравнилельно-коллективных начал, наконец, гипертрофированная роль самодержавно-бюрократического «цезаре-папистского» государства – все эти традиционные для страны факторы в условиях разгоревшейся уже в 1918 г. гражданской войны, обостренной иностранной интервенцией, но существу предопределили выбор Россией одного из наиболее жестких вариантов дальнейшего социально-политического развития. В общем контексте исторических процессов, происходивших в России и в мире в 20–30-е гг. прошлого столетия, все указанные обстоятельства создавали условия, при которых в стране весьма вероятно было сформирование тоталитарного режима, о чем еще задолго до 1917 г. предупреждал Г. В. Плеханов: «Революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обыкновенному царскому деспотизму на коммунистической прокладке»²¹. Так оно и вышло.

Придя к власти и сделав выбор в пользу Республики Советов, став затем единственной правящей, большевистская партия во главе с В. И. Лениным по целому ряду причин (прежде всего из-за недостаточного социально-экономического и культурного уровня развития страны, оказавшейся к тому же в чрезвычайных условиях) была вскоре вынуждена изменить общую концепцию строительства новой государственности в России. Вместо марксистской модели государства коммуны в центре новой политической системы оказались вовсе не Советы с их межпартийной борьбой и демократией, не Советы как органы народовластия и самоуправления трудящихся, а сама большевистская партия. Монопольное положение большевиков в государстве, в свою очередь, предопределило сращивание партийных и государственных

²⁰ Волошин М. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 228.

²¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 323.

ных структур, что заложило основы создания нового тоталитарного феномена XX в. – партии-государства, строящего «социализм». По существу это была система политаризма или этакратизма – общества, основанного на полном огосударствлении всех сфер жизнедеятельности людей (включая культуру, мораль, этику, образование, быт) и опиравшегося на абсолютную власть партийно-советской номенклатуры и господство заменившей религию коммунистической идеологии²².

Попытки формирования в период горбачевской перестройки и в постсоветские годы новой модели государства общественного компромисса по западному типу и культурно-идеологического плюрализма в условиях резкого ослабления отечественной государственности, распада социалистической парадигмы идеологии и культуры, проведения реставраторской (а не реформистской по сути) экономической, социальной и культурной политики оказались, как известно, во многом несостоятельными.

Государство современной России, как и ее экономика, и культура, может преодолеть затянувшийся кризис, выйти на дорогу подъема, но не на путях политики правой или левой реставрации, скрываемой за словесным фасадом рассуждений о реформах. Необходимо отказаться от широко распространенных и обычно противопоставляемых в массовом сознании фетишей капитализма и коммунизма, четко и ясно определить новую парадигму, осуществить, в частности, новое объективное и всестороннее исследование исторического опыта государственности России и ее трансформации, прежде всего на протяжении XX – начала XXI вв. При всей сложности, неоднозначности и, казалось бы, во многом противоположной целевой направленности особенно важным и небесполезным может оказаться, как справедливо отметил акад. Ю. А. Поляков²³, сравнительно-исторический анализ и осмысление исторического опыта революционных преобразований первой четверти XX в. и того, что произошло в развитии нашей страны и ее государственности на рубеже минувшего и нынешнего веков.

²² Подробнее см.: Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 36–46.

²³ См.: Поляков Ю.А. Пути истории неисповедимы... // Свободная мысль. 2002. № 10. С. 87–93.

Г. Л. СОБОЛЕВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ИЗ 2012 ГОДА

Вот уже 95 лет не утихают споры вокруг оценки Русской революции 1917 года. И это не удивительно: ведь она потрясла весь мир, изменила коренным образом характер его развития. И все же постепенно наступает время постигать смысл и значение Русской революции 1917 г. Высланный в 1922 г. из Советской России философ Н. А. Бердяев, размышляя в эмиграции над уроками Русской революции и причинами победы в ней большевиков, в опубликованной в 1937 г. работе «Истоки и смысл русского коммунизма» напишет: «...никогда в стихии, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинировать, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям...»¹.

Интересно, что спустя 60 лет, отвечая на вопрос, почему в октябре 1917 г. взяли власть большевики под руководством Ленина, к аналогичному заключению приходит известный специалист по истории России, почетный член Французской Академии наук Элен Каррер д'Анкос. В вышедшей в 1998 г. книге «Ленин» она подчеркивает, что вернувшийся из эмиграции вождь большевиков увидел, что движущей силой революции в России стала стихийность, что общество не боролось ни за либерализм, ни за социализм, а защищало свои интересы: хлеб и мир для всех, земля крестьянам, рабочий контроль на предприятиях, самоопределение национальных меньшинств.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–115.

«Без колебаний он встает на сторону всех стихийных требований, делает свою партию их рупором, — пишет Каррер д'Анкос. — Лозунг “Вся власть Советам!” — лозунг, который с точки зрения ортодоксального ленинизма был неприемлем, с точки зрения революционной тактики он был гениальной находкой»².

В самом деле, большевики не скрывали, что их программа носит классовый характер, выражает интересы трудящихся классов. Они призывали всех обездоленных встать на путь, «который ведет к решительной непримиримой борьбе до конца за царство трудящихся, за царство социализма, когда не будет ни богатых, ни бедных, ни ограбленных, ни войны, ни споров, из-за места под солнцем на нашей прекрасной земле, ставшей местом печали и слез, насилий, крови и бесконечных страданий человечества»³. И не случайно народный социалист А. В. Пешехонов, выступая на Демократическом совещании, признавал: «Ведь эти притязания трудовых масс, притязания обойденных и угнетенных национальностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы»⁴.

Какими бы факторами ни объяснять победу большевиков в октябре 1917 г., нельзя при этом отрицать, что противостоявшие им меньшевики и социалисты-революционеры потерпели тогда поражение. Они совершили немало ошибок и промахов на разных этапах Русской революции 1917 г., начиная с не просчитанного до конца решения «пойти во власть» и кончая трусливым отказом взять на себя всю полноту власти в самый критический момент революции. Главная же ошибка социалистов была в том, что они не выполнили своих обещаний, данных рабочим, солдатам и крестьянам. Жестокое поражение потерпела прежде всего их социальная политика, что и привело к резкому сужению их влияния в народных массах⁵. По более позднему признанию одного из самых влиятельных «вождей» Русской революции на первом этапе И. Г. Церетели, лидеры российской социал-демократии «оказались неподготовленными к той исключительной обстановке, созданной русской революци-

² Каррер д'Анкос Элен. Ленин. Пер. с фр. М., 2002. С. 339–340.

³ Листовки петроградских большевиков. Т. 3.: 1917–1920. Л., 1957. С. 94.

⁴ Известия. 1917. 17 сент.

⁵ См.: Смирнова А. А. 1) На тернистом пути к нежеланной власти. СПб., 2005; 2) От коалиции к катастрофе. СПб., 2006.

ей, когда впервые в истории и всех революций мира руководящая роль легла на социалистов, а главная опасность для свободного мира шла слева»⁶.

Поиски выхода из мировой войны оказались для российских социалистов поистине «дьявольской альтернативой». Вернувшийся в мае 1917 г. из эмиграции в Россию лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов не мог не заметить, что «в массе и рабочих и солдат стремление к миру очень сильно». В связи с этим в одном из своих писем он писал: «Чувствуется, что блестяще начатая революция идет под гору, потому что при войне ей некуда идти... Если не удастся привести очень скоро к миру, неизбежна катастрофа»⁷. Однако это не хотели принимать во внимание союзники России. Не считаясь с новой политической ситуацией в России, Великобритания, Франция и Соединенные штаты продолжали оказывать всяческое давление на Временное правительство, настаивая на активизации военных усилий на фронте. По словам французского генерального консула в Москве Гренара, «союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что нет»⁸.

Французский министр по делам вооружений социалист Альбер Тома, прибывший в апреле 1917 г. в Россию, чтобы поддержать Временное правительство и выяснить заодно степень готовности русской армии к наступательным операциям, увидел главную опасность в антивоенной кампании большевиков. В начале июня 1917 г. Тома направляет французскому атташе в Стокгольме следующее предписание: «Нужно дать правительству Керенского возможность не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить, при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции»⁹.

Вместо оказания Временному правительству реальной военной и финансовой помощи союзные державы продолжали и осенью 1917 г. использовать метод дипломатического давления на Россию. В конце сентября 1917 г., сра-

⁶ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 2. С. 408.

⁷ Урилов И. Х. Мартов: политик и историк. М., 1997. С. 241.

⁸ См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. Пер. с англ. Т. 1. М., 1997. С. 195.

⁹ Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 144.

зу же после образования третьего и, как скоро выяснится, последнего коалиционного правительства, послы Великобритании, Франции и Италии выступили с совместной вербальной нотой Временному правительству. «Сэр Джордж (Бьюкенен – Г.С.), охваченный небывалым для себя волнением, – вспоминал А.Ф. Керенский, – зачитал мне ноту от имени трех держав, где союзники угрожали прекратить военную помощь русскому фронту, если Временное правительство немедленно не восстановит нормальный порядок в стране. Грозить официальным разрывом военного и союзнического сотрудничества правительству, которое, рискуя всем своим авторитетом, боролось с опасными для союзников тенденциями!»¹⁰. Разделяя возмущение Керенского позицией союзных послов, нельзя здесь не отметить, что вставшая во весь рост перед Россией альтернатива – продолжать войну или заключать мир – не была во время принята во внимание союзниками. И это имело катастрофические последствия не только для Временного правительства, но и судьбы России.

Встретившись 12 октября 1919 г. с английским послом Дж. Бьюкененом, Керенский не мог скрыть своего разочарования в связи с фактическим отказом союзников в реальной помощи, заявив при этом, что «в определенных кругах даже возникло подозрение, что союзники планируют заключить мир за счет России». Категорически отвергая такую возможность, Бьюкенен вместе с тем заметил, что «хотя британское общество с пониманием относится к тем трудностям, которые переживает сейчас Россия, но после падения Риги нет ничего удивительного в том, что оно оставило всякую надежду на ее дальнейшее активное участие в войне»¹¹. Со своей стороны, Керенский в беседе с агентом британской секретной службы С. Моэмом (тогда уже известным писателем) признал, что русскую армию нельзя удержать на фронте, в связи с чем призвал союзников немедленно предложить Германии заключить мир без аннексий и контрибуций¹². По всей видимости, в связи с этим «раскольническим» предложением Керенского на него тогда пало подозрение в том, что он сам находится в «шпионских сношениях» с Германией. Американский профессор Э. Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция» опубликовал любопытный документ из архива Министерства иностранных дел Великобритании – меморандум от 23 октября 1917 г. Ввиду его краткости и одновременно важности воспроизводим здесь его полностью:

¹⁰ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 324.

¹¹ Бьюкенен Джордж. Моя Миссия в России. Пер. с англ. М., 2006. С. 345.

¹² Kettle M. Allies and The Russian Collapse March 1917 – March 1918. London, 1981. P. 98–99.

«Лично и секретно. Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жалованье у Германии и что он и его правительство делают все, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен. Считаете ли вы, что есть основания для таких инсинуаций, и что правительство, воздерживаясь от эффективных действий, целенаправленно позволяет большевикам набирать силу? Если это будет вопросом подкупа, мы должны быть в состоянии успешно конкурировать, если бы стало известно, как и через каких агентов это может быть сделано, хотя это и неприятная мысль»¹³. Остается только сожалеть, что этот документ был опубликован тогда, когда ни Керенский, ни другие члены Временного правительства уже не могли ни опровергнуть эти «инсинуации», ни дать какие-либо объяснения по этому поводу. Комментарий самого Саттона более чем лаконичен: «Относится к информации, что Керенский состоял на жалованьи у Германии»¹⁴. Насколько мне известно, этот документ не получил публичного обсуждения, и остается только гадать, по какой причине. По причине невероятности и фантастичности высказанных в нем слухов? Или незаинтересованности поднимать эту проблему? — дабы не отвлекать внимание от «главного» германского шпиона — Ленина?

Говоря о политических уроках Русской революции 1917 г., нельзя не сказать о роли в ней национального лидера, на которую претендовал А. Ф. Керенский. Претендовал, как считают сегодня объективные исследователи, не имея для этого необходимых качеств. Начав свое восхождение к верховной власти с первых же дней Февральской революции, Керенский вступил на скользкий путь борьбы за личную власть, видя в ней самую надежную гарантию сохранения завоеваний революции. Проявив себя ловким и временами даже авантюрным политиком, Керенский осуществил в июле 1917 г. свою заветную мечту — возглавил Временное правительство. Как считает авторитетный историк С. В. Тютюкин, «для принятия поста премьера ему явно не хватало кругозора, опыта, решительности, умения подбирать руководящие кадры страны. Керенский был слабо знаком с вопросами экономики, транспорта, финансов, управления народным хозяйством, внешнеполитиче-

¹³ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. Пер. с англ. М., 1974. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 231.

скими проблемами»¹⁵. Неудивительно поэтому, что влияние Керенского падало с каждым днем, и его интеллектуальный ресурс к октябрю 1917 г. был фактически исчерпан полностью.

Сегодня стало модным обвинять народные массы России в 1917 г. в революционном нетерпении. Однако следует иметь в виду, что их тяготы измерялись уже тремя годами военного времени. Углублявшийся в стране с каждым днем кризис во всех сферах хозяйственной и социальной жизни воспринимался как катастрофа капитализма. Все это создавало благоприятную почву для распространения представлений о том, что только на путях отрицания капиталистического общества может быть найден выход из безнадёжного положения. И здесь особая роль принадлежала пролетарскому авангарду — питерским рабочим, которые раньше, чем где бы то ни было, начали воспринимать свое отчаянное положение как результат катастрофы капитализма. Рабочие Петрограда, острее других отрядов пролетариата страны чувствуя растущую угрозу контрреволюции и надвигающуюся экономическую катастрофу, сумели в октябре 1917 г. увлечь за собой широкие слои трудящихся, зажечь огонь революционного энтузиазма. Но начавшаяся гражданская война показала, что для сохранения ведущей роли пролетарскому авангарду необходимо было расширить и укрепить свои ряды, получить поддержку основной массы рабочих и крестьян, пойти с ними на соглашение, не утрачивая при этом и своих социальных идеалов. Об опасности разложения этого тонкого передового слоя предупреждал в 1918 г. Ленин, который тогда понял, что для того чтобы поднять революцию «до настоящего преддверия социализма», необходимо вдесятеро больше отрядов сознательных рабочих¹⁶. Однако в результате кровавой гражданской войны произошло противоположное: ряды пролетарского авангарда вдесятеро сократились. А затем его остатки были уничтожены Сталиным, обюрокрачены созданным им тоталитарным государством, растворены в многомиллионной крестьянской массе, пришедшей в город в 20–30-е годы.

Итак, если оставаться на позициях историзма, то Русская революция имела глубокие внутренние причины, многократно усиленные Первой мировой войной. Большевики пришли к власти на волне народного протеста против социальной политики Временного правительства, разраставшейся в стра-

¹⁵ Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 295.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 364.

не анархии и начавшегося в стране распада государства. Но они не только выдвинули лозунги, отражавшие чаяния рабочих, солдат и крестьян, но и, придя к власти, приняли основополагающие для народа Декреты о мире и о земле, «Декларацию прав народов России». Именно поэтому Октябрьский переворот имел глубокий социальный смысл и стал неотъемлемым этапом Русской революции 1917 г.

Могло ли быть создано на Втором съезде Советов демократическое правительство из представителей всех социалистических партий, к чему призывал на съезде лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов? Теоретически — да, но практически, пожалуй, нет. Если в начале сентября 1917 г., после совместной победы над корниловщиной, лидеры меньшевиков и эсеров презрительно отвергли сделанное Лениным предложение компромисса, то в условиях, когда судьба Временного правительства была уже решена восстанием, хрупкие мосты для компромисса были сожжены при участии обеих сторон. Как мне представляется, предложение Мартова заключить «соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно»¹⁷, было безнадежной попыткой примирить уже непримиримых противников. Начавшаяся затем гражданская война со всей очевидностью показала, что это соглашение было необходимо, и не с «жалкими кучками», обанкротившихся политиков, как считал Л. Д. Троцкий, а с миллионами крестьян, и даже с теми рабочими, которые оказались не с большевиками.

Русская революция 1917 г. предупредила весь мир о катастрофических последствиях, на которые обречены все преобразования и реформы, если они не несут в себе улучшения экономического положения для широких народных масс. Она показала также необходимость достигать соглашения как между всеми политическими силами, претендующими на власть, так и социалистами разных направлений, впервые пришедших к власти. Соглашение между социалистами в целях совместного руководства страной создает возможность избежать ожесточенной гражданской войны и социальных потрясений. И этот урок был учтен социалистами других стран, которые, придя к власти после неудачного эксперимента российских социалистов, начинали с преобразований в интересах народных масс.

¹⁷ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 38–39.

А. Б. НИКОЛАЕВ

«ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ»: ПЕТРОГРАДСКАЯ ПОЛИЦИЯ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

В отечественной историографии долгое время не уделялось должного внимания изучению истории петроградской полиции в дни Февральской революции. Хотя в трудах некоторых советских исследователей присутствует мнение о том, что полиция принимала активное участие в подавлении народного движения и была той силой, которая до конца осталась верна самодержавию в Петрограде в дни Февраля 1917 года¹. В современной историографии произошла некоторая подвижка в изучении истории петроградской полиции. Современные ученые, в частности, стали уделять внимание насилию, которое творили восставшие над полицейскими². Но вплоть до сегодняшнего дня так и не изучен вопрос о переходе представителей правоохранительных органов на сторону революции³. Вместе с тем в некоторых работах встречаются упоминания об этом. Так, Б. И. Колоницкий в монографии «Символы власти и борьба за власть» пишет: «<...> под звуки “Марсельезы” подошел к Государственной думе даже жандармский дивизион». Сомневаясь в искренности жандармов, он обозначил их шествие как проявление политической

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)» № 12-31-10020.

¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А. Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 65, 77; Минц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 472; Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / Отв. ред. В. Я. Лаврычев. М., 1982. С. 164, 179.

² Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 171–172, 175–177; 2) Февраль 1917 года: Государственная дума и революционное насилие // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2003. № 1. С. 7–10; 3) Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: дис. ... д. ист. н. СПб., 2005. С. 671–675, 682–684, 687–688; 4) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года: Монография / Научн. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 459–461, 466–468, 470.

³ Исключение составляет наша статья, опубликованная в сборнике «Герценовские чтения», который малодоступен читателям: Николаев А. Б. Из истории столичной полиции в Феврале 1917 г.: разгром 4-го полицейского участка Петроградской части // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и уч.-метод. тр. СПб., 2012. С. 122–130.

мимикрии⁴. Подробнее об этом же событии находим в труде Р. Пайпса «Русская революция»: среди бесчисленных депутаций, которые с 27 февраля по 1 марта стекались к Таврическому дворцу выразить Государственной думе «свою поддержку и верность» была «даже жандармская рота, прошествовавшая к Таврическому дворцу под звуки “Марсельезы” с развернутыми красными знаменами»⁵. Далее он замечает: «Резкая перемена настроений части наиболее нелиберального слоя петроградского общества – <...> жандармов, полицейских, всего несколько дней назад бывших опорой монархии, можно объяснить только одним – страхом»⁶. Утверждение о том, что «страх» был единственным фактором, определившим смену настроений части представителей правоохранительных органов царской России, является дискуссионным. Не смотря на это, некоторые исследователи безоговорочно принимают его⁷. Весьма ценными являются слова Р. Пайпса о переходе на сторону революции петроградских полицейских. Но каких-либо доказательств этому он не приводит. В связи с этим можно утверждать, что научная проблема, суть которой состоит в выяснении вопроса о том, перешли ли петроградские полицейские на сторону революции или нет, лишь обозначена, но не решена. Одним из препятствий этому являлось то, что долгое время источники, по которым можно было бы восстановить настроения и действия петроградских полицейских в дни Февраля 1917 года, были недоступны исследователям.

⁴ Колоницкий Б. И. 1) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2001. С. 31–32; 2) То же. 2-е изд. СПб., 2012. С. 30.

⁵ Описывая приход жандармов к Таврическому дворцу, Р. Пайпс ссылается на работу С. П. Мельгунова «Мартовские дни». В свою очередь Мельгунов отсылает читателя к запискам коменданта Таврического дворца Г. П. Перетца (См.: Мельгунов С. П. Мартовские дни. М., 2006. С. 104). Перетц пишет: «<...> 1 марта к зданию Государственной думы с красными флагами, под звуки “Марсельезы” прибыл <...> и петроградский жандармский дивизион, также засвидетельствовать свою верность на службу народа» (Г. П. (полк. Г. Г. Перетц). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послесл. А. В. Островского. СПб., 1997. С. 51–52). О приходе жандармов сообщалось и в прессе. Так, 1 марта «Известия “Комитета петроградских журналистов”» писали: «С каждым днем размеры революционной армии растут. В течение сегодняшнего утра к восставшему народу присоединились: <...> нижние чины жандармского дивизиона <...>» (Рост революционной армии // «Известия» Комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта. № 4 (Типогр. Т-ва А.С. Суворина – «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

⁶ Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. М., 2005. Кн. 1. С. 389.

⁷ См., напр.: Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 415.

Речь в данном случае идет о документах Низшей следственной комиссии⁸ и особых следственных отрядов (ОСО)⁹, которые характеризуют, как настроения, так и конкретные действия отдельных полицейских накануне и в дни Февральской революции. Среди этих документов, рассекреченных соответственно в 1993 г.¹⁰ и 1990 г.¹¹, выявлены такие, которые сообщают о переходе полицейских на сторону восставших. Они то и будут рассмотрены нами для раскрытия темы исследования.

В первую очередь обратим внимание на 4-й полицейский участок Петроградской части (ул. Большая Зеленина, д. 27)¹². Приставом этого участка

⁸ С 6 марта 1917 г. – Следственная комиссия при Государственной думе. См. о Низшей следственной комиссии подробн.: Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки. С. 185–199; 2) Революция и власть: Монография. С. 488–507; 3) Низшая следственная комиссия // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 409–410.

⁹ См. об ОСО подробн.: Николаев А. Б. Особые следственные отряды (Петроград, 1917 г.): механизм функционирования // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2011. С. 170–190.

¹⁰ До начала 1990-х гг. фонд 1279 (Следственная комиссия при Государственной думе), отложившийся в РГИА, был закрыт для исследователей. Единственным историком, допущенным к работе с ним, был Г. И. Злоказов, который в апреле 1964 г. просмотрел несколько дел, но материалы их в своих исследованиях не использовал. 1 декабря 1993 г. этот фонд был рассекречен (Приказ директора РГИА за № 34 от 1 декабря 1993 г.), а 17 января 1994 г. передан на открытое хранение (Акт о передаче документов на открытое хранение за № 2 от 17 января 1994 г.). Но и после этого он оставался фактически недоступным исследователям, т.к. не был внесен в реестр описей фондов открытого хранения. Иначе говоря, историки не знали о существовании этого фонда. Правда, И. В. Лукоянов в апреле–сентябре 1997 г. ознакомился с делами фонда 1279. Но, насколько можно понять из записей на листах использования, Лукоянов выписок не делал. Благодаря информации, полученной от сотрудника РГИА Б. М. Витенберга, удалось изучить документы Следственной комиссии всего – 2420 листов 35 дел (3 дела – 35, 37 и 38 – не имеют прямого отношения к событиям Февральской революции в Петрограде). В настоящий момент ф. 1279 внесен в реестр описей фондов открытого хранения и стал доступен для ученых, изучающих историю Февральской революции.

¹¹ Фонд 1699 (Коллекция документов следственных отрядов, организованных Временным правительством по участкам Петрограда, 1917 г.), хранящийся в ЦГИА СПб, включает в себя 196 дел: по описи 1–193, а по описи 2–3 дела. 10 апреля 1974 г. было рассекречено 3 дела, которые вошли во 2-ю опись. И только 28 августа 1990 г. состоялось рассекречивание всех материалов фонда 1699. Одновременно на открытое хранение было передано 2 экземпляра описей и дело фонда (ЦГИА СПб. Дело фонда 1699. ЛЛ. 14, 20). Но и после этого по техническим причинам материалы фонда были ученым недоступны. Нам удалось первым с ноября 2010 по май 2012 гг. изучить все дела этого фонда, кроме д. 79 (Колцов (так в описи – А.Н.) Василий Никитич), которое на 17 мая 2011 г. находилось в розыске.

¹² См. подробн.: Николаев А. Б. Из истории столичной полиции в Феврале 1917 г.: разгром 4-го полицейского участка Петроградской части // Герценовские чтения 2011. С. 122–130.

был надворный советник Владимир Николаевич Касаткин, который, по словам одного из жителей Петроградской стороны, «никогда не являлся сторонником старого режима, что подтверждается симпатиями к нему рабочих его участка»¹³. Достаточно подробные сведения о том, что происходило в Управлении 4-го участка 27 февраля 1917 года, содержатся в показаниях, как самого пристава Касаткина, так и свидетелей допрошенных в ОСО по его делу. Касаткин рассказал, что утром 27 февраля он получил распоряжение от полицмейстера полковника Н. П. Спиридонова¹⁴ «снять посты городских улиц и <...> всех свободных городских собрать в управлении участка, что и было исполнено»¹⁵. Надворный советник Михаил Петрович Львов передавал слова Касаткина о том, что он «еще днем распорядился снять все посты городских и запретил им стрелять»¹⁶. Думается, что это произошло во время смены постов, т.е. в 12 часов дня, а не утром, как утверждал свидетель коллежский секретарь А. И. Янов со слов помощника паспортиста Луцевича¹⁷, пристав «распорядился не стрелять, если придет толпа»¹⁸. Вслед за этим Касаткин безуспешно, как он утверждал, пытался дозвониться «в разные участки, чтобы узнать, в чем именно проявляются беспорядки в городе. На телефонной станции отвечали, что или трубка снята, или не отвечают...». Как показывал Касаткин, днем в районе 4-го участка «было все спокойно»¹⁹. Около 4 часов дня пристав Касаткин в разговоре по телефону с доверенным фирмы «Кебке» В. С. Кутеповым рассказал ему, что «распорядился не оказывать сопротивления толпе, когда она явится к участку, и выйдет к ней со все-

¹³ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Boston; Leiden, 2012. Vol. 5. P. 18; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

¹⁴ Спиридонов Николай Петрович – полковник, пристав 2-го участка Спасской части (1906 – февраль 1917), полицмейстер IV отделения, сменил в этой должности генерал-майора В. Ф. Галле.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Л. 10 об.

¹⁸ Там же. Л. 10. Свидетельница А. С. Куприянова показала в ОСО: «Городовой Яков Волков утром 28 февраля говорил мне, что когда они, городовые, вечером 27 февраля собрались в участке, то пристав Касаткин сказал им: “чтобы они не стреляли, если придут рабочие, а сдались бы и выдали бы оружие”» (ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 9). Полицейский надзиратель Юлиан Францевич Шембак заявил, что 27 февраля пристав Касаткин предупредил полицейских надзирателей и городских, чтобы они «не стреляли в толпу» (Там же. Л. 9 об.). Следуя содержанию показаний Шембака, это предупреждение было сделано именно до 5 часов вечера.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 17–17 об.

ми служащими, заявив о своей готовности служить новому правительству». Видимо, это было личное решение пристава, о котором он еще не успел сообщить полицейским и служителям своего участка. В свою очередь Кутепов посоветовал Касаткину «уходить с семьей из участка, т.к. в толпе слышал, что хотят поджечь»²⁰. Хотя, по словам пристава, и ближе к вечеру, когда по Большой Зелениной стали проходить толпы рабочих, ему «передавали приходившие частные лица, [что] многие[,] проходя мимо участка говорили: «этот участок трогать не надо, в нас никогда не стреляли». Вечером Касаткин продолжал получать информацию от частных лиц, из которой следовало, что «в городе идут разговоры об изменении существовавшего строя и установления Временного правительства». В связи с этим он, наконец, решил поставить в известность своих подчиненных о процедуре перехода на сторону новой власти. Вот, как он сам об этом рассказывал уже после революции: «<...> собрав своих помощников и надзирателей[,] сообщил им полученные мной сведения и рекомендовал при приходе к нам представителей рабочих заявить, что мы все присоединяемся к новому строю и сдать оружие»²¹.

Время шло, а в участок никто из восставших не приходил. Полицейские стали самовольно, как утверждал пристав, покидать участок²².

Около 6 часов вечера, проходя с толпой рабочих и солдат по Большой Зелениной улице, землемер Ф. Н. Касаткин зашел в участок к своему брату-приставу. Позднее он показывал, что посоветовал и ему, и прочим чинам полиции «не делать никаких активных выступлений против народа, а тем более не стрелять в народ». Федор Касаткин с гордостью заявил: «Совет мой был принят и до 10-ти часов вечера из здания 4 уч[астка] Петроградской части не последовало ни одного выстрела»²³. Хотя, пристав это решение принял уже ранее и озвучил перед подчиненными.

Как показывал позднее пристав Касаткин, он «часов в 9 или 10 вечера опять позвонил по телефону полицмейстеру полковнику Спиридонову и запросил инструкцию о том, что «делать со всеми сослуживцами[,] собранными в участке». Спиридонов ответил: «держаться прежнего распоряжения, т.е. всех держать в участке». Полицмейстер добавил, как сообщил пристав, что «он сам хотел получить указание от градоначальника, но не может дозво-

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 17 об.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. Л. 21.

ниться»²⁴. Именно после разговора с полицмейстером Спиридоновым Касаткин принял решение разоружить участок. Он предложил «городовым убрать все оружие в сарай во дворе и обезоруженными ожидать прихода представителей рабочих»²⁵. Заметим, что в момент разоружения в участке присутствовал доверенный фабрики «Кебке» Кутепов. Он утверждал, что пристав Касаткин разоружил городских «к 8 часам вечера». При участии Кутепова оно и было передано восставшим. В пользу этого утверждения говорят показания самого пристава. Он показал, что оружие было разобрано из сарая «около 9 часов вечера восставшим народом, в моем присутствии»²⁶. Судя по дальнейшим событиям, среди этих восставших не было представителей рабочих, которым пристав Касаткин собирался заявить о переходе полицейских его участка на сторону революции.

Представители рабочих, которых ожидал пристав, так и не появились. Вместо них к участку подъехали автомобили с солдатами, которые обстреляли участок, заняли его, а затем и подожгли. По словам Кутепова, участок стали поджигать в «10-м часу вечера»²⁷. Как и остальные свидетели, он показывал, что из участка не стреляли ни до поджога, ни во время его²⁸. Пристав Касаткин и оставшиеся с ним 8 городских и 2 надзирателей успели покинуть участок через «заднюю дверь»²⁹. Заметим, что в прессе встречается утверждение о том, что пристав Касаткин был убит в дни революции, а тело его

²⁴ Там же. Л. 18.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

²⁸ Полицейский надзиратель 4-го участка Петроградской части Эрнест Карлович Закке 17 марта 1917 г. говорил члену-обследователю Комиссии по обследованию мест заключения Петрограда, что «из участка никто не стрелял» (ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 52. Л. 2 об.). А.И. Янов показал 25 марта в ОСО: «<...> я видел, что из участка не было произведено ни одного выстрела» (Там же. Д. 63. Л. 10.). Ему вторил старший дворник дома № 44 по Большой Зелениной улице А. А. Шмелев, бывший вечером 27 февраля около управления участка, когда «подъехали автомобили с солдатами», который удостоверял, что «из участка не было сделано ни одного выстрела» (Там же. Л. 11). Рабочий завода «Вулкан» М.Л. Александров рассказывал: «Когда горел участок я стоял в стороне и не заметил, чтобы из участка стреляли» (Там же. Л. 13). Вечером 27 февраля свидетельница Куприянова находилась около управления участка и видела, как он горел. По ее словам, «в толпе говорили, что солдаты подожгли участок и дали по нему залп, но[,] что из участка не стреляли» (Там же. Л. 9). Рабочий Александров при допросе в ОСО сообщил: «Когда горел участок[,] я стоял в стороне и не заметил, чтобы из участка стреляли» (Там же. Л. 13).

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

находилось в Обуховской больнице³⁰. В действительности, приставу Касаткину удалось благополучно покинуть участок и не погибнуть от рук восставших, в противном случае, нам бы не удалось ознакомиться ни с его показаниями, дважды данными в Комиссии по обследованию мест заключения (КОМЗ), ни с другими материалами дела ОСО по 4-му участку Петроградской части «О расследовании деятельности пристава Касаткина Владимира Николаевича», начатому 20 марта и оконченному 31 марта 1917 года³¹.

По схожему сценарию развивались события в Управлении и казармах 1-го полицейского участка Адмиралтейской части (Кирпичный пер, д. 1–4), приставом которого был подполковник Василий Юльевич Экгард. Городовой Степан Матвеевич Дмитрук 31 марта 1917 года показал в ОСО, что «<...> был приказ от пристава: “Не стрелять, Боже упаси”». Полицейский надзиратель Яков Севостьянович Володин рассказал о событиях 27 февраля: «Часа в 3–4 пристав говорил о том, чтобы мы войскам не сопротивлялись»³². Городовой Доминик Феликсович Земец 25 марта 1917 г. сообщил члену-обследователю КОМЗ, что пристав Экгард 27 февраля 1917 года приказал городовым: «Если придут военные власти (так в тексте – А.Н.)[,] отдать оружие»³³. Подробнее о событиях этого дня рассказал члену КОМЗ городской Артемий Митрофанович Пустовойт: «27 февраля по распоряжению начальства своего участ[ка] (пристав Экгард – А.Н.) в 11 час. дн[я] бросил службу, сдал оружие, и со всей командой во главе с приставом сидели в казармах ожидали <...>[,] когда придут к нам за оружием[,] но не дождались [–] никто не приходил, 28 февр[аля] в 6 час. утра пристав распорядился[,] что можно уходить[, кто] куда хочет»³⁴. Полицейский надзиратель этого участка Дмитрий Васильевич Васильев, давая показания члену-обследователю КОМЗ, обратил внимание на то, что «пристав подполковник Экгард добровольно явился в Госуд[арственную] думу и оставлен на свободе»³⁵. Московский «Вечерний курьер» писал: «Это – единственный пристав, который в первый день ареста полицейских чинов собрал всех городских и явился с ними в Гос[ударственную] думу»³⁶. Иначе говоря, пристав Экгард 27 февраля снача-

³⁰ Жертвы революции // Маленькая газета. 1917. 8 марта.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 1 – 27.

³² Там же. Д. 31. Л. 3.

³³ Там же. Д. 54. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 122 а. ЛЛ. 4–4 об.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 5.

³⁶ Уцелевший пристав / В Петрограде // Вечерний курьер. 1917. 14 марта.

ла по приказу вышестоящих полицейских властей снял городских с постов, а затем отдал приказы «не стрелять», «не сопротивляться военным», «отдать оружие» военным, если они придут. Не ограничиваясь этим, он несколько позднее собрал оружие у городских, намереваясь провести организованную его передачу восставшим солдатам («военным»). Но они так и не появились, в результате чего организованного перехода на сторону революции полицейских 1-го участка Адмиралтейской части не получилось. Поэтому Экгард распустил городских со службы, а сам отправился в Таврический дворец, где, предположительно, заявил о своем подчинении новой революционной власти в лице Государственной думы. Судя по имеющимся материалам, Экгард был единственным приставом, который рано утром 28 февраля 1917 года пришел в Государственную думу. Это обстоятельство способствовало тому, что арестован он не был. Подчеркнем и то, что никакого шествия городских во главе с приставом Экгардом к Таврическому дворцу не было, т.к. он пришел сюда в одиночку! Несколько позднее, по словам «Вечернего курьера», Экгард «явился в полной форме» к петроградскому общественному градоначальнику В. А. Юревичу с просьбой отправить его на фронт³⁷. Скорее всего, газета приукрасила приход Экгарда к Юревичу, одев его в «полную форму» пристава.

Среди помощников приставов тоже оказались лица, которые искали свой путь в революцию. Так, служащий в Управлении главного уполномоченного по снабжению металлами Д. С. Большаков обратился в ОСО с заявлением, в котором сообщил со слов жены младшего помощника пристава 1-го полицейского участка Петроградской части Петра Яковлевича Осташенко, что тот, переодевшись в штатское платье, направился в Государственную думу, чтобы «заявить о своей солидарности с народным движением». По дороге в Думу Осташенко был опознан кем-то «в Александровском парке близ Нар[одного] дома». Во время обыска он «воскликнул: Братцы! Я с Вами!»³⁸. Заметим, что до революции, по словам Большакова, Осташенко «говаривал, что если бы “встал народ, он первый присоединился бы к нему”». Заявитель подчеркнул, что «это звучало искренне», хотя и в момент распития коньяка³⁹. Младшему помощнику пристава 1-го полицейского участка Литейной части

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

³⁹ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 20; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

штабс-капитану Ивану Ивановичу Кубяну удалось, избежав по дороге ареста, дойти 2 марта 1917 г. до Таврического дворца, где он «предложил свои услуги Временному комитету Гос[ударственной] думы»⁴⁰.

Полицейские надзиратели в большем количестве, чем приставы и их помощники, встали на сторону революционеров. Так, полицейский надзиратель 2-го участка Петроградской части Семен Амвросиевич Рыжевич показал 31 марта 1917 г. в ОСО: «Я добровольно явился в Военную тюрьму 2 марта сего года, не зная куда деваться и сам бы пошел по улицам со всеми (т.е. принял бы участие в революции! – А. Н.), но боялся лишь, чтобы не избили»⁴¹. Как видим, в этом случае «страх» быть избитым восставшими стал причиной тому, что полицейский надзиратель не смог открыто перейти на сторону революции. Полицейский надзиратель того же участка Иван Павлович Перовский пришел в Кадетский корпус, где узнал, что тот перешел на сторону революционного движения. Перовский «решил присоединиться к ним тоже». Через вахтера он начал вести об этом переговоры с начальством Кадетского корпуса, но, по словам Перовского, «явились солдаты и меня отвели, сперва в Петровский парк, пока я[,] наконец[,] не попал в “Кресты”»⁴². Полицейский надзиратель 4-го участка Нарвской части Петр Евтрониевич Быков в отличие от Рыжевича и Перовского точно знал, куда идти и что делать. Он «явился добровольно в Гос[ударственную] думу», где изъявил «желание служить новому правительству»⁴³. Но его услуги революционной власти негодились.

Иногда полицейские надзиратели использовались восставшими помимо их воли. Выявлен случай, когда полицейский надзиратель 2-го участка Адмиралтейской части Кирилл Леонтьевич Юдин, арестованный 1 марта, по пути в Государственную думу «совместно с патрулем принимал участие в обыске на кварт[ире] бывш[его] мин[истра] землед[елия] Кривошеина»⁴⁴⁴⁵. Об этом факте Юдин не постеснялся сообщить, давая показания члену КОМЗ,

⁴⁰ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 5 об.

⁴² Там же. Д. 119. ЛЛ. 3 об.–4.

⁴³ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

⁴⁴ Статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета Александр Васильевич Кривошеин проживал в д. 36 по ул. Сергиевской (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1917. С. 355). Ул. Сергиевская – ныне ул. Чайковского.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 167. Л. 1 об.

тем самым совершив внутреннее согласие на участие в этом обыске и обозначив свою причастность к революции.

В других случаях полицейские надзиратели принимали участие в революции сознательно, хотя действовали не свободно, т.к. их воля была ограничена требованиями восставших. Например, полицейский надзиратель 2-го участка Андрей Кирьянович Чуприков «1 марта на улице искал с солдатами стрелявших», а 2 марта добровольно явился в Государственную думу⁴⁶. Укажем, что до революции он высказывал недовольство своей службой в полиции⁴⁷. Полицейский надзиратель этого же участка Александр Платонович Рябов, тоже недовольный своей службой⁴⁸, по словам его жилички Н. Е. Костыловой (10-я рота, д. 15, кв. 4), говорил ей 27 февраля, что «пристав <...> распустил их и приказал им прятаться; что прятаться он не будет, т.к. это подло, а лучше присоединится к народу». 28 февраля Рябов, по словам Костыловой, «вышел на улицу в штатском с красным флагом в руках и, подойдя к толпе народа, сдался»⁴⁹. Об этом же сообщила в ОСО другая его жиличка — А. М. Золотова⁵⁰. Укажем на противоречия в показаниях Косылевой: передавая слова Рябова, сказанные им 27 февраля, она говорила, что он хотел присоединиться к народу, рассказывая же о событиях 28 февраля, она утверждала, что Рябов сдался народу. Видимо, вслед ей вторила и Золотова, ее соседка по квартире. Хотя, старший дворник д. 23 по 12-й роте З. П. Клубничкин в своих показаниях в ОСО, как бы подтверждая слова свидетелей о намерении Рябова, заявил: «В дни революции видел его 26 и 27 февраля. Он говорил мне, что хочет идти в Технологический институт, чтобы сдать»⁵¹. В связи с этим приведем показания свидетельницы М. П. Уренковой (12-я рота, д. 11, дворничка): «Я видела, как Рябов с красным флагом вышел из своей квартиры к толпе народа и заявил про себя, что он околоточный надзиратель и готов идти с народом»⁵². Можно утверждать, что Рябов вышел на улицу не с целью сдать восставшим, а — встать в их ряды. И к этому он готовился: во-первых,

⁴⁶ Там же. Д. 175. Л. 1.

⁴⁷ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 21–22; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 175. Л. 2 об.

⁴⁸ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 21; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. ЛЛ. 3–5.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 5.

⁵¹ Там же. Л. 4 об.

⁵² Там же.

по словам К. С. Садикова, рабочего мебельной фабрики Ф. Ф. Тарасова, «месяцев 5 тому назад (т.е. в октябре-ноябре 1916 г. — А.Н.) Рябов говорил в конторе фабрики в присутствии нескольких человек, что если бы началась революция, то он первый стал бы на сторону революционеров»⁵³; во-вторых, он где-то заранее достал или специально изготовил красный флаг, чтобы обозначить себя перед восставшими как «своего». Показания свидетелей передают реакцию толпы на появление Рябова с красным флагом: «его хотели убить, но очень многие вступились за него и его оставили (т.е. не убили — А.Н.)» (Н. Е. Костылова)⁵⁴; «толпа хотела его убить, но я уговорил не трогать его» (Н. Смирнов)⁵⁵; «его хотели убить, но я уговорил оставить Рябова» (Я.А. Заварзаев)⁵⁶. Восставшие, по словам Костыловой, «просили (Рябова — А.Н.) показать квартиры других околоточных, что он и сделал»⁵⁷. Торговец фруктами в разнос Н. Смирнов заявил, что он предложил использовать Рябова «для указания квартир других чинов полиции»⁵⁸. Я. А. Заварзаев же утверждал, что именно он выступил с этим предложением⁵⁹. Как следует из показаний Смирнова и Заварзаева, Рябов указал квартиры помощника пристава Реута и околоточного Безрукова⁶⁰. Но на этом он не остановился и сделал то, что от него не просили. Как сообщил Н. Смирнов, «Рябов повел толпу к колокольне Церкви Св. Троицы (на Измайловск[ом] пр.), говоря, что там должна быть также полиция». Смирнов, не участвовал в этой операции, но «слышал, будто там, действительно несколько человек полицейских»⁶¹. После этого Рябова отвезли в Государственную думу, откуда он был отпущен, но 3 марта его снова арестовали⁶².

Перешли на сторону революции и некоторые городовые. Например, городской Павел Иванович Бойко, как следует из записи, сделанной членом НСК, «оружие выдал революционному народу[,] к которому присоединился

⁵³ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 25; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 3 об.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Там же. Л. 5.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁶⁰ Там же. ЛЛ. 4–5.

⁶¹ Там же. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 2.

<...> добровольно»⁶³. Городовой 2-го полицейского участка Адмиралтейской части Василий Петрович Костин показал ОСО: «<...> я присоединился к солдатам на Невском 28 / II. Проходил с ними до 1 / III»⁶⁴. Комендант Таврического дворца М. А. Караулов выдал Ивану Яковлевичу Борзыкину удостоверение на клочке бумаги следующего содержания: «Бывшему городовому Борзыкину, явившемуся с повинной, Временное правительство разрешает служить народу, как честному гражданину подобает явиться [к] начальнику штаба Района»⁶⁵. Судя по имеющимся документам, городовые Бойко, Борзыкин и Костин ни в каких действиях восставших участия не принимали.

Другие городовые сумели оказать услуги революции. По словам М. П. Марченковой, жены городского 1-го участка Казанской части Петра Кирилловича Марченкова, городской того же участка Селиванов указывал «по требованию обыскивающих квартиры городских». Она показала, что Селиванов участвовал в обыске на их квартире, который «производился тремя солдатами и одним штатским»⁶⁶. Городовой 2-го участка Адмиралтейской части Иван Николаевич Крылов сообщил в ОСО, что 28 февраля 1917 г. он явился добровольно в Государственную думу. Сдав в Думе револьвер, он вместе с солдатами поехал в свой участок, где было взято «все оружие». Вернувшись в Государственную думу, Крылов был отпущен помощником коменданта. 1 марта он снова пришел в Таврический дворец, рассчитывая, видимо, что вновь будет использован в других операциях революционеров, но в этот день он был задержан и оставлен в Государственной думе⁶⁷. Городовой Охтенского участка Леонтий Андреевич Згадов после его разгрома восставшими «ездил на автомобиле и арестовывал других городских». 1 марта он добровольно «явился в Государственную думу и сдался»⁶⁸.

Таким образом, начиная со второй половины дня 27 февраля 1917 года часть петроградских полицейских от приставов и до городских стала переходить на сторону революции. Подчеркнем, что организованных коллективных форм этот процесс в отличие от воинских частей не приобрел, и каждый полицейский должен был искать свой собственный путь в ряды восставшего

⁶³ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

⁶⁵ Николаев А. Б. Революция и власть. С. 505; РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 32, 129.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 103. ЛЛ. 7 об.–8.

⁶⁷ Там же. Д. 87. Л. 1.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

народа. Необходимо также указать, что восставшие не готовы были расширить «революционную армию» за счет включения в нее полицейских в качестве ее равноправных участников. Вместе с тем Государственная дума как центр революции и штаб восстания, а также толпы восставшего народа использовали полицейских как носителей информации об адресах чинов полиции и местах хранения оружия. Некоторые полицейские, переодевшись в гражданскую одежду, т.е. анонимно, принимали участие в отдельных мероприятиях восставших. Можно утверждать, что переход полиции на сторону революции не был принят восставшим народом, т.е. не получил общественной поддержки. Как правило, полицейские, перешедшие на сторону восставших, в конечном счете, оказывались под арестом, а в дальнейшем были отправлены на фронт, если этому не препятствовали возраст и состояние здоровья.

Говоря о причинах того, что некоторые петроградские полицейские оказались в рядах революционеров, пусть даже анонимно и на короткое время, необходимо учитывать следующее: уже накануне Февральской революции среди них были лица, во-первых, недовольные своей службой, а также порядками, царившими в полиции и стране; во-вторых, готовые перейти на сторону восставших в случае начала революции. Иначе говоря, для указанных категорий полицейских «страх» не мог сыграть решающую роль в изменении настроений и взглядов, ибо они к этому времени уже сформировались.

Н. Н. Смирнов

К ВОПРОСУ О «ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ»

Среди множества мифов, порожденных революционными событиями 1917 г. в России, наиболее распространенными оказались два: о немецких деньгах и о «пломбированном вагоне». Но если первый из названных мифов получил практически полное разрешение в трудах, в частности, петербургских историков¹, то второй продолжает муссироваться как в средствах массовой информации, так и в ряде научных и публицистических публикаций в интерпретации, мало отличающейся от той, с которой революционная Россия познакомилась в апреле–мае 1917 г.²

Заметим, что в последнее время несколько изменилось информационное наполнение сюжетов, связанных с «пломбированным вагоном». В частности, популярный интернет-портал «Википедия» отошел от традиции представления описываемого явления как исключительного, единичного. Новая интерпретация описана так: «“Пломбированный вагон” – установившееся в историографии название трех поездов, в которых, следуя из Швейцарии через Германию в Россию в апреле 1917 года, проехала большая группа российских революционеров-эмигрантов. В более узком употреблении под “пломбированным вагоном” подразумевается только тот вагон первого из поездов, прибывшего в Петроград, в котором перемещался В. И. Ленин»³.

Следуя логике изложения, можно предположить, что все три поезда проследовали в Россию в апреле 1917 г., что условия перемещения «ленинского вагона» были эксклюзивными. Так ли это?

Прежде всего, заметим, что в действительности три означенных поезда перемещались по маршруту Цюрих – Засниц – Треллеборг – Стокгольм – Хапаранда – Торнео – Петроград одновременно.

¹ См.: Соболев Г. Л. 1) Русская революция и «немецкое золото». СПб., 2002. 479 с.; 2) Тайный союзник: Русская революция и Германия. СПб., 2009. 475 с.; Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. 288 с.

² См.: Октябрьский штурм: материалы круглого стола // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 7 ноября; Арутюнов А. А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. 656 с.; Пирсон М. Пломбированный вагон: Путь к революции. Fleming Crassey, 2011 – ISBN 978-1-908439-06-2 – электронный вариант книги насчитывает 585 с. // <http://www.bookmate.com/books/dfDHsbZS>.

³ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Пломбированный_вагон.

Первый «ленинский поезд» отправился в путь 9 апреля 1917 г. (н.с.) в 15 час. 10 мин. В самом «ленинском» вагоне находились от 29 до 40 русских политэмигрантов-пацифистов⁴. Показательно, что этим же поездом на родину возвращались и другие российские революционеры, настроения которых были далеки от пацифизма. Вагоны были доставлены к германской границе, после чего все пересели на пароход, доставивший их в Швецию, а оттуда переправились в Финляндию, являвшуюся на тот момент частью России⁵.

В мае 1917 г. в Россию направился следующий состав с русскими политэмигрантами, названный исследователем «первый поезд Цюрихского комитета». Его состав, согласно сведениям, сообщенным А. В. Луначарским телеграммой в редакцию газеты «Новая жизнь» включал 250 русских эмигрантов, в числе которых были Натансон, Мартов, Лапинский, Рязанов, Абрамович и др. В телеграмме особо подчеркивалось: «Убежденные в невозможности

⁴ В списке пассажиров «ленинского вагона», опубликованном в одной из петроградских газет, значится 29 человек (Общее дело. 1917. 14 октября).

В телеграмме Я. С. Ганецкого в Петроград М. Ю. Козловскому сообщалось о том, что «Ленин, Зиновьев, Миха ... и около 30 лиц разных партий едут из Стокгольма» (См.: Попова С. С. Между двумя переворотами: Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 52).

30 человек насчитывает «список эмигрантов, переехавших границу в Торнео 2/15 апреля 1917 г.»; 31 политэмигрант фигурирует в т.н. «французском списке» // Попова С. С. Указ. соч., с. 373.

Из донесения бернского корреспондента в *Sûreté Générale* следует, что первый конвой, в котором среди прочих возвращался и В. И. Ленин, насчитывал 40 россиян (Национальный архив Франции (далее – CARAN), F/7/12896 – *correspondance générale*).

В статье В. И. Ленина «Как мы доехали» сообщается о 32 эмигрантах разных политических партий, ехавших в одном вагоне с лидером большевиков. 19 представляли РСДРП (б), 6 – бундовцев, 3 – интернациональную газету «Наше слово». Партийная принадлежность еще 4 человек в статье не упомянута (См.: Правда. 1917. 5 (18) апреля).

«Википедия» приводит следующее описание «ленинского вагона»: «... в вагоне были опломбированы лишь три из имевшихся в нем четырех дверей. Последняя использовалась для общения с внешним миром, проводимого под контролем Платтена и двух сопровождающих немецких офицеров, в том числе для получения газет и покупки молока для детей. По идее Ленина в коридоре была проведена по полу черта, означавшая границу экстерриториальности, отделявшая немцев от большевиков. Им же была установлена выдача входных билетов на посещение туалета, что предотвратило его блокирование на длительное время любителями покурить» (См.: [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Пломбированный_вагон). Заметим, что принцип экстерриториальности поддерживался и в прочих «пломбированных вагонах», проследовавших из Швейцарии через Германию.

⁵ Бабицкий А. Пломбированный вагон Ленина – легенда или реальность? [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.chuchotezvous.ru/modern-history/595.html>

проехать через Англию, ввиду политических препятствий, были вынуждены проехать через Германию, чтобы занять немедленно боевые посты против всякого империализма»⁶. Именно с этой группой прибыли в Россию Анжелика Балабанова и Роберт Гримм. Отметим, что в документах Центрального бюро Главного управления Генштаба России (далее – ЦБ ГУГШ) Балабанова проходила как «австрийский агент» и подлежала бдительному контролю со стороны соответствующих органов. Луначарский же был именован сотрудником выходящего в Женеве Обозрения, «получающего субсидию от австрийского консульства»⁷.

Отправившиеся на Родину в мае 1917 г. были осведомлены о нападках российской прессы на тех, кто вернулся в составе «ленинского поезда». Французская разведка перехватила открытку русского политэмигранта, отправленную из Женевы 9 мая (н.с.): «Передайте нашим бывшим товарищам, а ныне патриотам, что они могут к своему протесту против Ленина присовокупить протест и против меня, и Левенсона, и Прошьяна, и Натансона, и Устинова, Ульянова и имярек... Их протест тогда будет носить еще более импозантный характер. ... P.S. Всех нас ждет 250 чел. Первую очередь, а через неделю, вероятно, еще поедут много, много»⁸.

Второй поезд Цюрихского комитета отправился в Россию в июне 1917 г. Французский источник в Берне сообщал о 123 русских политэмигрантах, оказавшихся в «пломбированных вагонах» этого состава⁹. Телеграмма генерал-майора Н. М. Потапова в Торнео от 10 июля (ст.с.) извещала: «По сведению министерства иностранных дел, (17 или) 21 июля в Хапаранду должна прибыть партия политических эмигрантов, следующих через Германию в составе свыше 120 человек»¹⁰.

Рост числа возвращавшихся на Родину в «пломбированных вагонах» политэмигрантов заставил власть предержащую внести соответствующие разъяснения относительно того, как специальным органам следует относиться к этим гражданам новой России. В справке ЦБ ГУГШ от 21 июля (ст.с.) отмечалось: «Проезд через Германию с согласия и содействия германских вла-

⁶ См.: Попова С. С. Указ. соч. С. 58 – 59. Заметим, что французские источники указывают значительно более скромную численность русских политэмигрантов, вернувшихся на Родину этим поездом – 70 человек (CARAN, F/7/12896 – Sûreté Générale, correspondance générale).

⁷ Попова С. С. Указ. соч. С. 81.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ CARAN, F/7/12896 – Sûreté Générale, correspondance générale.

¹⁰ См.: Попова С. С. Указ. соч. С. 75.

стей, конечно, не является еще актом измены, хотя и создает весьма основательное предположение в пользу вероятности того, что деятельность данного лица может прямо или косвенно содействовать намерениям и видам враждебной державы. Но таковой проезд является по меньшей мере поступком нелояльным с патриотической точки зрения и вредным для целей государственной обороны. Поэтому он не может оставаться без наказания»¹¹.

В официальных документах отсутствует разъяснение того, почему русские политэмигранты были вынуждены воспользоваться для возвращения на Родину «пломбированными вагонами». В значительной степени это было связано с опасением обострить отношения с союзными державами, перекрывшими традиционные пути перемещения эмигрантов.

С середины марта 1917 г. во Франции и Великобритании создавались инициативные группы, призванные решить вопрос о возвращении русских политических эмигрантов на Родину. В МИД Франции и Великобритании направлялись ходатайства, суть которых сводилась к следующему: правительства союзных держав призывались незамедлительно решить вопрос о выделении транспортов для возвращения эмигрантов в Россию. Ходатайства подписывались совместно представителями различных политических партий и течений: от большевиков до трудовиков и анархистов. С каждым днем число ходатайств возрастало, но позитивного ответа не последовало. На документах красным или синим карандашом делались пометы без подписи: «Отказать ввиду отсутствия возможностей и гарантий безопасности»¹².

Причины отказа в большинстве случаев разъяснялись возросшей активностью германского флота в проливе Ла-Манш и Северном море – традиционных путях, связывавших союзные державы. Несомненно, вероятность гибели репатриантов существовала, хотя и была сравнительно невелика. Истинные мотивы, несомненно, крылись в другом: правительства Франции и Великобритании осознавали, что в Россию возвращались не только противники монархии, но и те, кто открыто призывал к заключению сепаратного мира. Подобного развития событий не желали ни в Париже, ни в Лондоне. Здесь стремились добиться от Временного правительства гарантий продолжения участия России в войне. В контексте замыслов вполне логичным представляется известное решение рассматриваемой проблемы: возвращение политических эмигрантов в Россию через территорию Германии в «пломбиро-

¹¹ См.: Попова С. С. Указ. соч. С. 83.

¹² Архив МИД Франции, f. Russie, Nouvelle série, d. 94, 109, 119.

ванных вагонах». Представителям комитетов и обществ русских эмигрантов в европейских странах недвусмысленно дали понять, что правительства союзных держав, учитывая сложившуюся обстановку, не будут препятствовать отличным от традиционных попыткам возвращения на Родину.

«Было ясно, — подчеркивает исследователь, — что правительства воюющих государств-противников вот-вот запустят масштабные кампании, призванные качнуть политический маятник в Петрограде. Немцы станут поддерживать пацифистов-интернационалистов, Антанта — противодействовать им, а особенно эмигрантам: до них легче дотянуться. ... Антанта, безусловно, не станет помогать ни одному социалисту-пацифисту вернуться в Россию, чтобы работать над заключением губительного мира, а меньше всего — Ленину. Ведь стоит навести справки и обнаружится, что он яростно агитировал против войны с самого ее начала. Если так, то путешествие транзитом через Францию, Италию или Британию невозможно»¹³.

Можно предположить, что варианты дискредитации русских политических эмигрантов-пацифистов самым тщательным образом были проанализированы во время встречи министра вооружений Франции, социалиста А. Тома и премьер-министра Великобритании Ллойд-Джорджа в Лондоне 14 апреля (н.с.)¹⁴. Позднее, уже в Петрограде, А. Тома «посоветовал» А. Ф. Керенскому назвать большевиков и прежде всего их лидера — В. И. Ленина «агентами германского Генерального штаба». Подобным же образом предлагалось дискредитировать всех эмигрантов-пацифистов, вернувшихся на Родину через Германию. «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить, при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции. Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении и держите русское правительство в курсе ваших действий и поисков», — инструктировал А. Тома французского атташе в Стокгольме Л. Тома¹⁵.

¹³ Пирсон М. Пломбированный вагон: Путь к революции. Глава 1. С. 12.

¹⁴ CARAN, f. 94 AP 176 — fond A. Thomas. Correspondance reçue par la mission.

¹⁵ См.: Соболев Г. Л. Тайный союзник: Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб, 2009. С. 236; Попова С. С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 266.

Заметим, что причины отказа правительств Франции и Великобритании в репатриации политических эмигрантов «обычным путем» не помешали позднее именно по Северному морю вернуться в Россию Г. В. Плеханову с семьей, П. Кропоткину, ряду других активных участников российской революции. Да и А. Тома в апреле 1917 г. пренебрег «германской опасностью» и морем из Абердина добирался до Христиании, чтобы затем оказаться в России.

А. Бабицкий в своем анализе проблемы «пломбированного вагона» выделяет две основные точки зрения. «Согласно первой, — замечает автор, — операция по доставке Ленина и других революционеров в Россию была тщательно разработанной акцией германских спецслужб, а сам Ленин являлся, по сути, немецким шпионом. Основное содержание этой версии строится на утверждении, что Ленину не просто дали проехать через Германию, но и снабдили его конкретными инструкциями по дестабилизации обстановки в стране с целью обеспечения прекращения участия России в войне, а также вручили крупные денежные средства для ведения подрывной пропаганды»¹⁶. Подобная версия представляется А. Бабицкому менее убедительной, чем другая, в основе которой лежат документальные источники, «с одной стороны, никак не подтверждающие передачу германскими властями Ленину каких-то инструкций или денег на ведение политической борьбы. С другой, имеются свидетельства того, что средства на поездку революционеры сначала собирали в своем кругу в Цюрихе, а потом получили финансовую помощь, также весьма незначительную, от товарищей в Стокгольме. Ни о каких огромных финансовых ресурсах речи не было. Наконец, не стоит забывать о том, что помимо Ленина и большевиков в одном с ними поезде через Германию ехали и представители других политических сил, которые впоследствии были противниками большевиков в политической борьбе»¹⁷.

Документы Национального архива Франции позволяют не просто согласиться с мнением одного из исследователей проблемы, но и существенно дополнить его. Деятельность Общества русских граждан в Цюрихе тщательно анализировалась, в частности, спецслужбами Франции. Отчеты агентов, пе-

¹⁶ Бабицкий А. Пломбированный вагон Ленина — легенда или реальность? [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.chuchotezvous.ru/modern-history/595.html>

¹⁷ Там же. Автор называет и число представителей иных политических партий России, ехавших в «ленинском поезде» через Германию — 65 человек, членов РСДРП; 33 члена Всеобщего еврейского рабочего союза, 17 членов партии эсеров, 14 анархистов, 11 членов прочих мелких партий и организаций, 18 человек, не обозначивших своей партийной принадлежности.

ресылаемые из Цюриха в Париж, подтверждают, что Общество на протяжении 1916–1918 гг. способствовало возвращению русских эмигрантов на Родину через территорию Германии, используя принцип экстерриториальности, знакомый дипломатическим службам европейских государств. Два нейтральных государства – Швейцария и Швеция – все военные годы были связаны железнодорожным сообщением через территории воюющих стран. Именно члены Общества вступали в переговоры с представителями германского посольства и консульства относительно возможности проезда русских эмигрантов через территорию Германии. Общество собирало и добровольные пожертвования, предназначенные для оплаты проезда и питания возвращавшихся на Родину россиян. Листовки с адресом Общества (Spitalgasse, 5) и перечислением основных сфер его деятельности распространялись по территории европейских стран. По прибытии в Цюрих русскому эмигранту гарантировалось содействие при предъявлении листовки. Информация о работе Общества русских граждан в Цюрихе регулярно публиковалась в швейцарской печати. Активную помощь ему оказывали швейцарские социалисты¹⁸.

Указанные материалы не позволяют конкретизировать цель, преследуемую Министерством внутренних дел Франции и *Sûreté Générale* в отношении цюрихского Общества и других, подобных ему комитетов помощи русским эмигрантам. Скорее всего, собирательство носило информативный характер и позволяло выявлять действия, носившие характер потенциальной угрозы для Франции. В частности, имеющаяся информация могла способствовать рождению идеи «пломбированного вагона» как способа дискредитации политических эмигрантов-пацифистов.

Принято считать, что второй поезд цюрихского комитета был последним в истории «пломбированного вагона». Г. Л. Соболев пишет: «третий по счету, он же и последний, поезд с русскими эмигрантами в количестве 200 человек проехал через Германию 25 июня 1917 г.»¹⁹ Этим поездом не воспользовались известные политические деятели, однако на нем возвращались в Россию активисты и организаторы политического движения, писатели.

История «пломбированного вагона», судя по имеющимся документам, продолжилась в сентябре 1917 г. В это время в составе четвертого поезда оказалось 200 российских политических эмигрантов²⁰.

¹⁸ CARAN, F/7/12896 – *Sûreté Générale*, correspondance générale.

¹⁹ Соболев Г. Л. Указ. соч. С. 209.

²⁰ CARAN, F/7/12896 – *Sûreté Générale*, correspondance générale.

19 марта 1918 г. из Берна в Париж поступило донесение, извещавшее о пятом эшелоне русских политических эмигрантов, возвращавшихся на Родину через Германию. Согласно источнику, конвой должен был отправиться в путь в конце месяца и насчитывал десятки политэмигрантов. Все хлопоты, связанные с комплектованием группы возвращенцев и оформлением проездных документов по-прежнему брало на себя Общество русских граждан в Цюрихе²¹.

Можно ли утверждать, что пятью означенными составами ограничивается история «пломбированного вагона»? Вряд ли. Имеется косвенная информация о том, что аналогичного рода составы в 1917 г. перевозили русских политических эмигрантов через Германию из Бельгии. Несомненно, и в них действовали те же нормы и правила, которые были установлены в Швейцарии.

М. Пирсон замечает: «... Сам вагон и его невероятное путешествие через Германию, находившуюся с Россией в состоянии войны, — связующее звено всей этой истории. Если бы не этот вагон, Ленин не прибыл бы в Петроград тогда, когда прибыл, а не вернись он в Россию, мировая история пошла бы совсем по-другому. ...

Объединение противоборствующих интересов, символом которого стал пломбированный вагон, подвергало огромному риску и Ленина, и кайзера. Для Ленина позорное пятно связи с врагом, “замаранные” этой помощью руки были очень опасны с политической точки зрения и чуть не погубили его.

Вильгельм свою долю риска проигнорировал, но планы Ленина по поводу мировой революции могли распространиться за границы России, угрожая кайзеру той же судьбой, что уже постигла его собрата, русского царя.

Как ни странно, несмотря на противоположность интересов, оба во многом достигли того, к чему стремились.»²².

С подобным подходом можно согласиться. Но лишь в том случае, если историю «пломбированного вагона» свести лишь к двум личностям — Ленина и Вильгельма. Но это уже противоречит историческим реалиям. На практике уже пора расстаться с традиционным мифом и осмыслить проблему «пломбированного вагона» во всей ее сложности и многообразии.

²¹ Ibid.

²² Пирсон М. Пломбированный вагон. Глава 1. С. 3.

В. В. КАЛАШНИКОВ

ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Проблема возможных альтернатив в развитии Русской революции 1917 года всегда интересовала историков.

Она была поставлена сразу после Октября в работах политических противников большевиков, которые мучительно искали ответ на вопрос, как и когда был упущен шанс остановить Ленина и направить ход революции в иное русло. В 1920-е годы наиболее авторитетным историком в антибольшевистском лагере был П. Н. Милюков. В своей книге «История второй русской революции» он указал на целый ряд особенностей российской истории, которые сделали победу большевиков возможной, но не считал ее предопределенной и полагал, что у Л. Г. Корнилова были шансы остановить В. И. Ленина. Однако, по мнению П. Н. Милюкова, корниловскую альтернативу большевизму погубил А. Ф. Керенский, который, стремясь к личной власти, сорвал дело Корнилова. Неслучайно Милюков вторую часть своей книги о революции назвал «Корнилов или Ленин?», а третью — «Агония власти». Иными словами после неудачи Корнилова автор расценивал дальнейшие события лишь как агонию Временного правительства, хотя и не считал осенний успех большевиков предопределенным¹.

Советские историки 1920-х гг. рассматривали вопрос об альтернативных путях развития революции в другом ракурсе. Они создавали концепцию *необходимости* и *закономерности* пролетарской революции в России, которая порой находила выражение в тезисе о *неизбежности* победы большевиков². Так, М. Н. Покровский, крупнейший большевистский историк 1920-х годов, критиковал П. Н. Милюкова за то, что тот в своей книге не ответил на вопрос: «почему было *неизбежно*, чтобы большевизм стал у власти в октябре 1917 года?». Однако Покровский выводил эту «*неизбежность*» не из пресловутых «железных законов истории», а из конкретной ситуации 1917 года,

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1 – 3. София, 1921–1924.

² Все выделения *курсивом* в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

созданной отказом кадетов и правых социалистов решить вопросы о земле и мире. При этом Покровский признавал, что в принципе противники большевиков могли бы их решить. Например, кадеты могли выйти из войны, как это сделала германская буржуазия: «не дожидаясь спартаковского взрыва, начала мирные переговоры — и спаслась»³. Иными словами, он признавал возможность альтернативного развития революции, утраченную в силу ошибок противников большевиков. В таком контексте тезис о неизбежности был литературным оборотом, а не историографической позицией. По-иному и не могло быть. Покровский был свидетелем и участником революции и прекрасно понимал, что не только кадеты и эсеры, но и лидеры большевиков осенью 1917 года могли принять решения, которые изменили бы ход истории. Покровский не мог не знать, как трудно ЦК большевиков принимал решение о восстании, о расколе в ЦК и СНК в послеоктябрьские дни по вопросу о формировании однородного социалистического правительства. Иные решения уже по этим двум вопросам несли в себе иные альтернативы развития событий.

Концепция «неизбежности» не сложилась в советской историографии 1920-х гг. и потому, что ее не было в ленинских работах о революции, хотя Ленин термин «неизбежность» иногда использовал. В знаменитой резолюции ЦК партии большевиков от 10 октября он написал о том, что восстание против Временного правительства *«неизбежно и вполне назрело»*⁴. Однако фраза о неизбежности восстания была только способом однозначно закрепить с трудом принятое решение о его подготовке. Ленинские работы осени 1917 г., доступные историкам, ясно показывали, что Ленин рассматривал ситуацию как критическую: большевики могли как использовать, так и упустить благоприятный момент для взятия власти. Вот известные строки из статьи «Кризис назрел», написанной Лениным 29 сентября 1917 г.: «Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом». А вот и приписка к этой статье для актива партии: «в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. ... Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти»⁵.

³ Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М.: Красная новь, 1922. С. 34–36.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 393.

⁵ Там же. С. 280–281. (Выделения курсивом сделаны В.И. Лениным).

Читая эти строки, трудно сделать вывод о том, что Ленин считал победу большевиков *неизбежным* результатом развития революции.

В своих осенних статьях Ленин постоянно ставил вопрос об альтернативах и показывал, какие альтернативы развития событий могли возникнуть в случае отказа большевиков взять власть до II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленин писал о казаках, об опасности «второй корниловщины», но он явно более всего боялся действий «умеренных социалистов». Под давлением масс они могли принять половинчатые решения по вопросам о земле и мире и тем самым разрядить революционную ситуацию.

В работах Ленина после 1917 года также не было попытки превратить тезис о необходимости Октябрьской революции в тезис о ее неизбежности. В октябре 1921 г. в «Правде» была опубликована ленинская статья, посвященная четырехлетней годовщине Октября. В ней не раз повторяется мысль о том, что большевики «как никто» доделали буржуазную революцию до конца, продвигаются вперед к революции социалистической, «зная, что только борьба решит насколько нам удастся ... продвинуться вперед ... какую часть наших побед закрепим за собой»⁶. В этих словах отражена позиция Ленина по отношению к социалистической революции в России, свободная от веры в какую-либо predeterminedность конкретно-исторического процесса.

После смерти Ленина в 1924 году Троцкий выпустил работу «Уроки Октября», которая напомнила партии о драматических моментах борьбы за власть. Троцкий прямо показал, что взятие и удержание власти большевиками осенью 1917 года критически зависели от усилий Ленина. Работа была пронизана идеей альтернативности в истории революции. Поскольку Троцкий прямо бил по своим соперникам Зиновьеву и Каменеву, постольку в партии разгорелась ожесточенная дискуссия. Отвечая Троцкому, его соперники и не думали о том, чтобы отрицать решающую роль субъективного фактора в критический момент революции. Троцкого ругали за то, что ему «обязательно хочется отодрать Ленина от Цека, противопоставить их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась»⁷. Мы не будем касаться сути спора, отметим лишь, что на фоне и после этой дискуссии трудно себе представить появление работ, в которых победа большевиков рассматривалась бы как «предопределенная».

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 145.

⁷ Как не нужно писать историю Октября // Правда. 1924. 2 ноября.

Уже с середины 1920-х годов важную роль стали играть работы Сталина. В марте 1924 г. выходит его брошюра «Об основах ленинизма», которая вскоре превращается в учебник для членов партии, многократно переиздается и входит в шестой том Сочинений Сталина. В брошюре в принципе говорится о неизбежности пролетарской революции в эпоху империализма («система в целом созрела для революции»), обосновывается тезис о России как слабом звене в империалистической цепи, но нет тезиса о неизбежности победы большевиков в революционном 1917 г.⁸

Следует отметить, что Сталин вслед за Лениным использует термин «неизбежность», но всегда с явной ориентацией на ленинскую революцию от 10 октября. Так, в статье «Октябрьский переворот», написанной в 1918 г. к первой годовщине Октября, Сталин говорил о том, что «хозяйственная разруха» и «нежелание фронта продолжать войну определило *неизбежность* быстрого и строго организованного восстания, как единственного выхода из создавшегося положения»⁹. При этом тезис о неизбежности восстания Сталин не трактовал как тезис о неизбежности его победы. В октябре 1920 г. Сталин, вспоминая события октября 1917 г., говорит об успехе большевиков почти как о каком-то чуде: «Обозревая прошлое Советской власти, невольно вспоминаю вечер 1917 года, 25 октября, три года тому назад, когда мы, маленькая группа большевиков, во главе с товарищем Лениным, имея в руках Петроградский Совет (он был тогда большевистским) и незначительную Красную гвардию, имея в своем распоряжении всего-навсего маленькую, не вполне еще сколоченную коммунистическую партию ..., как мы, эта маленькая группа, сняв с власти представителей буржуазии, передали власть 2 съезду Советов»¹⁰.

Среди работ советских историков 1920-х годов, ставивших вопрос об альтернативах русской революции, следует отметить вступительную статью к сборнику мемуаров белогвардейцев, которую написал С.А. Алексеев. Анализируя ситуацию осени 1917 года, он говорит о том, что реальными были только «два пути: либо к рабоче-крестьянской республике Советов, либо к буржуазно-помещичьей реставрации». Третий путь «революционной демократии» он считает нереальной альтернативой. Оценивая шансы второго пути, автор отмечает неспособность корниловцев в дни мятежа найти опору в солдатских и даже казачь-

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 93–98.

⁹ Там же. Т. 4. С. 152.

¹⁰ Там же. С. 391.

их частях. В итоге первый путь подается как наиболее реальная альтернатива, но автор нигде не говорил о неизбежности победы большевиков¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что советские историки 1920-х годов отнюдь не отрицали возможность альтернативного развития русской революции, хотя и не выдвигали вопрос об альтернативах на первый план. Они решали другую задачу: обосновывали необходимость и закономерность социалистической революции в России, обусловленную особенностями мирового и национального развития.

С 1938 г. историки почти два десятилетия были вынуждены руководствоваться установками книги «История ВКП(б). Краткий курс». В ней с искажениями излагается история Октябрьской революции, которую по версии авторов книги творили два вождя – Ленин и Сталин. В книге была фраза о том, что в конкретных условиях октября 1917 г. *«никакие силы не могли уже остановить победного шествия социалистической революции»*¹². Эта фраза могла дать толчок для утверждения в советской историографии тезиса о неизбежности победы Октября. Но «Краткий курс» в прямой постановке такого тезиса не содержал.

В 1943 г. после долгой задержки вышел второй том пятитомной «Истории гражданской войны в СССР», в котором излагалась история подготовки Октябрьской революции. Весь приведенный авторами материал свидетельствовал о том, что осенью 1917 г. события могли развиваться по-разному. Говоря об уроках Октябрьского вооруженного восстания, авторы в качестве первого сформулировали тезис о том, что «победа никогда не приходит «самотеком», она достается только после тяжелой, упорной организованной борьбы»¹³. Отрицание «самотека», т.е. «предопределенности» октябрьской победы большевиков было логичным на фоне традиции, которая сложилась в советской историографии в 1920-е и сохранилась в 1930-е годы, несмотря на все искажения, связанные с утверждением культа личности Сталина.

Тезис о неизбежности победы большевиков в революции 1917 года как элемент официальной историографической концепции появился в советской историографии уже после смерти Сталина. После XX съезда КПСС историки

¹¹ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев; Октябрьская революция. М.;Л.: Госиздат, 1926. С. IV, XII.

¹² Цит. по: История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ, 1946. С. 198.

¹³ История Гражданской войны в СССР. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1943. С. 280.

выступили против концепции «двух вождей» и стали делать акцент на решающую роль Ленина в выработке и осуществлении курса на пролетарскую революцию. Однако акцент на роль Ленина невольно вел к выводу о том, что победа большевиков зависела от позиции одного человека – вождя партии, который в острой борьбе с трудом сумел уговорить соратников использовать удобный момент для взятия власти. Ряд историков посчитали, что такая трактовка подрывает тезис о закономерности Октябрьской революции.

Острый спор по этим вопросам возник на Всесоюзной научной сессии, проходившей в ноябре 1962 г. и посвященной истории Октября. На сессии впервые говорилось о колебаниях не только Зиновьева и Каменева, но и целого ряда других членов ЦК в вопросе о проведении восстания до II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленинградский историк А. Л. Фрайман в своем выступлении сделал акцент на ленинском тезисе о том, что в условиях октября 1917 г. «малейшее промедление с восстанием смерти подобно». Его коллега В. И. Старцев заявил, что «только огромная воля и энергия Ленина ... позволили преодолеть вредные влияния тактики ожидания съезда Советов». В заключительном слове самый влиятельный историк того времени академик И.И. Минц решил подправить столь сильный акцент на решающую роль одного человека, Ленина: «Я не могу присоединиться к мнению, что ЦК и ВРК будто бы вели оборонительную тактику вплоть до ночи 24 октября» (т.е. до прихода Ленина в Смольный – В.К.)¹⁴. Отметим, что на этой сессии говорилось и об альтернативах развития революции, в частности шел спор о возможности мирного развития после корниловщины, оценивались перспективы компромисса, предложенного большевиками эсерам и меньшевикам.

Вскоре после этой сессии зав. сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Н. Голиков в статье об Октябрьской революции, помещенной в третьем томе «Советской исторической энциклопедии», покритиковал историков 1920-х годов за то, что они недостаточно раскрывали «исторические закономерности, обусловившие *неизбежность* победы социалистической революции в России» и сформулировал тезис о том, что «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую было *неизбеж-*

¹⁴ См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.: Наука, 1964. С. 62, 81, 464.

но»¹⁵. Никто до этого не формулировал тезис о «неизбежности» так категорично.

Однако позицию Г. Н. Голикова разделяли далеко не все историки. В 1966 году автору этих строк довелось слушать спецкурс Н. А. Корнатовского, авторитетного историка Октября, профессора истфака Ленинградского университета. Он анализировал историю прихода В. И. Ленина в Смольный в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. и показывал, что именно В. И. Ленин заставил членов ЦК отказаться от оборонительной тактики и перейти к захвату стратегических центров столицы, а затем и Зимнего дворца. Бескровный захват Зимнего дворца воодушевил делегатов II съезда Советов и позволил большевикам сформировать правительство. Н. А. Корнатовский изложил эту позицию на научной конференции в юбилейном 1967 г.: «Октябрьский триумф стал возможен в результате *удачного* сочетания объективных и субъективных факторов. ... Октябрьская революция придала в конечном итоге решающее значение субъективному фактору ... *стала возможной только* потому, что во главе российского пролетариата и его политической партии стоял В. И. Ленин»¹⁶.

Н. А. Корнатовский мог позволить себе такую трактовку событий потому, что в Тезисах ЦК КПСС, вышедших летом 1967 года к 50-летию Октября, ни слова не говорилось о неизбежности или предопределенности победы большевиков в ходе русской революции¹⁷.

Следует отметить, что в 1967 году вышел в свет десятый том «Советской исторической энциклопедии», в котором перу Г. Н. Голикова принадлежит статья, прямо посвященная Октябрьскому вооруженному восстанию в Петрограде, и в ней автор говорил о «неизбежности» восстания, но не о предопределенности его победы. Он признает, что вечером 24-го октября «ВРК еще медлил с директивой об общем широком наступлении на важнейшие центры контрреволюции», и приводит текст ленинского письма, из которого ясно, что судьба восстания висела на волоске¹⁸.

¹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е. М. Жукова. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 43.

¹⁶ Корнатовский Н. А. В. И. Ленин в Октябрьской революции // 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3–5.

¹⁷ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967.

¹⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 515, 521.

В 1967 г. группа ленинградских историков издала двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», в котором также показана решающая роль Ленина в кульминационный момент революции на фоне «оборонительно-выжидательной тактики» членов ЦК¹⁹. Позиция авторов двухтомника по своей концептуальной направленности отличалась от позиции, изложенной академиком И. И. Минц в 1967 г. в первом томе его трехтомника «История Великого Октября». Уже в предисловии к тому И. И. Минц говорил об «объективной неизбежности» революции²⁰.

Споры о роли Ленина, о сроках начала восстания фактически были спорами об альтернативах развития революции в решающий момент, но при этом проблема альтернатив, как таковая, не выдвигалась на первый план.

Споры советских историков не остались незамеченными их зарубежными коллегами. В 1967 г. в США вышла книга американского историка Р. Дэниэлса «Красный Октябрь», в которой автор в жесткой форме представил все то, о чем говорилось на сессии 1962 г., и построил следующую схему: Ленин не смог убедить ЦК в необходимости выступления до решения II съезда Советов; преобладающей была тактика ожидания; однако Керенский ударом по типографии «Труд», где печатался ЦО большевиков, газета «Рабочий путь», лишил ЦК возможности проводить тактику ожидания и вызвал ответные действия «в целях самозащиты», которые и дали большевикам неожиданно легкий успех. Иными словами, победа большевиков в октябре 1917 года была представлена автором как результат случайной игры политических сил²¹.

Появление книги Р. Дэниэлса усилило стремление представителей официальной советской историографии поставить знак равенства между концепцией закономерности и концепцией неизбежности победы Октября. Так, упомянутый выше Г. Н. Голиков в статье об Октябрьской революции, написанной для «Большой советской энциклопедии», весьма авторитетного издания, не только повторяет тезис о неизбежности, но и фактически приписывает его Ленину: «Революционный пролетариат России не мог остановиться на

¹⁹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. С. 297.

²⁰ Минц И.И. История Великого Октября. В 3-т. Издание 2-е. Т. 1. 1977. С. 7.

²¹ Daniels R. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967. P. 131–133, 146, 215–216.

этапе буржуазно-демократической революции, и, как предвидел Ленин, её перерастание в социалистическую было *неизбежно*»²².

Используя термин «неизбежность», Г. Н. Голиков и И. И. Минц стремились заблокировать тезис о случайности Октябрьской революции. Но такой способ не способствовал разработке в советской историографии вопроса об альтернативах в истории 1917 года.

В период «перестройки» полемика по поводу возможных альтернатив развития событий в революционном 1917 г. перешла в активную форму. Она занимала видное место на «круглом столе» историков, состоявшемся 22–23 октября 1988 г. Материалы «круглого стола» были дополнены и изданы²³. Ряд публикаций на эту тему был издан в 1991 г. в сборнике «Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа?».

Наиболее авторитетными участниками этих дискуссий были академик И. И. Минц и академик П. В. Волобуев. И. И. Минц, рассматривая проблему альтернатив, фактически повторил свою позицию, изложенную в трехтомнике «Великий Октябрь» и сказал: «Октябрь был путем спасения России. Он был *неизбежен и необходим*. Ему *не было альтернативы*»²⁴.

П. В. Волобуев предложил следующую концепцию: Февральская революция стала «исторической неизбежностью», потому, что царь отказался «поступить хотя бы частицей власти», и «наглухо заблокировал возможность каких-либо реформ». Февраль открыл альтернативу: «или социалистическая революция, или буржуазно-реформистское преобразование». Однако буржуазно-реформистский путь развития не состоялся, потому что буржуазия не пошла на реформы, которые затрагивали коренные интересы и привилегии капиталистов и помещиков, и «уже в апреле, если не раньше», они «затосковали по военной диктатуре». Если бы большевики промедлили с взятием власти, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. В условиях 1917 г. вероятность реформистской альтернативы «была невелика (неизмеримо меньше откровенно контрреволюционной)»²⁵.

²² Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 4. М.: «Советская энциклопедия», 1971. С. 376.

²³ Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989.

²⁴ См. выступление И.И. Минца, напечатанное в сборнике: Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 31.

²⁵ Волобуев П.В. 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 139–150.

В. И. Старцев не согласился с П. В. Волобуевым и отбросил альтернативу «Ленин или Корнилов». Он так сформулировал «настоящую “правильную” альтернативу применительно к осени 1917 года: *или* продолжение развития России по буржуазно-демократическому пути при сохранении у власти правительства Керенского и в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания, *или* насильственное низвержение этого правительства большевиками с целью положить начало мировой социалистической революции». По мнению В. И. Старцева, Керенскому следовало немедленно объявить о начале переговоров о перемирии с Германией и передать помещичью землю в ведение земельных комитетов. Керенский не сделал этого, и тем самым закрыл демократическую альтернативу большевизму: «24 октября 1917 года альтернативы власти Советов и большевиков больше не существовало»²⁶.

На наш взгляд, В. И. Старцев прав в том, что отказался от тезиса «Ленин или Корнилов» применительно к ситуации сентября–октября 1917 года. Августовский провал первой «корниловщины» практически закрывал возможность организации второй и успешной попытки правого военного переворота. Однако мы не готовы считать Керенского наиболее реальной альтернативой Ленину в сложившихся условиях. Дело в том, что Керенский к октябрю 1917 г. потерял доверие рабочих и солдат, многих активистов Советов всех уровней и даже партии эсеров, которые на III съезде не избрали Керенского в состав нового ЦК. Второй съезд Советов и без большевистского восстания сформировал бы правительство из советских партий без Керенского во главе. На этом съезде большевики имели самую большую фракцию, что не оставляло Керенскому шансов, даже если бы накануне съезда он и объявил о решениях, упомянутых В. И. Старцевым. Но опережающий маневр Керенского в вопросах мира и земли мог лишить Ленина возможности своими декретами выдвинуться на съезде на первый план и возглавить правительство. Вопрос о составе правительства мог стать предметом торга и компромисса. Лидеры правых социалистов могли добиться создания такого коалиционного правительства, которое довело бы страну до Учредительного собрания. Возмож-

²⁶ Старцев В.И. Альтернатива: фантазии и реальность // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 124–138. См. также перепечатку статьи: Старцев В.И. Октябрь 1917-го: была ли альтернатива? Свободная мысль. 2007. № 10. С. 103–106.

ность такого развития событий показывает излишнюю категоричность тезиса В. И. Старцева о том, что с 24 октября альтернативы власти большевиков «больше не существовало». Восстание, предпринятое большевиками в ночь на 25 октября, само по себе не предрешало итогов работы съезда. Итоги определила ошибка правых социалистов, которые встали на путь бойкота съезда, отдав его большевикам. Эта ошибка не была запрограммирована.

Следует отметить, что вскоре после съезда в результате ультиматума Викжеля вновь возникла реальная возможность создания «однородного социалистического правительства». Хорошо известно, что Ленину с огромным трудом удалось убедить большую часть членов ЦК не делить с эсерами и меньшевиками власть, полученную на II съезде Советов. Этот успех Ленина тоже не был запрограммирован. И ему опять помогли ошибки правых социалистов, которые не искали компромисса с большевиками. Они встали на путь непризнания декретов II съезда Советов, требовали формирования Советского правительства с эсеровским большинством и отвергали возможность участия в нем Ленина и Троцкого.

На наш взгляд, формальная (хотя и малореальная) возможность создания многопартийного советского правительства сохранялась до лета 1918 г. — до того момента, когда правые социалисты создали Комуч и с оружием в руках выступили против власти Советов. Это позволило большевикам в июне исключить правых социалистов из состава ВЦИК Советов, превратив последние практически в органы *двухпартийной* власти.

Но и в этой ситуации сохранялись возможности альтернативного развития событий. Быстрый рост числа крестьянских Советов вел к увеличению числа левоэсеровских делегатов на советских съездах. И из младшего партнера большевиков левые эсеры могли в достаточно короткое время превратиться в старшего или, по крайней мере, равного партнера большевиков. Это означало, что в Советах сохранилась бы двухпартийная система, что открывало перспективный путь развития советской демократии. Левые эсеры не захотели ждать и подняли мятеж в дни работы V съезда Советов в июле 1918 г. После неудачного мятежа партия левых эсеров потеряла возможность легального соперничества с большевиками за власть в рамках Советов. Мятеж подтолкнул большевиков к принятию избирательного закона, который приравнял 1 голос рабочего к 5 голосам крестьян. И вот теперь альтернатива однопартийной власти большевиков была практически закрыта.

Отметим, что В. И. Старцев, рассматривая проблему альтернативного развития революции, в тоже время использует термин «неизбежность» в отношении октябрьской победы большевиков и, также как и М. Н. Покровский, выводит ее из конкретных обстоятельств осени 1917 года: «Среди тех обстоятельств, которые сделали Октябрьский переворот не только возможным, но и *неизбежным*, была и позиция Временного правительства, Керенского и военных властей в Петрограде»²⁷.

Иными словами, признание неизбежности победы большевиков в условиях, реально сложившихся в октябре 1917 года, не рассматривается В. И. Старцевым как несовместимое с признанием возможности альтернативного развития революции на более ранних стадиях ее истории.

В постсоветской историографии проблема альтернативности в русской революции 1917 года стала предметом специальных работ и диссертационных исследований. При этом стало модным критиковать советскую историографию, ситуацию в которой зачастую рассматривали односторонне. Примеры такого рода критики содержит кандидатская диссертация А. В. Придорожного «Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии». Оценивая советскую историографию, автор полагает, что «уже в 20-е гг. в отечественной исторической науке была заложена традиция характеризовать любые идеи, ставившие под сомнение тезис о *закономерности и предопределенности* революционного процесса в 1917 г., как враждебные буржуазные вымыслы». По мнению А. В. Придорожного, «неизменной эта традиция оставалась и в последующие годы». Такая трактовка нам представляется не точной. Очевидно, что понятия «закономерность» и «предопределенность» имеют разный смысл. Как было показано выше, ни в 1920-е, ни в 1930-е гг., ни тем более в последующие десятилетия советские историки не выдвигали тезиса о «предопределенности» победы Октября. А те историки, которые использовали термин «неизбежность», практически всегда выводили ее из конкретной ситуации осени 1917 года, когда по признанию многих современников, дорога большевикам к власти была открыта.

Говоря о постсоветской историографии, А. В. Придорожный стремился показать, что в последние десятилетия были сделаны крупные шаги вперед в

²⁷ Старцев В.И. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 151–156.

изучении проблемы альтернативности. Однако он не смог четко сформулировать, в чем состоит это продвижение. Автор отмечает большие разногласия у историков в трактовках проблемы альтернатив. Единственное согласие он видит в следующем: «какие бы разногласия не вызвали обсуждавшиеся вопросы, большинство исследователей *признало*, что итог к которому пришла страна в 1917 г. отнюдь не *являлся неизбежным*»²⁸. Можно ли считать этот итог новаторским вкладом в науку? Как мы показали в своей статье, советские историки, вслед за Лениным, исходили из того, что октябрьская победа большевиков стала результатом борьбы, исход которой мог быть иным на каждом этапе революции. Так что упомянутое «признание», сделанное в постсоветской историографии, не несет в себе ничего нового.

На наш взгляд, в постсоветской историографии главным образом продолжилась разработка тех сюжетов, связанных с проблемой альтернатив, которые рассматривались в советской историографии. В этой связи наиболее интересной, по нашему мнению, является статья Г. А. Герасименко «Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров». В ней автор делает акцент на тезис о том, что уже после июльских событий в России установилась *правоцентристская «демократическая диктатура»* А. Ф. Керенского. Эта диктатура выстояла в момент удара Корнилова, олицетворявшего правую военную диктатуру. Выстояла потому, что корниловский мятеж привел к временному объединению Керенского и Советов. Однако сам факт мятежа резко усилил позиции большевиков. Теперь судьба Керенского зависела от его способности быстро выполнить требования народа о земле, мире и созыве Учредительного собрания. Керенский отказался это сделать, а правые социалисты не смогли использовать Демократическое совещание и Предпарламент, чтобы поставить Керенского под контроль или самим осуществить эту «триединую программу» революции. В такой ситуации, считает автор, противостоять большевикам было уже некому²⁹. Таким образом, автор считает, что в конкретных условиях осени 1917 г. все возможные альтернативы большевикам исчерпали свой потенциал, а их носители упустили свой шанс. Мысль о правоцентристской диктатуре Керенского заслуживает вни-

²⁸ Придорожный А.В. Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Тюмень, 2001.

²⁹ Герасименко Г. А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 12, 19–21.

мания. В то же время отметим, что трактовка Г. А. Герасименко близка к трактовке, предложенной В. И. Старцевым.

Если говорить о каких-то новых подходах, то следует выделить постановку вопроса о роли местных общественных организаций коалиционного типа, которые возникли после Февраля и существовали наряду с органами Временного правительства и местными Советами. В этой связи интерес представляет диссертация А. Ю. Буровой «Исполнительные комитеты общественных организаций и альтернативы развития революции 1917 года». Автор показала, что исполнительные комитеты общественных организаций, составленные на многопартийной основе в определенный период времени успешно действовали и «потенциально содержали в себе вариант развития страны по пути мирной демократической эволюции». Однако этот путь «не был до конца реализован в силу многих объективных и субъективных факторов». Далее автор говорит о «закономерности ... исчезновения исполнительных комитетов с политической арены еще до октября 1917 года»³⁰.

Мы согласны с последним выводом, но не разделяем тезиса о том, что местные общественные организации центристского типа могли сами по себе открыть «третий путь» развития революции. Решая какие-то важные местные вопросы, местные организации могли действовать как коалиции разных политических сил и находить компромиссы. Однако по ключевым вопросам революции общенационального характера все участники коалиций должны были занять определенную позицию, которая делала компромисс практически невозможным. Как в центре, так и на местах кадеты, правые и левые социалисты должны были определить свое отношение к вопросам о мире, земле и власти Советов. И оно было разным.

Подводя итоги анализу позиций отечественных историков в вопросе об альтернативах в развитии революции 1917 г., сделаем следующие выводы.

Первое. Представление о том, что в советской историографии доминировала концепция неизбежности или предопределенности победы большевиков в октябре 1917 г. не отражает реальной ситуации. Тезис о «неизбежности» победы большевиков, сформулированный рядом «официозных» истори-

³⁰ Бурова А. Ю. Исполнительные комитеты общественных организаций и альтернативы развития революции 1917 года: На материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Иваново, 2006.

ков в 1960-е гг., был идеологическим штампом, призванным нейтрализовать тезис об Октябре как исторической случайности. В реальных же историографических концепциях советские историки говорили о «неизбежности» победы большевистской революции только применительно к конкретной ситуации осени 1917 года, когда большевики стремительно набирали силу в решающих центрах страны, а их противники свою силу стремительно теряли.

Второе. Отказ в постсоветской историографии от «догматической» марксистской методологии отнюдь не привел к каким-либо «прорывам» в решении этого вопроса в работах историков последних двух десятилетий. Вопрос о том, какие альтернативы были открыты на каждом конкретном этапе революции, был и остается предметом научных споров.

Третье. 1917 год действительно был годом открытых альтернатив. Многие историки фактически солидарны в понимании главных из них. Так, П. Н. Милюков еще в 1921 г. справедливо указывал на то, что для ситуации июля-августа 1917 года одной из альтернатив развития событий была победа Корнилова. Однако для установления военной диктатуры необходимо было социалистическое прикрытие. Керенский не дал Корнилову такого прикрытия, что свело шансы Корнилова к нулю.

После поражения Корнилова закрыть большевикам путь к власти могли только упреждающие действия эсеров и меньшевиков в решении вопросов о мире и земле. Об этом говорили многие советские историки, начиная с М. Н. Покровского. Этот тезис доминирует и в постсоветской историографии. Эсеро-меньшевистская альтернатива, имевшая хорошие шансы на успех в сентябре, была потеряна в ходе работы Демократического совещания и Предпарламента. Правые социалисты проявили явную неготовность радикально решать вопросы о земле и мире. Эта позиция правых социалистов и открыла большевикам путь к власти. В сложившихся условиях победа большевиков не была неизбежной, однако они имели реальные возможности взять и удержать власть и сделали это.

Четвертое. Реализация большевистской альтернативы в истории русской революции не была случайным результатом. Такой исход революции был обусловлен целым комплексом предпосылок и причин, сформированных как процессами мирового развития, так и особенностями российской истории.

Пятое. Проблема альтернатив развития событий в революционном 1917 году, при всей ее важности, не может быть ключевой в общей концепции истории Русской революции. Ее следует рассматривать в контексте более фун-

даментальной проблемы - проблемы исторической необходимости перехода России на путь социализма в условиях, сложившихся в начале XX века. Иными словами, общая концепция и общая оценка революции зависят от ответа на вопрос о том, мог ли российский капитализм стать инструментом преодоления отсталости, губительной для России в эпоху войн за передел мира, или эту задачу мог решить только социализм, в своем особом «мобилизационном» российском варианте.

С. Н. ПОЛТОРАК

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОКТЯБРЬ 1917 г.

Развитие В. И. Лениным концепции мировой социалистической революции началось еще в конце XIX в.

То, что именно он первым из будущих лидеров Советского государства начал разрабатывать эту концепцию – закономерно. И дело не только в аналитических способностях В. И. Ленина. Все его будущие ближайшие соратники были на 9–18 лет моложе и в 1890-х гг. заниматься теорией еще не могли.

В 1892 г. В.И. Ленин начал работу над книгой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов), которая длилась два года. В этой работе он впервые обратился к идее интернационализма, утверждая, что для борьбы с международным капиталом нет иного средства, как соединение угнетенных рабочих разных стран в единую международную армию¹. Эта мысль была высказана не только как осознание учения К. Маркса. Россия сама по себе была для В.И. Ленина прекрасной творческой лабораторией.

В те годы в стране постоянно проживало 605500 иностранных подданных двадцати семи государств². Ее населяли представители 104 национальностей³. По более поздним подсчетам, проведенным самим В.И. Лениным, 57% населения России составляли представители национальностей, подвергавшихся «невероятному, неслыханному угнетению»⁴.

Десятилетие, предшествовавшее первой русской революции, было периодом становления ленинских взглядов на интернационализм. В те годы он был скорее талантливый пропагандистом, популяризатором идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Возникшие на их основе новые интернационалистские идеи появились позже. Но уже тогда в двадцати своих работах, в том числе и таких фундаментальных, как «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» и

¹ Ленин В.И. // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 155.

² Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. СПб., 1905. С. 231, 239.

³ Там же. С. 326–355.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 382–383.

«Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» был сформулирован вывод о том, что именно российскому пролетариату предстоит стать «авангардом международного революционного пролетариата», что объединение пролетарских организаций на принципах марксизма – неотъемлемое условие низвержения как русского самодержавия, так и международного капитала⁵.

Те утверждения были, пожалуй, первыми самостоятельными ленинскими идеями, положенными в основу концепции мировой революции. Они не декларировались, а обосновывались тем, что в нашей отсталой, экономически не развитой стране буржуазия по своей силе, сплоченности и опыту политической борьбы с пролетариатом значительно уступает своим западным «коллегам». Учитывались В.И. Лениным и некоторые другие особенности, в том числе и географическое своеобразие страны.

Все это позволяло ему сделать вывод о том, что российский рабочий класс имел особое положение в современном обществе и особенные всемирно-исторические задачи освобождения человечества от экономического рабства⁶.

Этот вывод, сделанный в 1901 году, стал отправной точкой в развитии ленинских взглядов на процесс развития мировой революции.

Именно они во многом повлияли на то, что В.И. Ленин оптимистично смотрел на развитие революционных событий в начале 1905 года. В то же время он писал о лихорадочном нетерпении, с которым пролетариат всего мира смотрит на попытку низвержения царизма в России, верил в то, что происходившие события станут «поворотным, пунктом в истории всех стран»⁷.

Интересными и теоретически обоснованными были его мысли об обратных связях революционного процесса. Победоносная российская революция, по мысли В.И. Ленина, не просто «революционным пожаром зажжет Европу», но и вновь, с еще большей силой, из Европы перенесется в Россию⁸.

До 1908 года В.И. Ленин в своих работах ни словом не обмолвился о слабом развитии интернациональных связей России с другими странами, как одной из причин поражения революции.

В то же время, осмысление совершенных ошибок позволило уже в 1908 году сделать вывод, который историки часто относят к 1915–1916 годам. В работе «Горячий материал в мировой политике» Владимир Ильич высказал

⁵ Там же. Т. 6. С. 28; Т. 8. С. 403–404.

⁶ Там же. Т. 5. С. 334.

⁷ Там же. Т. 9. С. 204.

⁸ Там же. Т. 10. С. 14.

мысль о том, что международный революционный процесс не может идти равномерно и в одинаковых формах в различных странах⁹. Этот тезис не получил тогда расширенного теоретического обоснования, но сам по себе он уже предполагал учет того обстоятельства, что экономическая неравномерность развития империалистических государств не замедлит сказаться и на неравномерности, неравнозначности политических событий. Поэтому, русскому пролетариату – по выводу В.И. Ленина – предстояло с одной стороны, самостоятельно идти к победе революции, но, в то же время, его борьба и победа были неразрывно связаны и с международным революционным движением¹⁰.

Особая ценность этой статьи состояла и в том, что в ней впервые было подмечено: великий международный союзник российского пролетариата находится не только в странах Европы, но и в Азии¹¹.

Возможно, такое утверждение покажется спорным, но в последующие годы – вплоть до начала Первой мировой войны – В.И. Ленин отошел от разработки теоретических положений концепции мировой революции. Во многом это объяснялось иными задачами, выдвинутыми в партии на передний план, проблемами внутрипартийной борьбы, борьбой с ликвидаторством, утверждением марксистского взгляда на национальные проблемы в самой российской Империи – на автономию, язык, национальную культуру, членство в РСДРП представителей трудящихся разных национальностей, на необходимость национального единства всех наций страны. Не решив эти задачи, вряд ли можно было рассчитывать на успех интернационального единства в целом.

В то же время, ослабление внимания к более глубокому анализу процессов, происходивших в международном рабочем движении, в различных политических партиях, не дало возможность более реально оценить их силы в будущих событиях.

Сплоченность и решительность международного империализма, разрозненность политических партий, стоящих на марксистских позициях, хотя и не оставались без учета в анализе расстановки классовых сил, но соблазн покончить с буржуазией раз и навсегда при создавшейся благоприятной обстановке – начавшейся схватке капитала за передел мира – был очень велик. Как следствие этого – не лишенный логики, но все же поспешный вывод о том, что «...во многих странах война ставит на очередь лозунг социалистической

⁹ Там же. Т. 17. С. 182.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 182.

революции, который станет тем насущнее, чем ближе ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы...»¹².

Для В.И. Ленина 1914 год стал поворотным в формировании воззрений на пути победы социалистической революции в широком масштабе. Он хорошо понимал, что гражданские войны, возникшие как продолжение мировой войны, не всегда сулят победу пролетариату и его союзникам. Но, по утверждению В.И. Ленина, гражданские войны «не в эту, так в ближайшую следующую войну» сплотят вокруг себя еще большие силы сознательных революционных трудящихся и одураченных прежде пролетариев и мелких буржуа, готовых сражаться с буржуазией своей и других стран¹³.

Последующий, 1915 год стал годом «интеллектуального взрыва» ленинской мысли, годом выработки практических мер для осуществления заветной мечты: перерастания мировой войны в гражданские войны в разных странах и на этой основе – победы революции во всемирном масштабе. Более 20 работ, написанных в том году, освещали те или иные аспекты этой небывалой задачи. В.И. Ленин пришел к выводу, что единственный путь спасения большинства наций мира в эпоху империализма от жестокой эксплуатации буржуазии состоит в революционном движении пролетариата великих держав. Только этот шаг, по его мнению, позволил бы свергнуть противоборствующую и, в то же время, сплоченную мировую буржуазию¹⁴. Опираясь на положения Базельского манифеста, принятого в 1912 году, он подчеркивал, что война создает революционную ситуацию и открывает собой эру социальной революции¹⁵.

В.И. Ленин понимал всю сложность социалистических преобразований, недопустимость форсирования событий, попыток забега вперед в объективном ходе истории. Понимая, что революция произойдет не во всех странах сразу, а лишь в наиболее подготовленных из них, он предупреждал, что свободное объединение наций на социалистических принципах произойдет не сразу, что это случится лишь в результате долгой и упорной борьбы со-

¹² Там же. Т. 26. С. 22.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 281.

¹⁵ Там же. С. 320–321.

циалистических республик с отсталыми (имелось в виду в первую очередь в политическом отношении) странами¹⁶.

Уже тогда он рассматривал будущую социалистическую революцию в России, как необыкновенно благоприятное условие для развития революции как в Европе, так и в Азии¹⁷.

Черновые наброски статей, выписки из работ теоретиков той поры, сделанные В. И. Лениным, говорят о том, что он глубоко задумывался над интернациональными аспектами революции. Так, в 1916 году он сделал выписку из работы Рюдерфера, в которой отмечалось, что если международному социализму не удастся оторвать внутренне рабочих от их национальной буржуазии, то революция обречена на поражение¹⁸.

Понимая, что империалистическая война, как никакое иное явление, способна ослабить все внутренние связи рабочих с их эксплуататорами, В. И. Ленин считал необходимым не упустить этот важный, крайне ответственный момент.

В своих оценках В. И. Ленин бывал поспешен. Нельзя, например, не заметить заключительные строки его автореферата «О задачах РСДРП в русской революции», написанные в начале 1917 года: «Да здравствует начавшаяся всемирная рабочая революция!»¹⁹

Ход дальнейших событий истории показал поспешность этого вывода. В то же время, справедливым было заключение о том, что Февральская революция в России стала началом превращения мировой войны в гражданскую. Очень важной при этом была выдвинутая В.И. Лениным задача немедленного основания III Интернационала²⁰, главной функцией которого была бы координация усилий марксистов разных стран по руководству мировой революцией.

Все последующие дни и месяцы 1917 года В.И. Ленин видел ход событий в России сквозь призму нараставшего революционного движения в мире. Именно под таким углом зрения он рассматривал сам и требовал видения от единомышленников и соратников по борьбе ближайших задач²¹. И чем ближе был к решающим боям с буржуазией российский пролетариат, тем энергичней развивались подобные события и в других странах. В октябре 1917 года у В.И. Ленина уже не возникало сомнений в том, что наступил величайший перелом как в рус-

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Там же. Т. 27. С. 51.

¹⁸ Там же. Т. 28. С. 531.

¹⁹ Там же. Т. 31. С. 78.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 341.

ской, так и во всемирной революции. Несомненными признаками тех событий он считал, в частности, массовые аресты руководителей прогрессивных партий в Италии и особенно начавшиеся военные восстания в Германии²².

На этой оптимистической ноте заканчивалась дооктябрьская история развития ленинских идей и событий, связанных с мировой революцией.

Успешное проведение Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и последовавший за этим еще больший всплеск революционных событий в мире, упрочил в сознании В. И. Ленина мысль о правильности выбранной стратегии. Тогда перспективы развития дальнейших событий были для него очевидны и за их грандиозностью вряд ли были рельефно видны драматические последствия.

Чуть больше, чем через две недели после октябрьских событий в столице В.И. Ленин обратился с письмом к финским товарищам, в котором выразил уверенность в том, что революционная социал-демократия Финляндии не только осуществит у себя в стране «социалистическую реорганизацию», но и окажет братскую помощь России²³. Основания для такой уверенности были. Для этого существовали как экономические, так и политические предпосылки. Был, вероятно, расчет на то, что отделившаяся от России страна тем самым получит толчок к началу революционных событий.

Поражение революции в Финляндии весной того же года, завершившееся переходом через границу на советскую сторону около 10 тысяч оставшихся в живых финских красногвардейцев, другие, не ожидавшиеся ранее события в европейских странах, потребовали от В. И. Ленина нового подхода к осмыслению реальной действительности.

29 апреля, выступая с докладом об очередных задачах Советской власти, он признал: «...наше международное положение такое критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться как можно дольше, пока зреет западная революция, зреющая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали...»²⁴

Эти слова о просчетах в ожидании начала мировой революции были не оговоркой (в докладе они прозвучали дважды²⁵), а честным признанием ошибочных взглядов и реального положения дел.

²² Там же. Т. 34. С. 273–275.

²³ Там же. Т. 35. С. 90.

²⁴ Там же. Т. 36. С. 250.

²⁵ Там же. С. 254.

Выводы доклада также показали, как трезво В.И. Ленин строит тактику действий, сообразуя ее с конкретной действительностью. Он говорил о том, что в сложившейся ситуации она должна стать тактикой лавирования, выжидания и отступления²⁶.

Между тем, новые ленинские мысли не были поняты ни ближайшими соратниками В.И. Ленина, ни широкими слоями революционно настроенных советских людей.

Идея мировой революции в стране победившей Советской власти из стержневой концепции победивших революционных сил превратилась лишь в яркий лозунг и государственный бренд.

Научные подходы к реализации самой масштабной в истории человечества политической программы были подменены масштабной агитационной работой в массах.

²⁶ Там же. С. 251.

В. С. Измозик

В. И. ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ

В сегодняшней историографии наряду со стремлением выделить сумму объективных и субъективных факторов, позволивших сравнительно небольшой партии взять власть осенью 1917 г., по-прежнему достаточно широко представлена позиция, согласно которой большевики пришли «к власти по воле случая», «этот переворот не является революцией рабочего класса», «Ленин в решающий момент был не при чем» и вообще в решающий момент «Госпожа Удача явным образом улыбнулась Ленину в 1917 г. – так же как отвернулась, в конечном счете, от М. С. Горбачева».¹ Есть попытки рассматривать события в России в 1917 г. с 23 февраля по 24 октября и с 25 октября по 20 ноября как нечто совершенно различное по своей политической сущности. Например, К. М. Александров говорит, что второе – «это не революция, а переворот, ... захват власти одной политической партией, опиравшейся на собственные незаконные вооруженные формирования». Замечу, что он же несколько ниже, противореча сам себе, называет Октябрьскую революцию «национальной катастрофой»². Это требует вновь и вновь внимательно рассмотреть на основе неопровержимых фактов реальную картину прихода большевиков к власти в 1917 г. Можно вычленить ряд основных тезисов.

1. Абсолютно неверно утверждение, нашедшее отражение в ряде учебников, что якобы В. И. Ленин не предвидел революционных событий в Петрограде в феврале 1917 г.³ Ссылка на фразу «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», сказанная 22 января 1917 г., является некорректной, ибо вырвана из контекста выступления перед молодыми швейцарскими социалистами. В этом же докладе В. И. Ленин говорил: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. ... ближайшие годы, как раз в связи с этой хищнической войной, приведут в Европе к народным восстаниям под руково-

¹ Энтин Дж. К истолкованию русской революции 1917 г.// Вопросы истории. 2012. № 8. С. 163, 166, 167, 168.

² Круглый стол «Октябрьский штурм»// Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 7 ноября. С. 4.

³ Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. XX – начало XXI вв. 11 класс. М.: Дрофа, 2007. С. 48.

дством пролетариата». Предыдущая же фраза имела в виду победу мировой социалистической революции, которая, по мнению Ленина в тот момент, должна была пройти ряд этапов и занять достаточно длительное время⁴.

Это положение можно подтвердить и другими оценками Ленина положения в России и Европе на рубеже 1916–1917 гг. 18 декабря он пишет И. Арманд: «Получилось сегодня еще одно письмо из СПб. ... Настроение, пишут, архиреволюционное»⁵. 19 февраля 1917 г. в очередном письме той же И. Арманд Ленин вновь сообщает: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы. ... Пишут, что настроение масс хорошее ... и что, наверное, будет на нашей улице праздник»⁶. Наконец, 31 января 1917 г., анализируя сложившееся положение, он пишет: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс»⁷.

2. Период 1917–1921 гг. неверно рассматривать как сумму трех отдельных событий: Февральской, Октябрьской революций и Гражданской войны. Если исходить из научного понимания сущности термина «социальная революция», то необходимо признать, что это был единый процесс Второй Российской революции 1917–1921 гг., включавший три ее этапа: Февраль 1917 г., Октябрь 1917 г. и Гражданская война. Не могу согласиться с высказываниями уважаемых историков В. В. Калашникова и С. Н. Полторака, что нет «большой разницы в терминологии – революция или переворот», «у революции четко можно увидеть начало и совершенно невозможно понять, когда же она завершилась»⁸. Октябрьское вооруженное восстание следует оценивать как очередной, пятый политический кризис 1917 года. Об этом писал один из крупнейших российских историков 1917 года В. И. Старцев: «... с точки зрения вопроса о власти, корниловщина действительно была четвертым политическим кризисом 1917 г., а октябрьские события – пятым»⁹.

3. Оценивая роль Ленина во второй российской революции и, прежде всего, в 1917 г., необходимо задаться вопросом, как сумел политический эмигрант, вернувшийся в Россию после десятилетнего отсутствия, всего

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327, 328.

⁵ Там же. Т. 49. С. 340. Старцев В. И. Революция 1917 года в новейшей учебной литературе // Революция 1917 года в России. Сб. научных статей. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 169–170.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.

⁷ Там же. Т. 30. С. 347–348.

⁸ Круглый стол «Октябрьский штурм» // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 7 ноября. С. 4.

⁹ Старцев В. И. Революция 1917 года в новейшей учебной литературе. С. 169–170.

лишь через полгода с небольшим после приезда не только захватить власть, но и удержать ее в ситуации крайне ожесточенной гражданской войны. Каковы главные политические постулаты, которыми руководствовался Ленин в 1917 году? Что принципиально нового внес он в анализ политической ситуации? Каковы были одновременно его главные стратегические просчеты в оценке ситуации? Важно попытаться понять его, мотивы его рассуждений и действий, не вставая при этом ни в позу подобострастного почитания, ни высокомерного опровержения. Думается, что успех на этом пути возможен только в том случае, если мы будем рассматривать Ленина как отражение определенных процессов, происходивших в российском обществе на рубеже XIX-XX вв. Иначе говоря, если использовать аналогию, то на Ленина надо посмотреть, как на «зеркало» не только российской революции, но и общемировых процессов. Годы второй российской революции – это «звездные часы» Ленина-политика. На наш взгляд, можно выделить ряд основных политических постулатов, которыми он руководствовался особенно в 1917 году.

В первую очередь, надо отметить, что В. И. Ленин выдвинул, по сути, новую национальную идею – идею непосредственного перехода к социалистическому обществу. Он, в частности, писал: «Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры...», одновременно заявляя: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»¹⁰. Представляется, что это было крайне важно в ситуации того времени. Сегодня большинство исследователей этого периода сходятся во мнении, что первая мировая война породила серьезный кризис европейской цивилизации. Есть историки, которые предлагают вести разговор, и к этому есть серьезные аргументы, о едином процессе «всероссийского потопа» или второго смутного времени 1914–1921 гг.¹¹ В этой ситуации от политиков и политических партий требовался качественно новый масштаб мышления, позволявший наметить выход из этого кризиса с наименьшими потерями. Российская политическая элита в своем подавляющем большинстве оказалась к этому негото-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192, 198.

¹¹ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте// Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб.: ДБ, 1999. С. 83. Отметим, что точку зрения П. Холквиста в ходе дискуссии поддержал Ф. Вчисло (США). (Там же. С. 173).

вой и неспособной. Во-первых, в распоряжении российского истеблишмента «не оказалось идеологической доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать общество на длительный период крайнего напряжения сил. Это дополнялось наличием социокультурной «пробки», перегородками «между типологически разными мирами «верхов» и «низов», элиты и низших слоев, города и деревни»¹².

Во-вторых, после свержения царизма основные политические партии и группировки ограничивались лишь предложением «заплат» на российское «рубшище»: от продолжения войны до победы до ожидания Учредительного собрания с весьма неясными перспективами. Как отметил Ф. А. Селезнев, кадеты, в частности, оказались не способны «разработать новую идеологию, адекватную реалиям 1917 г.»¹³. Это же можно сказать и о других основных политических партиях российского общества. Между тем, по Всероссийской переписи 1897 г. около 65% населения составляла молодежь (возраст до 30 лет). К 1914 г. среди рабочих города и деревни имелось 29% людей до 19 лет¹⁴. Хорошо известно, что молодежь в целом гораздо более эмоциональна, деструктивна и радикальна. В этой ситуации идея коренного переустройства общества, создания общества, лишённого пороков, несомненно, привлекала значительную часть активных граждан; внушала им веру в возможность ее реализации.

Конечно, ленинская идея не имела шансов стать подлинно общенациональной, т. е. сплотить ради общих созидательных целей различные социальные группы. Наоборот, она углубляла, усиливала социальный раскол, но она была способна увлечь на время огромные массы, истерзанные тяготами войны, прекрасной мечтой. В теоретических работах Ленин подчеркивал, что большевики не призывают к немедленному введению социализма, а лишь доказывают, что «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹⁵. В агитационных обращениях в 1917 г. Ленин, прежде всего, делал упор на то, что «только власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поможет на-

¹² Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и первая мировая война. С. 59, 60.

¹³ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 199.

¹⁴ Крапивин М. Ю. Непролетарские партии России в борьбе за молодежь. 1917–1925 гг. Волгоград, 1990. С. 8; Стецура Ю. А. Октябрь 1917 г. и молодежь в послереволюционном преобразовании России // Октябрь 1917 г. в истории России и мира. Материалы межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 1997. С. 182.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

чать решительную борьбу и за мир, и за землю, и за социализм»¹⁶. Ленин подчеркивал, что большевики, придя к власти, немедленно предложат «справедливый мир всем воюющим народам», немедленно «помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа»¹⁷.

В стратегическом плане реформы, конечно, более созидательны, чем революция. Но есть моменты, когда исторический процесс проскакивает критическую черту, «исторический Рубикон», и никакие полумеры уже не спасают. Машина идет вразнос, и политик должен уметь возглавить стихийный процесс, чтобы попытаться подчинить его своей воле, направить стихию народной воли в определенное русло. Ленин оценил глубину социально-культурного раскола России. Это разрыв в уровне жизни, разрыв в ментальности и как результат — заряд накопившейся ненависти. Размышляя позднее над событиями революции, В. А. Маклаков писал В. В. Шульгину 5 марта 1925 г.: «... все национальные русские черты ... я ставлю на счет ... исторически сложившегося режима. Задача 20-го века России была перевести ее ... на рельсы всей западной Европы, где в большей или меньшей степени, но все участвуют в строительстве государства, где если и существует правящая олигархия, то ее господство зависит только от того, в какой мере она сумеет обмануть громадную и невежественную массу. Но за этой массой остается всегда решающий голос. ... одним из коренных грехов нашего великорусского правительства было небрежение к этому [национальному] вопросу, непонимание того, что Россия страна разноречивая и разнотеррасная»¹⁸.

Понимание важности национального вопроса и готовность решать его с учетом реальных настроений разнотеррасных народов была еще одной важной чертой Ленина. Напомню его высказывание: «И мы ... хотим ... свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий...»¹⁹.

Таким образом, решение вопросов о земле и мире представало преддверием социализма, а сама идея борьбы за создание будущего социалистиче-

¹⁶ Там же. Т. 32. С. 50.

¹⁷ Там же. Т. 34. С. 285.

¹⁸ Будницкий О. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920–1930-х гг. // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.-Иерусалим, 1999. С. 401, 402.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 108–109.

ского общества позволяла объединить на какой-то период различные потоки социальных и национальных движений. Это позволило большевикам на протяжении нескольких месяцев превратиться из одной из левых партий с весьма небольшим числом избирателей (в июне 1917 г. на выборах в районные Думы в Москве большевики получили 11% голосов; на Первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае 1917 г. резолюция Ленина собрала шесть голосов из более 800 делегатов и т.п.) в лидера леворадикального блока, включавшего кроме большевиков левых эсеров, анархистов, ряд других политических партий и течений. А. Ф. Керенский позднее писал: «Секрет успеха большевистской пропаганды объясняется именно тем, что большевики говорили с ними на простом, понятном им языке»²⁰.

Одновременно Ленин продемонстрировал умение после 1917 г. крайне быстро отказываться от неработающих лозунгов, соединяя утопию и крайний прагматизм: государство-коммуна и переход к единоначалию, лозунг «диктатуры пролетариата» и реальная «диктатура партии», заключение Брестского мира и т. д. К этому надо добавить наличие у Ленина черт мессианства. Он был убежден в собственной правоте, в праве большевистской партии выступать от имени большинства народа, «вести весь народ к социализму, ... быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых»²¹. Таким образом, можно сказать, что в эти годы Ленин сумел направить исторический процесс, сломавший старые государственные рамки, в определенное русло, удержать его под контролем.

Но в эти же годы Ленин допустил в своих построениях ряд стратегических просчетов, которые и стали в будущем одним из серьезнейших факторов закономерного крушения советской цивилизации.

1. Это уверенность в том, что переход к социалистическому этапу российской революции станет началом мировой, а точнее европейской, пролетарской революции. В статье «Кризис назрел» В. И. Ленин уверял: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции»²². Через несколько лет, 6 ноября 1920 г., на пленуме Московского Совета В. И. Ленин напомнит: «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»²³.

²⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом переломе // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 179.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26.

²² Там же. Т. 34. С. 275.

²³ Там же. Т. 42. С. 1.

2. Недооценка возможных последствий гражданской войны.

По словам В. И. Старцева, «Ленин недооценивал силу сопротивления свергнутых классов. ... Он презирал буржуазию и буржуазную интеллигенцию, считал всех ее представителей заведомыми трусами»²⁴. В. И. Ленин неоднократно в 1917 г. уверял, что фраза «о «потоках крови» в гражданской войне» может вызвать лишь смех всех сознательных рабочих и якобы «никакие «потоки крови» во внутренней гражданской войне не сравнятся даже приблизительно с теми *морями* крови, которые русские империалисты пролили» летом 1917 г.²⁵ Когда тяжелейшие последствия гражданской войны выявились во всей полноте, В. И. Ленин, выступая на Первом Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., попытался переложить ответственность за ее последствия на меньшевиков и эсеров. Он, в частности, сказал: «Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»²⁶.

3. Идея государства-коммуны.

Утопизм Ленина ярко проявился в тогдашнем понимании им будущего пролетарского государства. Ему казалось, что сам переход власти в руки рабочих подрвет основы бюрократизма. В работе «Государство и революция» он писал: «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, ... заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом»²⁷.

Любопытно, что одновременно В. И. Ленин мечтал о колоссальной бюрократизации в деле организации труда: « Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой ... срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добро-

²⁴ Старцев В. И. Мы – с Лениным // О Ленине – правду. Дайджест прессы. Л., 1991. С. 120, 121.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 224, 226.

²⁶ Там же. Т. 40. С. 179.

²⁷ Там же. Т. 33. С. 109.

совестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще»²⁸. Организация хозяйства также представлялась ему весьма простым делом: «Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо»²⁹ и «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»³⁰.

Когда же экономические реалии оказывались сильнее политических лозунгов, как в случае с существованием подпольного рынка (т. н. «мешочничество»), В. И. Ленин готов был обвинить в этом самих рабочих, которые, по его словам, проявляют «чудовищную бездеятельность»³¹. А методом борьбы, в первую очередь, предлагались обыски и расстрелы, причем расстрелы на месте³². Но, как подчеркивает современный исследователь А. Ю. Давыдов, «мешочничество выступало естественным компенсатором бессилия отечественной власти удовлетворить насущные потребности людей» и «в конечном счете народ одерживал победы, хотя доставались они дорогой ценой»³³. Уже к весне 1918 г. В. И. Ленин признал крах идеи немедленного осуществления «государства-коммуны», призвав соединить «митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица ... во время труда»³⁴.

4. Проблема стимулов к труду в пролетарском государстве.

По сути, В. И. Ленин впервые всерьез задумался над этой проблемой в конце декабря 1917 г. Среди тем, которые он наметил «для разработки», значились: «Как организовать соревнование?», «Дисциплина рабочих и босяческие привычки», «Учет и контроль, как сущность социализма», «Национализация промышленности и «долг» рабочих в работе»³⁵. Это, безусловно, было вызвано реалиями повседневной жизни. Оказалось, что рабочие, официально

²⁸ Там же. Т. 34. С. 311.

²⁹ Там же. Т. 33. С. 50.

³⁰ Там же. С. 101.

³¹ Там же. Т. 35. С. 311.

³² Там же. С. 311, 312.

³³ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. СПб.: Наука, 2002. С. 333, 334.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 203.

³⁵ Там же. Т. 36. С. 188, 190.

ставшие правящим классом советской Республики, в своем большинстве не были склонны проявлять «чудеса трудового героизма», которых ожидали от них политические лидеры большевиков. М. П. Томский, указывая на тяжелейшее положение промышленности, отмечал, что рабочий «превращается в пенсионера государства, паразита, живущего на чужой счет»³⁶.

В этой ситуации В. И. Ленин доказывает, что конкуренция могла «воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина» лишь при мелком товарном производстве. А в условиях акционерных предприятий, синдикатов и т. п. «конкуренция означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его». В результате он противопоставляет конкуренции, частной предприимчивости идею социалистического соревнования, которое даст возможность большинству трудящихся «развернуть свои способности, обнаружить таланты»³⁷. Но соревнование он понимал, прежде всего, как соревнование отдельных предприятий, отдельных деревень, каждая из которых «является производительно-потребительской коммуной»³⁸. Отсюда главной экономической задачей объявлялись «учет и контроль» «за количеством труда и за распределением продуктов»³⁹. Через несколько лет, 6 ноября 1920 г., у Ленина вырвется весьма примечательная фраза: «Нам надо теперь собрать воедино всех тружениц и труженников и заставить их работать вместе»⁴⁰.

Между тем, сам Ленин признавал, что коренной задачей является более высокая, чем при капитализме, производительность труда, а в связи с этим «его высшая организация»⁴¹. В результате, государственная собственность на деле создала тупиковую экономику, лишенную внутренних стимулов к саморазвитию, нуждавшуюся в постоянном внешнем подхлестывании, соединении энтузиазма с подневольным трудом.

Таким образом, сила Ленина как политика на этапе задачи взятия власти сочеталась одновременно с серьезнейшими стратегическими просчетами. Это, в определенной степени, обусловило проблемы 1920-х гг., вставшие перед партийно-государственной элитой. События 1921 г. показали, что Ленин был готов ради конечной цели к резким социально-экономическим поворо-

³⁶ Профессиональный вестник. 1918. № 7–8. С. 7.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 195.

³⁸ Там же. Т. 35. С. 203; Т. 36. С. 191.

³⁹ Там же. Т. 35. С. 199–200.

⁴⁰ Там же. Т. 42. С. 5.

⁴¹ Там же. Т. 36. С. 187.

там. Но мы уже никогда не узнаем, способен ли был Ленин стать «российским Дэн Сяопином».

5. Еще одной отличительной чертой Ленина, ярко проявившейся в 1917 г., явилось стремление и умение быть «дирижером», объединяющего в мощный «оркестр» различные течения единого потока. Не будем забывать, что на протяжении всего 1917 г. в большевистской партии было немало деятелей, самостоятельно мыслящих и не склонных соглашаться с Лениным автоматически. Были «умеренные» или «правые» большевики. Самым известным среди них был Л. Б. Каменев. Он доказывал, что буржуазно-демократическая революция продолжается, а российское крестьянство и иностранная буржуазия не допустят победы социализма в России. Были «левые», критиковавшие ЦК за «соглашательство». Из них можно назвать С. Я. Багдатьяна и М. И. Лациса. Так С. Я. Багдатьян писал в листовке в ночь на 21 апреля 1917 г.: «Долой Временное правительство! Никакого ему доверия! Никакой ему власти!»⁴².

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции (24–29 апреля 1917 г.) главным оппонентом Ленина выступил Каменев. По национальному вопросу Ленину возражали Ю. Л. Пятаков и Ф. Э. Дзержинский. Ленин остался в меньшинстве с предложением о создании нового Интернационала. Однако Ленин не хотел отсекал своих оппонентов. При выборах ЦК из девяти человек много возражений вызвала кандидатура Каменева. Ему напоминали поведение на суде в 1915 г., упрекали за нынешнюю позицию. И тогда в его поддержку высказался Ленин. Он, в частности, сказал: «Деятельность Каменева продолжается 10 лет и она очень ценна. ... То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах». В результате в ЦК прошли в порядке полученных голосов Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, И. Т. Смилга, Г. Ф. Федоров⁴³. Таким образом, более трети ЦК составляли «умеренные» – Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин.

⁴² Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003. С. 201–202.

⁴³ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 78–86, 212–222, 228, 234, 322–323.

Неверно думать, что в 1917 г. партия слепо подчинялась приказам ЦК или Ленина. ЦК просто не мог контролировать деятельность даже крупнейших региональных организаций. Этому мешали огромные расстояния, незначительность аппарата, слабость средств связи, общий хаос и постоянно меняющаяся ситуация. В Петрограде помимо ЦК огромную роль играли Петербургский комитет и Военная организация («Военка»)⁴⁴. Например, на заседании ПК 11 июня 1917 г. при обсуждении вопроса о состоявшемся решении ЦК отменить демонстрацию 10 июня, В. И. Ленин сказал: «Ваше право — право протестовать против действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным»⁴⁵. Также следует отметить вхождение в партию «межрайонцев», усилившее большевиков значительной группой интеллектуалов (Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, А. А. Иоффе и др.). Именно Троцкий предполагался основным докладчиком на VI съезде партии и только после его ареста этот доклад был поручен Сталину⁴⁶. Наконец, надо подчеркнуть, что в октябре 1917 г. большевики брали власть во главе левого политического блока (левые эсеры, анархисты-коммунисты, меньшевики-интернационалисты и т. п.).

Беспощадно борющийся с меньшевистскими и эсеровскими взглядами, Ленин допускал разномыслие внутри большевистской партии в определенных пределах, опираясь в зависимости от ситуации на различные группы в руководстве. Пределы взглядов устанавливались решениями партийных конференций и съездов, общим настроением на отказ от соглашения с буржуазными (т. н. «цензовыми») партиями. До сих пор нет убедительного ответа, почему большевики в 1917 г., подобно анархистам, эсерам и меньшевикам, не раскололись на ряд организационно самостоятельных течений. Таким образом, я полностью разделяю вывод американского историка А. Рабиновича, что «относительная гибкость партии, так же как ее способность улавливать преобладавшие настроения масс, содействовала победе большевиков, по крайней мере, столько же, сколько революционная дисциплина, организационное единство и авторитет Ленина»⁴⁷.

⁴⁴ См.: Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде: Большевики приходят к власти / Пер. с англ., 2-е, испр. и доп. изд. М.: Весь мир, 2003. С. 23.

⁴⁵ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году. С. 289.

⁴⁶ Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 7.

⁴⁷ Рабинович А. Указ. соч. С. 23.

Б. И. Колоницкий

ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБРАЗА А. Ф. КЕРЕНСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА*

Известный московский историк М. М. Богословский, замечательный исследователь эпохи Петра Великого, записал в своем дневнике 11 октября 1917 года: «Канатная танцовщица опять проплясала на канате в Совете Республики, вызывая аплодисменты. Пущены были идеализм и чувствительность, и успех был обеспечен»¹.

Речь идет о выступлении А. Ф. Керенского во Временном совете Российской республики. Показательно, что автор дневника характеризует главу Временного правительства, сравнивая его с цирковой актрисой, балансирующей на канате.

Сравнение государственных мужей с женщинами нередко используется в политической борьбе: немужественность является знаком политической не состоятельности, доказательством отсутствия качеств истинного сильного правителя. Несомненно, что подобное отношение к главе Временного правительства можно увидеть и в цитируемом тексте. Представляется, однако, что данное уподобление Керенского актрисе требует развернутого комментария. Ниже я попытаюсь, во-первых, реконструировать общее отношение Богословского к Керенскому, во-вторых, я сравню это высказывание с другими случаями феминизации Керенского, в-третьих, я выделю связь образов феминизации с некоторыми другими расхожими образами Керенского. Наконец, я выделю важные политические и культурные процессы, индикаторами которых были перечисленные мною образы главы Временного правительства.

В целом, Богословский изначально относился к Керенскому без одобрения, однако, сохраняя критическую дистанцию, он некоторое время признавал оправданность некоторых мер главы Временного правительства. 9 июля

* Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта «Российские общественные движения и международный контекст: Проблема трансфера западноевропейских практик и политических технологий в эпоху революций начала XX в.» (Программа Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории»).

¹ Богословский М. М. Дневники, 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 439.

историк записал в своем дневнике: «... премьером сделался Керенский, сильно, кстати сказать, изменившийся за последнее время. Он прибегает теперь к самым крутым и строгим мерам для восстановления дисциплины, которую сам же расшатал своими нелепыми декларациями»². В том же духе, но еще более резко, Богословский пишет на следующий день:

В «Русском слове» огромными буквами озаглавлена статья «Катастрофа под Тарнополем». ... Вот, г. Керенский, плоды вашей «Декларации прав солдата» и вашего «демократического устройства армии», которыми вы хотели удивить всю Европу. Вот плоды вашего применения отвлеченного принципа свободы слова в армии, свободы слова для немецких шпионов-большевиков. Пожинайте их, несчастный идеолог! Вы больше всех виновны в случившемся, в том разложении и гниении, которое сгубило нашу армию! Вы сами теперь начинаете понимать, до чего вы довели дело, но, кажется, уже поздно! Керенский, впрочем, честный лично человек и вреден только как крайний доктринер и идеолог³.

Впрочем, надежды на желательную для автора дневника политическую эволюцию Керенского не оправдались. Негативное отношение историка к Керенскому нарастало, и с конца июля при характеристике главы Временного правительства Богословский неоднократно употребляет слово «фигляр» (24 июля, 7 августа)⁴. Образ площадного актера, развлекающего нетребовательную публику незамысловатыми трюками, появляется явно неслучайно. Вскоре этот образ претерпевает дальнейшее развитие, уже 15 августа Богословский сравнивает Керенского с ловким цирковым артистом: «Речь Керенского в Государственном совещании произвела на меня впечатление танца, исполненного канатным плясуном, жонглировавшим в то же время высокими государственными понятиями. Где же были ваши дела за 5 месяцев? Была ли у вас хоть капля той власти, о которой вы говорите, когда ходили на задних лапках перед Советом рабочих и других депутатов?»⁵

Если ранее глава Временного правительства описывался историком как грубый комедиант, то теперь автор дневника сравнивал его с цирковым актером, даже не «канатоходцем», а «канатным плясуном». Ловкость политика, балансирующего между различными политическими силами, воспринимает-

² Богословский М. М. Дневники. С. 381.

³ Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 392, 401.

⁵ Там же. С. 404.

ся не как достоинство, но как беспринципное желание удержаться «на высоте», «наверху» и сохранить внимание публики. Политику, по мнению историка, глава Временного правительства превращает в цирк.

Неоднократно назвал Богословский Керенского «канатным плясуном» и впоследствии. Очевидно, он считал это сравнение необычайно удачным, гордился своей меткой характеристикой. 12 октября он писал: «... С основным докладом выступал П. И. Новгородцев, характеризовавший современное безвластие. Власть, как он говорил, не имеет силы, а делает только реверансы то направо, то налево. Это сравнение мне очень было по душе, так как совпадало с моим представлением о Керенском как о канатном плясуне»⁶. Днем же раньше, как уже упоминалось в начале этого текста, он сравнил Керенского с цирковой актрисой.

К образу циркового актера Богословский возвращается и впоследствии: «Канатный плясун, ходивший все время на задних лапках перед товарищами, кажется, дотанцовывает свои последние дни», — записал он 24 октября. И на следующий день Богословский пишет о новой речи Керенского: «Итак, вместо энергичных, быстрых и решительных действий — все та же словесность. Опять словесные танцы на канате, опять жонглерство». Наконец, 3 ноября автор дневника описывает падение Керенского, используя свой излюбленный образ: «Канатный плясун кончил свою карьеру, как и подобало канатному плясуну: свалился с каната и разбился»⁷.

Таким образом, женственный образ Керенского употребляется Богословским в его дневнике лишь один раз. Цирковая актриса — это наиболее жесткая, крайняя характеристика Керенского как циркового актера, ловко балансирующего до поры до времени на канате.

О женственности и актерстве Керенского говорил и писал и Г. В. Плеханов. В своих воспоминаниях Р. Б. Гуль цитирует записи Н. В. Валентинова, который утверждал, что в августе 1917 года Г. В. Плеханов аттестовал Керенского следующим образом:

Плеханов мне мрачно заявил, что никогда он не мог предположить, что Керенский захочет поставить себя в такое смешное и жалкое положение. «Что такое Керенский? Ведь он не только русский министр, а глава власти, созданной революцией. Слезливый Ламартин был всегда мне противен, но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужского пола, а

⁶ Там же. С. 439.

⁷ Там же. С. 447, 453.

скорее женского пола. Его речь достойна какой-нибудь Сары Бернар из Царевококшайска. Керенский это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться!»⁸

К свидетельствам авторов воспоминаний, цитирующих иных мемуаристов, историк должен относиться с большой долей осторожности. Опасения исследователя еще более возрастают, ибо Р. Гуль вспоминает и слова И. Г. Церетели, который в эмиграции схожим образом описывал впечатление от речи Керенского на Государственном совещании: «... все увидели в Керенском — дешевого актера, Гамлета Щигровского уезда, от этого все себя так и чувствовали». «Гамлет Щигровского уезда» очень напоминает «Сару Бернар из Царевококшайска» (актерство, провинионализм), хотя оценка Плеханова представляется еще более жесткой.

Свидетельства авторов воспоминаний нередко нуждаются в перепроверке, однако данному свидетельству можно поверить. Хотя Плеханов и редакция газеты «Единство», состоявшая из его сторонников, в политическом отношении долго поддерживали Временное правительство, но политический стиль его главы вызывал критику, ее можно почувствовать, внимательно читая статьи газеты: «Что касается А. Ф. Керенского, то речь, произнесенная им при открытии Предпарламента, напоминает, как и все его речи, игру Сары Бернар. Эта актриса обладала голосом, в котором слушалась большая нервность, и который поэтому довольно сильно волновал ее слушателей. Но, как совершенно справедливо заметил И. С. Тургенев, в нервности голоса и состоял весь талант знаменитой Сары, так как настоящей художественности не было в ее игре. То же и с А. Ф. Керенским»⁹. Показательно, что речь идет о том же выступлении Керенского, которое Богословский описал, используя образ канатной танцовщицы.

Злая характеристика Плеханова, переданная Валентиновым и Гулем, указывает на три направления критики политического стиля популярного министра: провинциальность, актерство и женственность. Отчасти это совпадает и с оценками Богословского. Эта критика подразумевает и психологическую характеристику Керенского: нервность, истеричность, индивидуализм, непосто-

⁸ Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. М., 2001. С. 96.

⁹ Единство. 1917. 10 октября. Цит. по: Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982. С. 145–146.

янство — качества, которые мизогиническое сознание приписывает женщинам. Но критика политического стиля и личностных особенностей отражается и в критике политической тактики главы Временного правительства, она подразумевает обвинение в отсутствии принципиального политического курса, политической провинциальности, мелочности, неумении решать большие проблемы.

Упомянутые характеристики относятся к августу и осени 1917 года, но еще ранее с актрисой Керенского сравнивали и левые социалисты. Большевики уже в июне 1917 года начали язвительно сравнивать эффектные пропагандистские поездки «народного министра» с шумными гастролями модной примадонны, милой сердцу биржевиков. Подозрительно подробно большевистскую прессу цитировала газета националистов¹⁰. Критика политического стиля предшествовала критике политической тактики, переплеталась с ней. При этом большевики тогда открыто писали о Керенском то, о чем люди консервативных взглядов говорили до поры до времени в своем кругу.

Интересно, что иногда и левые социалисты вспоминали в связи с Керенским Сару Бернар: «Говорил как Сара Бернар, позировал, модулировал. Наконец, после часовой мелодраматической речи едва доплелся до дивана в соседней комнате — упал в обморок. Политически его речь была обывательщиной и пустым местом», — писал 6 июня в личном письме А. В. Луначарский, характеризуя ораторский стиль Керенского¹¹.

Нельзя не отметить, что образы, найденные сначала левыми политиками и публицистами, стали впоследствии использовать и люди умеренных взглядов. Критика Керенского велась «слева» и «справа», но при этом использовались весьма схожие карикатурные образы актрисы, пережившей свою популярность.

О женственности и актерстве Керенского в 1917 году говорили многие. З. Н. Гиппиус, сделавшая в свое время немало для создания культа Керенского, в своем «дневнике» именовала его «бабским революционером»: «Да, фатальный человек. Глупый... герой. Мужественный... предатель. Бабский... революционер» (запись за 5 ноября). В более позднем, печатном варианте характеристика была существенно смягчена: «Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный... революционер»¹².

¹⁰ Цит. по: Киевлянин. 1917. 3 июля. См. также: Речи А. Ф. Керенского. Киев, 1917. С. VI.

¹¹ 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 201

¹² Гиппиус З. Н. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914–1918. Белград, 1929. С. 231; ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 272, 275.

Этот мотив звучит и в ее стихотворении 1918 г., посвященном бывшему премьеру:

Проклятой памяти безвольник,
И не герой – и не злодей,
Пьеро, болтун, порочный школьник,
Провинциальный лицедей,
Упрям, по-женски своенравен,
Кокетлив и правдиво-лжив,
Не честолюбец – но тщеславен,
И невоспитан, и труслив...
В своей одежде неопрятной
Развел он нечисть наших дней,
Но о свободе незакатной,
Звенел, чем дальше, тем нежней.
Когда распучившейся гади
Осточертела песнь Пьеро –
Он своего спасенья ради
Исчез как легкое перо¹³.

Интересно, что Гиппиус приводит те же образы при описании Керенского, которые использовал и Плеханов: актерство, провинциальность, женственность.

Можно с большой долей уверенности предположить, что некоторые действия самого Керенского способствовали появлению упомянутых негативных образов. Перенесение резиденции главы Временного правительства в Зимний дворец было серьезной политической ошибкой Керенского. Императорский дворец в условиях всевозможных «обличений» Распутина, бывшей царицы и царя в прессе, кинематографе и на театральных подмостках воспринимался как место предательства и разврата. Такой культурный контекст влиял на восприятие политических действий и политических жестов Керенского, его сравнивали то с царем, то с Распутиным, то с императрицей Александрой Федоровной, упоминая о его «изменах» и моральной распущенности. Если одни современники обвиняли Керенского в пьянстве, употреблении наркотиков и организации оргий, то в других слухах образ Керенского всячески феминизировался. Молва утверждала, что Керенский спит на кровати

¹³ Гиппиус З. Н. Стихи: Дневник (1911–1921). Берлин, 1922. С. 88. В адресате стихотворения «Кто он?» современники легко узнавали А.Ф.Керенского, а на рукописном варианте этого стихотворения имеется подпись З.Н.Гиппиус и заголовок, написанный ее рукой «З. Гиппиус – Керенскому» (ОР ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 185. Оп. 1. Д. 1384. Л. 1).

императора. Образ министра, покоящегося на ложе царицы, оскорблял и сторонников монархии, и ее противников. Юрист, служивший вольноопределяющимся в запасном батальоне Преображенского полка, писал о настроениях солдат: «Имя Керенского слишком ненавистно. Странно, ему в особенности ставят в вину, что он спит в царской кровати. Об этом кто-то пустил сплетню, и она попала в цель. Если автор этой сплетни учитывал психику солдата, то он несомненно тонкий психолог»¹⁴. Слух получил дальнейшее развитие: Керенский спит на кровати императрицы, Керенский спит на белье императрицы, Керенский спит в белье императрицы. «Александр Федорович» трансформировался в новую «Александр Фёдоровну».

Тактика снижения образа революционного министра через его феминизацию использовалась и в политических кампаниях ноября 1917 года. Участие ударниц в защите Временного правительства этому весьма способствовало. Затем возник фантастический слух о том, что Керенский бежал из Зимнего дворца, переодевшись в форму сестры милосердия.

Показательно, что распространению этого слуха способствовала черносотенная газета «Гроза», которая развивала излюбленную редакцией антисемитскую тему:

Керенский, речистый адвокат, – сын жида и жидовки Куливер. Овдовев, его мать вышла замуж за учителя Керенского, который усыновил, крестив своего пасынка, получившего фамилию отчима. ... Керенский, в посрамление России объявивший себя верховным главнокомандующим и министром-председателем, ускользнул от расправы солдат из Петрограда, переодевшись сестрой милосердия. ...¹⁵

Можно с уверенностью предположить, что слух возник благодаря феминизации образа Керенского в предшествующие месяцы.

Образ министра, переодевшегося в женское платье с красным крестом, следует также рассматривать, учитывая динамику образа сестры милосердия в русской культуре эпохи мировой войны: если первоначально сестра милосердия была символом патриотической мобилизации, то затем она стала олицетворять «тыловое свинство». Сестер милосердия обвиняли в непристойном поведении, а профессиональные проститутки и мошенницы переодевались в

¹⁴ Милицын С. В. «Из моей тетради» (Последние дни Преображенского полка) // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 175.

¹⁵ Гроза. 1917. 8 ноября.

популярную форму с красным крестом¹⁶. Есть и еще более широкий культурный контекст: женофобия проявлялась в особой культуре фронтовых солдат различных воюющих стран. Если на начальных этапах войны женщина была символом нации, которую следовало защищать, то со временем женщина стала символом разложения тыла и (или) измены. Женской неверности (личной и политической) противопоставлялось фронтовое мужское братство.

Официальная советская историография в целом воздерживалась от тиражирования слуха о переодевании Керенского в женскую одежду. Однако политика памяти использовала этот образ, достаточно вспомнить известные картины, принадлежавшие кисти известных художников: «Бегство Керенского из Гатчины» (Г. М. Шегаль, 1937–1938); «Последний выход Керенского» (Кукрыниксы, 1958?). Интересно, что художники использовали схожие приемы для снижения образа исторического деятеля. Это, прежде всего, пышный дворцовый интерьер (отсылка к теме дворца в слухах революционной поры). Авторы также вводят в свои картины зеркало, чтобы показать переодевающегося Керенского со всех сторон: процесс феминизации дается в динамике, со спины он еще более напоминает женщину, теряет мужественность.

Феминизация образа Керенского была присуща самым различным элементам политического спектра, и правым и левым, и верхам, и низам. В этом проявлялась крайняя изоляция Керенского, которого накануне Октября фактически никто не поддерживал.

О женственном характере революционного русского политика писали и другие современники. Немецкий публицист Э. Штадтлер, находившийся в 1917 году в России лагере для германских военнопленных, писал: «А в великом болтуне Керенском с первого же дня демонстрации его государственного искусства я прозревал женское отраженное проявление российской революционной динамики». После Московского государственного совещания он писал: «Керенский – женщина, революция – мужчина. Керенский крайне пассивен, сдержан, пуглив, влюблен. Революция же – сама активность, напористая, беспощадная, повелевающая». Женственности Керенского он впоследствии противопоставлял большевиков, олицетворявших мужское активное начало¹⁷.

¹⁶ Подробнее см.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 326–344.

¹⁷ Кёнен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 221–222.

Однако, как мы уже видели на нескольких примерах, образ женщины нередко связан с другим образом, образом Керенского-актера. Последний же образ был гораздо более распространен. При этом первоначально он мог и не иметь отрицательной нагрузки. Весной 1917 года многие сторонники министра описывали его порой как политика-художника. Показательно, что Керенского именовали «поэтом революции», а один из ведущих театральных журналов поместил на обложке его портрет, подпись гласила: «Великий энтузиаст и вдохновенный романтик русской революции»¹⁸. В рамках такой культурной ориентации вполне уместны были и разбрасывание цветов (жест, копирующий поведение театрального премьера) и поклоны, и поцелуи. Керенский не раз запевал «Марсельезу», он даже руководил пением восторженной аудитории и профессиональных хоров, а порой и дирижировал оркестрами. Аудитория первоначально с восторгом встречала эстрадные импровизации «министра революционной театральности». Керенский был наиболее яркой «звездой» послереволюционных «митингов-концертов», на которых речи популярных политиков чередовались с выступлениями актеров и оркестров. На специальных афишах, оповещавших о подобных мероприятиях, особо оговаривалось, что ожидается «участие Керенского». Это не всегда соответствовало действительности, но организаторы митингов-концертов любой ценой стремились привлечь как можно больше участников и зрителей. Керенского забрасывали цветами, его качали, на руках выносили из залов, восторженные школьницы мечтали получить его фотопортрет с автографом (утверждали, что в иные дни Керенский подписывал до 300 своих портретов). Его служебную квартиру министра юстиции заполняли букеты – неизменно красного цвета¹⁹.

Театрализация политики и политизация сферы досуга были проявлением политической эйфории, охватившей Россию весной 1917 года. Эстетизация политической жизни формулировала запрос на политика-художника, политика-актера. Керенский, своеобразный оратор, политик-импрессионист, прекрасно чувствовавший настроения аудитории, отвечал подобным ожиданиям.

¹⁸ Туров А. Поэт революции (Керенский) // Свободная Россия. 1917. 12 июня; Рампа и жизнь. 1917. № 22. Обложка.

¹⁹ Русская музыкальная газета. 1917. № 25/26. Стб. 421; Добровольская О. Из воспоминаний о первых днях революции // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 189; Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С. 20.

В то же время и его политическая неопределенность отвечала стремлением к национальному компромиссу, которая оформлялась с помощью требований преодоления партийного эгоизма.

К осени же 1917 года общественные настроения были совершенно иными. Продолжение войны, продовольственные затруднения, топливный кризис, нарастание преступности все более занимали городского обывателя, который все менее интересовался политикой, погружаясь целиком в свои частные и семейные интересы. Это проявлялось в снижении интереса к чтению политической литературы, досуг горожан становился все менее политизированным. В этих условиях образ политика-артиста становился фактором раздражающим. Образ Керенского-актера перекодировался, воспринимался теперь со знаком минус. Талантливый актер превращался в «фигляра», а то и в «провинциальную актрису». Другим направлением перекодирования образа политика-актера было приписывание ему особого театрального амплуа. С. Н. Дурылин записал в своем дневнике 21 августа: «Получил два письма с подробностями о совещании (Государственном совещании – Б. К.). Станиславский, бывший на Совещании, выслушав и посмотрев на Керенского, сказал: «Ну, нас, актеров, не проведешь: актер и актер»». Возможно, под влиянием этого сообщения автор дневника продолжал размышлять о политике-актере: «Вчера мы нашли с Нестеровым определение Керенскому: герой – любовник – фат. Амплуа: Гамлет – Чацкий – Хлестаков»²⁰. С Хлестаковым Керенского сравнивали в 1917 году и другие люди: «О каких-либо попытках Хлестакова-Керенского ничего не слышно», – записал 27 октября в своем дневнике известный историк Ю. В. Готье²¹.

Правда, немалая часть политических активистов разного толка продолжала интересоваться и заниматься политикой, но они все более радикализировались, видя выход из кризиса в решительных действиях: если одни требовали «углубления революции», то другие считали военную диктатуру универсальным средством решения всех общественных проблем. Подобная поляризация общества толкала страну к Гражданской войне. Радикалы разного толка противостояли Керенскому, они отрицали и его политический курс и его политический стиль, они требовали от своих лидеров решительности и определенности. Образ актера-

²⁰ «Минуты роковые» российской истории в дневниковых записях Сергея Дурылина / Публ. М. А. Рашковской // Наше наследие. 2012. № 100. С. 139, 140.

²¹ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С.43.

политика, человека, имеющего множество личин и облачений, политика, балансирующего на канате, не мог удовлетворять уже ни левых, ни правых.

Описывая массовое политическое сознание «молодой демократии» лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов писал о неумеренной «персонификации» идей, о «фетишизме личностей» и, явно подразумевая Керенского, предостерегал: «... Как бы толпа фетишистов не поступила так, как дикари поступают при неудаче со своими фетишами: они их развенчивают, бьют, бросают в грязь и попинают ногами»²².

Образы женственного актера служили задаче делегитимации политика, при этом эти образы использовали как политические радикалы правого и левого толка, так и люди, деполитизирующиеся, отходящие от политики.

Последнее обстоятельство особенно важно: историки обычно уделяют внимание главным действующим лицам политической драмы — политическим партиям и их лидерам. Отчасти это обусловлено тем, что первыми историками революции были партийные историки разного толка, а нередко и сами партийные вожди выступали в роли историков, не был исключением и сам Керенский. Другим обстоятельством, подталкивающим исследователей к описанию революций сквозь призму партийной борьбы, является источниковая база: многие источники либо были созданы структурами разных политических партий, либо они описывают, прежде всего, межпартийную борьбу. С этой точки зрения падение политического влияния Керенского описывается, прежде всего, как сужение базы его поддержки ведущими политическими партиями. Действительно, во Временном правительстве последнего состава мало было «партийных тяжеловесов»: ни кадеты, ни умеренные социалисты не послали в него своих видных лидеров. Напротив, многие министры были беспартийными.

Изучение же динамики политических образов позволяет выявить и иное измерение политического кризиса. Некоторые бывшие сторонники Керенского разочаровывались в политике, разочаровываясь в своем былом кумире. Нарастающая деполитизация многих бывших энтузиастов революции была также своеобразным политическим ресурсом, который создавал условия для противников Керенского.

²² Чернов В. М. Страницы из политического дневника // Мысль. 1918. № 1. С. 249–251.

Т. А. АБРОСИМОВА

1917 ГОД. ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Февральская революция произошла стихийно, «без революционеров» и с ошеломляющей быстротой. В течение 8 дней, оказавшийся в полной изоляции, царский режим рухнул. Даже верхи русской православной церкви отвернулись от своего главы, встав на сторону Временного правительства. Да и армия, включая генералитет, отказалась от главнокомандующего.

К моменту революции авторитет власти настолько упал, что народ видел в государственной власти преимущественно отрицательную величину, которую уже нельзя реформировать, а можно только насильственно разрушить. Значительная часть рабочих и интеллигенции, желая ликвидации самодержавия, боялась «улицы» и это заставляло их занимать выжидательную позицию. Восстание не планировали. «События возникли, писал А. Г. Шляпников, — вне плановой предусмотрительности... . Ни по своему характеру, ни по классовым силам Февральская революция не была и не могла быть организованной и вызванной»¹.

Среди причин, обусловивших столь стремительное развитие революции, нужно указать на высокое напряжение, которое существовало в стране. Страну начало лихорадить еще в начале XX века. После революции 1905–1907 гг., не решившей стоявших перед ней задач, новая революция стала лишь вопросом времени. Безусловно, ход событий ускорила война. Достаточно было искры, чтобы взрыв произошел.

С победой Февральской революции, казалось, проблем станет меньше, произойдут демократические преобразования. Создавалось ощущение, что «мартовские настроения» захватили всех без исключения. Все были заражены эйфорией праздника. Ждали «чуда истории». Задачи, которые предстояло решить, были сформулированы в лозунгах, с которыми толпы людей выходили на улицы: необходимость созыва Учредительного собрания, выход из войны и заключение мира без аннексий и контрибуций, передача земли крестьянам и т.д. Люди верили и надеялись, что с победой революции неизбежны кардинальные изменения к лучшему не только в экономической, но и в духовной, нравственной сферах жизнедеятельности общества. Так, прохо-

¹ РГАСПИ. Ф. 304 (Шляпников А.Г.). Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

дивший в апреле 1917 года первый съезд физиологов с удовлетворением отмечал, что он проводится «в свободной теперь России»².

Безусловно, не все приветствовали революцию. «Большинство моих товарищей, ... как и я сам, далеко не были в восторге от революции, – вспоминал кадет В. А. Оболенский, – хорошего мы от нее не ждали, а потому с первого же дня стали, в известном смысле, контрреволюционерами, всячески старались препятствовать «углублению революции»³. Но со стихией революции уже справиться было невозможно. Ликованию не было предела. Девушки рвали свои красные блузки (красный материал и бумага с прилавков исчезали мгновенно) и делали из них «символы революции»⁴. Во всех частях города проходили различные митинги. Массы были полны энтузиазма. Еще вчера бесправные, а сегодня освободившиеся от тирании старого режима, получившие демократические свободы, они удовлетворяли свою потребность в политическом общении, упиваясь шумными фразами. Жили надеждой на обновление мира, ожидая общественное состояние разрешающее все людские проблемы и устанавливающего жизнь изобильную и справедливую. Народ, вовлеченный в политику, но политически неискушенный, не затруднял себя анализом позиций того или иного оратора. «Все хорошо говорили – вспоминал рабочий завода Айваз – все, в сущности, много обещали»⁵. Большинство считало, что если выступает оратор против царя, значит, его и надо поддерживать.

Интеллигенция не оставалась в стороне. К примеру, часть вузовских преподавателей охотно откликнулись на призыв Временного правительства идти «в народ»⁶. Преподаватели вели просветительскую работу среди населения, лишенного возможности получить высшее образование. Не все разделяли точку зрения о том, что нужно читать публичные лекции и отдавать приоритет общеполитическим задачам. Более того, порой профессоров раздражала бесцеремонность, с которой улица врывается в университет, пытаясь сорвать занятия⁷. На фоне общего ликования стала просматриваться тенденция безнаказанности и вседозволенности. Происходящее скорее предопределяло не демократический, а охлократический путь развития общества.

² См.: Русский физиологический журнал. 1917. № 1. С. 7

³ Коллекция ГАРФ. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Т. 2, рукопись.

⁴ Биржевые ведомости. 1917. 10 марта

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 159. Л. 23.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. С. 126.

⁷ СПб ФАРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 168. Л. 31 об.

Просматривая разной направленности газеты тех дней, обнаруживаешь, что информация в них не о забастовках, а о происходящих бытовых бесчинствах. Еще больше негативной информации встречаешь в воспоминаниях рабочих. Работница Октябрьской фабрики Боканова вспоминала, как они топили своего хозяина за отказ прибавить зарплату: «Мы его вывезли на тачке к Невке у Гренадерского моста, но в последний момент пожалели и спасли»⁸.

В те дни было очень много противоречивого. Общество самоорганизовывалось. Возродились и вновь возникали массовые организации трудящихся – советы, профсоюзы, фабзавкомы, кооперативные, женские, молодежные и другие самоуправляемые объединения.

Власть не оказывала и не могла оказывать никакого влияния на эти организации. Временное правительство было занято вопросами создания системы выборов в Учредительное собрание, реформированием в различных областях жизнедеятельности, разработкой законопроектов и т.д., пребывая в собственном мире далеком от нужд и потребностей основной части общества. Оно видело в этом свою основную задачу. Вся эта законотворческая работа «на будущее» народу была безразлична. Массы ждали от Временного правительства быстрых действий, с помощью которых их нужды будут удовлетворены.

Проводить политику полностью соответствующую воле народа невозможно. Разброс интересов разных групп столь велик, что принять решение, которое устраивало бы всех или хотя бы большинство, нереально. Но считаться с мнением народа и проявлять готовность и желание помочь людям власть должна. Люди, пришедшие к власти в феврале 1917 года, были полностью лишены государственного инстинкта. Они возложили надежды на то, что все само собой отрегулируется. Власть либералов демонстрировала основной принцип либерализма, который можно передать французской формулой «laissez – faire», что по-русски звучит как «пусть идет как идет».

В результате очень скоро, как отмечал И. В. Наживин, «облака фантастического мира рассеялись, – угар начал проходить»⁹. «Теперь всякий честный человек, – отмечала в дневнике Е. Н. Сайн-Виттенштейн 19 июля 1917 года, – и пальца не протянет для спасения этой свободы и этой революции...»¹⁰. Г. А. Князев, делопроизводитель в архиве Морского министерства, с горечью писал в своем дневнике о результате Февральской революции:

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 74. Л. 24.

⁹ Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С. 41.

¹⁰ Сайн-Виттенштейн Е. Дневник. 1914–1918 гг. Париж, 1986. С. 88.

«Так хорошо началось... Полгода... и глаза не смотрели бы... Куда бы уехать, уйти... Нет, кажется, больше сил смотреть на происходящее. Боже, как больно сжимается сердце. Невыносимо грустно. Банкротство великого народа»¹¹. Историк и издатель Н. Н. Бородин вспоминал о резком изменении общего настроения: «От радостного и полного надежд, оно перешло в тревожное и у некоторых дальновзорких людей в близкое к отчаянию»¹². Долгожданная свобода превращалась в разнузданность, разрушавшую государственность. Временному правительству «не хватало мужества создать какое-то ядро принудительной власти, заставить себя слушаться».

Общенациональный кризис нарастал. Продолжавшаяся война требовала огромных вложений. Правительство с трудом оплачивало половину необходимых на войну затрат, что фактически означало банкротство государства. Финансовый коллапс привел к всеобщему кризису. Не хватало топлива и металла. Прогрессировал развал транспорта, разрушивший традиционные связи между регионами и отраслями народного хозяйства. Закрывались предприятия, выбрасывая на улицу десятки тысяч безработных. Неудержимо росла инфляция. И эта надвигавшаяся катастрофа как бы фокусировалась для широчайших масс населения, прежде всего в резком ухудшении государственного снабжения.

В очередях за хлебом, мясом, молоком, мылом, керосином люди простаивали часами. И хотя карточные нормы были мизерными, они никогда не отоваривались полностью. Продовольственные беспорядки сопровождались разгромом лавок и складов. Периодическая печать изобиловала материалами об углублении кризиса. «Речь» обвиняла правительство в отсутствии политического стержня, «определенной правительственной программы»¹³.

Газета «Утро России» призывала правительство перейти, наконец, от слов к делу¹⁴. Усиливавшееся с каждым днем чувство тревоги никого не покидало. Об этом постоянно сообщала пресса, сама во многом способствовавшая росту апатии, страха и смятения¹⁵. К осени психологическая усталость и нервное напряжение значительно усилились. «Политика как никогда еще раньше бесцеремонно и глубоко вторгалась в частную жизнь отдельных

¹¹ Князев Г. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции, 1915–1922 // Русское прошлое. СПб., 1991. № 2. С. 168.

¹² Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917. М., 1991. С. 367.

¹³ Речь. 1917. 15 августа.

¹⁴ Утро России. 1917. 18 августа.

¹⁵ Воля народа. 1917. 17 октября.

людей, вдруг потерявших почву из под ног, уверенность в завтрашний день, за жизнь свою и своих близких...»¹⁶. Большинство интеллигенции не могло разобраться в происходящем, а поэтому покорно и пассивно принимало свою судьбу, пытаясь адаптироваться к обстоятельствам. В то же время некоторые ощущали приближение пугающего конца – не лично каждого, а коллективного. И. Г. Эренбург признавался: «Как только будет возможность, уеду, чтоб спасти для себя Россию»¹⁷. Выхать из России уже тогда хотел и В. Ф. Ходасевич. Пытался эмигрировать С. В. Рахманинов: «Хотя бы в Норвегию, Данию, Швецию... Куда-нибудь!»¹⁸. Некоторых удерживал даже от временной эмиграции страх навеки лишиться родных стен, русской земли¹⁹. Но по городам России разъехались многие.

Состояние общества было пропитано осознанием краха и кризиса существующего строя. Приближение нового этапа революции ощущалось во всем. Актриса Александровского театра О. Н. Гильдебрант-Арбенина в своем дневнике писала 17 октября: «Будет, говорят, революция. Господи, сохрани моих близких и всю Россию»²⁰. Резко обозначилась линия социального противостояния. Рабочими интеллигент воспринимался как дармоед. Только революция, считали они, сможет уравнивать рабочего и интеллигента по социальным признакам и не позволит интеллигенту выделяться. Психологическая вражда, агрессивность, особенно со стороны масс, усиливали напряженность и размежевание.

К осени Россия была непоправимо расколота. Компромисс между высшими и низшими слоями общества уже был невозможен.

Не многие из интеллигентов решались в темное время находиться на улице, это было небезопасно, народ питал злобу не только против воображаемого класса «буржуазии», но и конкретно против живых людей, встречаемых на улицах, в трамваях или в поездах железной дороги²¹. В общественном сознании царила атмосфера ненависти и вражды. 19 октября 1917 года академик В. И. Вернадский, отмечал, что «атмосфера тревожная как будто накануне гражданской войны. Никто не хотел идти на уступки»²². «У «нас» и

¹⁶ Яфа-Синакевич О. Темная тетрадь за 1917 год // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 347. Л. 29.

¹⁷ Звезда. 1996. № 2. С. 195.

¹⁸ Рахманинов С. Письма. М., 1955. С. 482.

¹⁹ Волков О. Век надежд и крушений. М., 1989.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 21–22.

²¹ Колоницкий Б. «Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание» // Анатолия революции. СПб., 1994. С. 196.

²² Страницы биографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 288.

у «них», — писала Е. Н. Сайн-Виттенштейн, — обе стороны желают не понять друг друга, не сойтись, а желают победить. Это приведет к самому большому несчастью, которое может постигнуть страну — к междоусобной войне»²³. Классовые интересы, максималистское сознание вышло на первый план. Забытыми оказались такие общечеловеческие ценности как милосердие, терпимость, нравственность. Особенно это ощущалось со второй половины октября, когда неизбежность столкновений стала очевидной. Большинство интеллигенции, имевшей дефицит политической активности и отличавшейся эклектическим мировоззрением, не могло оказать никакого политического влияния на исход борьбы. Интеллигенция, в основной своей массе, боялась революции, считала курс на социалистическую революцию опасным заблуждением, хранила веру в возможность мирных перемен, в творческую силу компромисса. Народные массы были куда более агрессивны и решительны.

Если раньше тяжелый физический труд, низкая зарплата, лишения вызванные войной рассматривались как неизбежные, то в новых условиях этого никто не хотел терпеть, «кротость и смиренность — подчеркивал Н. А. Бердяев — перешла в свирепость и разъяренность... Народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе вдруг почти помешался на рационализации всей жизни»²⁴. Сформированные потребности не находили удовлетворения. Поэтому массы проявляли готовность к жесточайшему насилию ради приближения ожидаемого (и не наступившего) улучшения положения. Все устали от тяжелейшего экономического кризиса, хаоса и анархии, существующих в стране.

Политика балансирования и лавирования перестала удовлетворять не только радикально настроенные слои населения, но и либерально-консервативную интеллигенцию. К тому же интеллигенцию пугала активизация масс, отождествляемая с анархией. Так в резолюции 1-го съезда врачей отмечалось, что «связь между партийными доктринами и стремлением народных масс породила «острый психоз». Для «ускоренного выхода из аморфного беспомощного состояния государства» медики предлагали отказаться от созыва Учредительного собрания и ввести военное положение с помощью контрреволюционной вакцины»²⁵. По мере нарастания напряженности в стране, вопрос о режиме становился принципиальным.

²³ Сайн-Виттенштейн Е. Дневник. 1914–1918 гг. Париж, 1986. С. 94.

²⁴ Бердяев Н. А. Итоги и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 125.

²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2275.

Интеллигенция была готова приветствовать режим, способный силой прекратить всеобщий распад, разложение фронта, предотвратить сползание к национальной катастрофе и гражданской войне. Не пугала даже перспектива военной диктатуры.

26 августа 1917 года М. А. Волошин писал в письме И. Г. Эренбургу: «Вся Россия перенасыщена влагой безумия и исступления. Российский бедлам нуждается в опытном дирижере и церемониймейстере»²⁶.

В роли «сильной авторитетной личности» рассматривался генерал Л. Г. Корнилов. Вокруг него концентрировались элементы, считавшие, что наступила пора бить в «контрреволюционный набат». В голове бывшего террориста Б. В. Савинкова, назначенного Керенским управляющим военным министерством, родился оригинальный план: создать прочную власть «под красным знаменем Керенского и крепкой рукой Корнилова». В середине июля Л. Г. Корнилова назначили верховным главнокомандующим. Подтверждая свою репутацию человека жестких действий, уже в день принятия командования в телеграмме А. Ф. Керенскому он потребовал санкционировать смертную казнь для дезертиров, причем в таких угрожающих выражениях, что Б. В. Савинков, также поддерживающий суровые меры, был вынужден вмешаться и настоял на изменении текста послания²⁷. «Пророчат Наполеона»²⁸ — писал А. А. Блок. Газета «Речь» прямо указывала, что лишь «суровыми и решительными мерами можно спасти Россию»²⁹. В корниловской ставке разрабатывалась программа. Суть ее была проста: для спасения страны необходимы три армии: «армия в окопах, армия в тылу и армия железнодорожников». Фактически полная милитаризация всего и вся. Смертную казнь предполагалось распространить не только на фронте, но и в тылу.

Поскольку сопротивление этой программе наверняка окажут Советы и, конечно, большевики, с ними придется покончить. В 20-х числах августа через Савинкова было достигнуто соглашение: в момент, когда правительство объявит Петроград на военном положении для проведения «корниловских мер», ставка направит к столице кавалерийские войска. Но в ставке это соглашение было принято по-своему: раз Керенский согласился, значит, он слаб. Значит надо сделать так, чтобы при благоприятных обстоятельствах

²⁶ Звезда. 1996. № 2. С. 193.

²⁷ Мартынов Е.И. Корнилов: попытка военного переворота. Л., 1927. С. 25.

²⁸ Блок А. Записная книжка. М., 1965. С. 508.

²⁹ Речь. 1917. 12 августа.

вместе с большевиками и Советами скинуть и Временное правительство. 27 августа 1917 года Корниловым была предпринята попытка переворота с целью установления военной диктатуры. Установлению режима военной диктатуры помешали левые силы, подтвердившие огромную потенцию совместных действий всех социалистических групп. Надо, однако, признать, что все социалистические партии – от большевиков до эсеров и энесов – оказались не на высоте государственных задач, перед которыми поставила их история после корниловщины. Партийные распри пересилили понимание общенациональных интересов. Сохранился этот блок и в дальнейшем, гражданская война, по крайней мере, в том масштабе, в каком она развернулась, стала бы невозможной. Но блок просуществовал всего несколько дней.

В политическом плане мятеж кардинально изменил ситуацию. На нет были сведены все попытки А. Ф. Керенского упрочить правительственную власть, резко расшатанную июльскими событиями. Ушли в отставку министры, поддерживающие Л. Г. Корнилова. Правительство практически оказалось в самоизоляции. Кризис, тем временем, только углублялся. Корниловские генералы, арестованные в Быхове, ждали теперь, когда волна разлившейся анархии захлестнет страну. Они готовились... Но Октябрьское вооруженное восстание, явившееся ударом в слабый блок правительства Керенского и меньшевистско-эсеровского ВЦИК, их опередило. 26 октября 1917 года в стране была провозглашена Советская власть.

Октябрьская революция развивалась как прямое продолжение и завершение февральской демократической революции. Драматизм и своеобразие ситуации состояли в том, что осенью 1917 года страна для своего спасения нуждалась в глубоких действительно революционных, но в тоже время общедемократических преобразованиях.

Народные массы могли принять только такое общественное устройство, которое в соответствии с их воззрениями смогло бы им дать абсолютное социальное равенство, в первую очередь, равенство в потреблении. Социалистическая революция отвечала их чаяниям.

Восприятие интеллигенцией происшедших событий было сложным и индивидуальным. Февральская революция таила в себе огромное обаяние для большинства русских интеллигентов, но Октябрьская революция была воспринята ими исключительно как контрреволюция.

К. А. ТАРАСОВ

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП(Б)

История Военной организации большевиков не является *terra incognita* для исследователей революционного движения в России. Некоторые аспекты ее деятельности были освещены еще в 1920–30-е гг.¹ Впрочем, ограниченность базы источников не позволила ученым того времени пойти дальше круга вопросов, подробно освещенных в воспоминаниях членов «военки», как ее называли сами солдаты.

В сталинский период эта тема была под запретом, и только с конца 50-х и в 60-е гг. XX в. наблюдается возвращение Военной организации в историографию². К этому же времени относятся труды американского историка А. Рабиновича, дошедшие до большинства отечественных исследователей лишь в конце советского периода. В его книге впервые была обстоятельно аргументирована точка зрения, согласно которой Военная организация в некоторых вопросах вела себя как автономная от Центрального комитета партии большевиков структура. Более того, ее лидеры сознательно шли на конфликт с лидерами партии, отстаивая свою точку зрения на развитие деятельности в армии³.

Своеобразным подведением итогов изучения Военной организации стал сборник статей 1986 г. «Военные организации партии большевиков в 1917 году». В статье П. А. Голуба, специально посвященной итогам изучения Военных организаций большевиков, выделяются следующие большие темы, по мнению автора, слабо проработанные к этому времени: партийное строительство в войсках, роль печатного органа в агитационной деятельности в армии, участие большевиков в демократизации армии, связь агитации в ар-

¹ Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917. М.; Л., 1930; Владимирова В. Ф. Революция 1917 года. Хроника событий. Л., 1924; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917. М.; Л., 1927; Кривошеина Е. П. Две демонстрации. М., 1931; Ахун М. И., Петров В. А. Большевики армия в 1905–1917. Л., 1929 и др.

² Кочаков Б. М. Большевизация Петроградского гарнизона // Октябрьское вооружённое восстание. М.; Л., 1957; Ерыкалов Е. Ф., Носов Ф. Н., Путырский Е. П., Шунденко С. Н. В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917. М., 1961; Голуб П. А. Партия, армия и революция. М., 1967 и др.

³ Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, Ind., 1968.

мии и деятельности в деревне, национальный вопрос. Свою статью автор закончил призывом, который до сих пор не был услышан: написать обобщающую работу по «военке».

Новые времена направили внимание историков на другие, менее изученные темы. Однако, несмотря на обилие публикаций о партии большевиков в советскую эпоху, следует отметить некоторые искажения и идеологические сдвиги в освещении ее деятельности в армии. Тема требует серьезного переосмысления и выведения на новый научный уровень.

На сегодняшний день можно говорить о ряде положений в истории Военной организации, которые переходят из исследования в исследование, несмотря на то, что даже не самое глубокое знакомство с первоисточниками демонстрирует совершенно иную картину. Прежде всего, переосмысления заслуживает вопрос о партийном руководстве «военкой». Мемориальный проект о Военной организации (публикация воспоминаний, некоторых документов) во многом проходил под влиянием Н. И. Подвойского, стремившегося вернуть себе то положение в партии, которое он потерял вскоре после Гражданской войны. Если верить воспоминаниям Б. Г. Бажанова, в правительственной верхушке имя Подвойского обычно сопровождалось эпитетом «старый дурак»⁴. Л. Д. Троцкий вспоминал о том, что кипучая натура революционера старой школы не подходила к новому статусу государственных строителей⁵. Подобный вывод можно сделать, просмотрев послужной список Н. И. Подвойского. Из Наркомата по военным делам и Реввоенсовета Республики он перемещался по нисходящей вплоть до чисто декоративного поста председателя Спортинтерна.

Реализовать себя Н. И. Подвойский смог в деле создания личной истории. С первой годовщины Октября он публиковал воспоминания, выступал на памятных вечерах. Не удивительно, что его фигура заслонила для историков прочих членов Военной организации. К тому же, перечитывая имена остальных членов руководящего органа Военной организации – В. И. Невского, К. А. Мехоношина, П. В. Дашкевича и других, – буквально перечисляешь сталинские расстрельные списки. Их имена на долгое время были вычеркнуты из истории. Н. И. Подвойский избежал репрессий, благодаря чему вошел в своеобразный «пантеон» героев Октября. Основываясь на не всегда досто-

⁴ Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 374.

⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. II. Ч. 1. М., 1997. С. 24.

верных воспоминаниях Н. И. Подвойского⁶, исследователи повторяли за ним и его ошибки и неточности. Так, например, упоминание о первых членах «военки» кочевало из монографии в монографию со всеми неточностями в написании имен и фамилий.

В воспоминаниях, опубликованных посмертно, Н. И. Подвойский называет себя председателем «военки»⁷, что вслед за ним повторили исследователи⁸. Однако, если обратиться к источникам, выясняется, что он, хотя и выделялся своим авторитетом среди членов Военной организации, отнюдь не являлся ее единоличным лидером. Его подпись присутствует во многих документах наравне с К. А. Механошиным, А. С. Черепановым и другими в графе «секретарь Военной организации». Ту же должность Н. И. Подвойский назвал в автобиографии, составленной 11 октября 1917 г.⁹

Если обратиться к воспоминаниям А. Ф. Ильина (Женевского), М. С. Кедрова, А. И. Тарасова-Родионова, напрямую связанных с работой в Военной организации, обнаружится, что мемуаристы признавали авторитет Н. И. Подвойского, но подчеркивали, что он постоянно отсутствовал во дворце Кшесинской, где разместился штаб Военной организации, и был «вечно занят делами газеты»¹⁰. В источниках почти нет упоминаний о его агитаторской деятельности, а в большевистской прессе очень мало его публикаций. Опыт революционера был почти исключительно издательский. Н. И. Подвойский работал в большевистской типографии «Зерно», был членом редколлегии газет «Правда» и «Звезда», журнала «Вопросы страхования», а в 1905 г. специально направлялся в Ярославль для организации издания местной газеты «Северный край». Скорее всего, основным занятием Н. И. Подвойского, кроме координационной деятельности, было налаживание работы по изданию солдатской газеты.

⁶ Подробную критику мемуаров Подвойского см.: Борозинец Л. Г. Мемуары Н. И. Подвойского как исторический источник // Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. ст. Л., 1964. С. 42–63.

⁷ Подвойский Н. И. Год 1917. Л., 1958. С. 2–3.

⁸ Эта точка зрения закреплена в Большой советской энциклопедии третьего издания - Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 20. М., 1976. С. 135.

⁹ РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 об.

¹⁰ Ильин-Женевский А. Ф. Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // Красная летопись. 1926. № 1; Кедров М. С. Как издавался «Рабочий и солдат» // Красная летопись. 1927. № 7; Тарасов-Родионов А. И. Февраль. Роман-хроника. М.; Л., 1928; Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957.

Значимость личности Подвойского, заметим, нельзя игнорировать, поскольку в показаниях, данных следственной комиссии после июльского «разгрома большевиков», дворник дворца Кшесинской М. Д. Денисов назвал его в числе главных, по его мнению, лиц «военки». Он подчеркивал, что Н. И. Подвойский «вообще отдавал распоряжение» по Военной организации¹¹. «Подвойский был главным организатором и вообще душою Военной организации», – вспоминал А. Ф. Ильин (Женевский)¹².

Несомненно, следует говорить о том, что при коллегиальном управлении Военной организацией Н. И. Подвойский пользовался большим авторитетом по сравнению с другими членами бюро.

Динамика увеличения количества членов Военной организации слабо представлена в исследованиях. В основном историки оперируют данными, названными на конференциях и съездах большевиков самими руководителями «военки». Чтобы избежать преувеличений, которые могли быть использованы в документах, следует использовать иной источник, позволяющий реконструировать динамику роста численности организации. Таким источником могут быть партийные билеты, которые Военная организация выпускала самостоятельно¹³.

Каждый партбилет имеет свой индивидуальный порядковый номер и обозначение, когда и кем он был выдан. Следовательно, на основе этих данных можно составить представление о том, когда начался рост Военной организации и назвать примерное число солдат, вступивших в ряды большевиков.

Заметим, что весь март и половину апреля отмечалось незначительное увеличение численности «военки». Однако в период с 15 по 25 апреля наблюдался резкий скачок – почти в три раза, так что ко 2 мая было выдано уже 458 членских билетов. Этот факт можно связать с появлением специальной военной газеты «Солдатская правда», первый номер которой был напечатан 16 апреля. Газета позволила распространить влияние большевиков на многие запасные воинские части Петрограда, а также и за его пределы.

Следующее резкое увеличение рядов Военной организации, зарегистрированное между 8 и 13 мая, очевидно, являлось свидетельством недовольства в гарнизоне, вызванного Декларацией прав солдата, с критикой которой выступили большевики.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 440. Л. 289.

¹² Ильин-Женевский А. Ф. Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // Красная летопись. 1926. № 1. С. 59–60.

¹³ РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 3; 4; 16; 48; 57–61; 63; 64; 78–81.

Далее кривая численности плавно идет вверх вплоть до первых чисел июня. Скорее всего, активная выдача членских билетов была связана с подготовкой июньской демонстрации. Возможно, таким способом проводился учет сил большевиков. «Солдатская правда» 2 июня 1917 г. вышла с обращением «немедленно приступить к организации коллективов во всех частях Петроградского округа»¹⁴.

К 9 июня был зарегистрирован партийный билет за номером 1137, то есть вся организация к началу июня насчитывала более тысячи членов. За следующую неделю в «военку» влилось сразу более 200 человек. 10 июня во 2-й Балтийский флотский экипаж было передано 20 билетов, 11 июня – 100 билетов для 2-го пулеметного полка, 14 билетов взял для 1 автороты солдат А. Попов. 14 июня лидер ячейки 1-го запасного пехотного полка В. В. Сахаров получил для своей части 30 билетов, а 15 июня в 1-й пулеметный полк отправлено сразу 150. Судя по всему, не все билеты удалось реализовать. Девять дней спустя, произошло сравнимое увеличение численности.

Если мы сопоставим данные, которые были названы на II Петроградской общегородской конференции большевиков 1 июля (1829)¹⁵ с номером последнего партбилета из отложившихся в фондах от 4 июля (1916), можно констатировать, что источники могут взаимно дополнять друг друга.

К сожалению, подобным источником нельзя воспользоваться для периода, последовавшего за Июльскими событиями. Военная организация прекратила выпуск билетов вплоть до октября. Однако за 3 и 4 октября в фонде отложилось около ста билетов, подписанных лично Н. И. Подвойским. 20 октября датирован билет за номером 458, но сложно сказать насколько этот факт отражает реальное количество членов Военной организации накануне Октябрьского переворота. Определенное подтверждение правдоподобности такого малого числа можно найти в мемуарах Л. Д. Троцкого: «Она [Военная организация – *К.Т.*] включала в свой состав в численном отношении лишь очень незначительную часть Петроградского гарнизона, – всего несколько сот человек. Но в их среде было много решительных и беззаветно преданных революции солдат и молодых офицеров, преимущественно прапорщиков, прошедших в июле и августе чрез тюрьмы Керенского»¹⁶. Интересно, что за

¹⁴ Солдатская правда. 1917. 2 июня.

¹⁵ Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.; Л., 1927. С. 21.

¹⁶ Троцкий Л. Д. Октябрьская революция. Брошюра 1918 г. // Сочинения. Т. 3. Ч. 2. М.; Л., 1925. С. 47.

период с 25 октября 1917 г. до января 1918 г. общее количество выданных билетов едва перевалило за 1200. С другой стороны, задача объединить всех солдат в партии не ставилась. Н. И. Подвойский, выступая на заседании Военной организации 26 декабря, призывал: «Перед нами стоит задача – не получения большого числа голосов, а иметь сознательное число товарищей, чтобы не вносить никакой дезорганизации»¹⁷.

Внимание исследователей к деятельности Военной организации обычно завершается образованием Военно-революционного комитета. Это обусловлено тем, что, во-первых, многие члены руководящего органа «военки» возглавили и ВРК, и, во-вторых, исследования о Революции 1917 года крайне редко затрагивают период после Октябрьского переворота, оставляя его историкам Гражданской войны. Не имея достаточно места для представления полной картины последнего периода деятельности Военной организации, кратко охарактеризуем некоторые важные его моменты.

Прежде всего, с переходом многих активных членов Военной организации в ВРК «партийное строительство» не могло не замедлиться. Внепартийный орган смог объединить совершенно разные силы, но вскоре сказались недостатки такого решения. В ряде воспоминаний содержится указание на то, как затруднилась работа в ячейках Военной организации. А. Я. Чечковский указывал, что в его батальоне после ухода группы большевиков в ВРК влияние партии сильно ослабло¹⁸. В этой ситуации, по воспоминаниям пулеметчика А. Я. Полякова, Военная организация проводила «работу по укреплению воинских частей партпрослойкой», принимая в партию большевиков солдат и матросов проявивших себя в день переворота¹⁹.

Есть указания на то, что вскоре после Октябрьского переворота основная деятельность Военной организации была переориентирована на деревню. Опыт работы с «крестьянами в серых шинелях», видимо, был более полезен в этой области при подготовке к выборам в Учредительное собрание. В этих условиях был налажен выпуск крестьянской газеты «Деревенская беднота». В фонде «военки» хранятся документы, свидетельствующие о том, что была развернута серьезная деятельность по направлению демобилизованных солдат в деревню для агитации²⁰. Об этом вспоминал и член Военной организа-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1732. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 2104. Л. 2

²⁰ РГАСПИ. Ф. 464. Д. 19.

ции В. И. Невский: «Военная организация была теперь только подсобным органом для комиссариата [по военным делам – *К.Т.*]. Поэтому теперь и задачи ее изменились: с одной стороны, вместо прежних боевых задач – укрепление нового военного органа путем пропаганды на страницах возродившейся “Солдатской правды”, а с другой – подготовка расходящихся по домам солдат к предстоящей аграрной революции в деревне... вместе с тем организация пытается поставить и первые крестьянские ячейки»²¹. Вскоре и сам В. И. Невский был переведен на работу в отдел ЦК РКП(б) по работе в деревне.

Считается, что Военные организации большевиков были ликвидированы решением VII съезда партии. Здесь выступил Я. М. Свердлов с предложением «уничтожения специальных военных организаций», однако решения по этому вопросу не выносились²². Вопрос был решен самостоятельно ЦК большевиков 15 марта 1918 г.: «Всероссийское бюро военных организаций при ЦК ликвидировать. Все сродства газеты, издательство и проч. передаются в кассу ЦК»²³. Через четыре дня уже в Москве члены Центрального бюро Военных организаций собрались, чтобы принять решение о ликвидации Военной организации²⁴.

Эта статья не претендует на то, чтобы ответить на призыв П. А. Голуба почти тридцатилетней давности. Однако необходимо вновь обратить внимание на то, что многие проблемы истории Революции 1917 г., даже те, которые представляются изученными окончательно, требуют проверки и переосмысления. Отказавшись от некоторых перегибов в изучении революции, допущенных рядом историков советского периода, современная историография зачастую отказывается и от достижений исследований того времени.

Военная организация большевиков, на многие годы забытая историками, представляет собой важный политический фактор революции. Игнорирование этого фактора огрубляет причины прихода большевиков к власти. Нельзя ограничиваться лишь констатацией симпатий солдат к большевикам, исходя из лозунга о немедленном мире. Обозначенные в статье сюжеты свидетельствуют, что, и борьба за влияние в полках, и внутрипартийная тактика являлись сложными процессами, которые не укладываются ни в концепцию «партии-авангарда», ни в идею о «большевистском бланкизме».

²¹ Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 43.

²² 7-й экстренный съезд РКП(б) (март 1918 года): Стенографический отчет. М., 1962. С. 4.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 1–2.

²⁴ Деревенская беднота. 1918. 19 марта.

А. В. Зотова

ПЕТРОГРАДСКИЕ ФИНАНСЫ В 1917 г.

К 1917 г. финансовая система Петрограда, несмотря на войну, находилась едва ли не на пике своего развития. Финансовые и экономические показатели кредитных учреждений свидетельствуют о том, что с каждым годом, начиная с 1912 г., они стремительно росли. Ни один из экономических экспертов или сотрудников финансовых институтов того времени не прогнозировал крах петроградских финансов. Банки и иные кредитные учреждения вкладывали средства в развитие торговли, промышленности, производства, науки, образования и культуры города, платили высокие дивиденды своим вкладчикам и членам, активно занимались благотворительностью. Особую роль в развитии петроградской финансовой системы сыграли общества взаимного кредита (ОВК). Их деятельность была сопоставима и даже превосходила по своей значимости деятельность банков Петрограда.

В 1917 г. в Петрограде успешно работали около сорока обществ взаимного кредита: Петроградское ОВК, Петроградское ОВК уездного земства, Второе петроградское ОВК, Третье петроградское ОВК, Четвертое петроградское ОВК, Пятое петроградское ОВК, Городское ОВК в Петрограде, ОВК деятелей печатного дела, Коломенское ОВК в Петрограде, Петровское ОВК (на Петроградской стороне), Петроградское ОВК мелкого кредита, ОВК Калашниковской хлебной биржи, Василеостровское ОВК, Русское торгово-промышленное ОВК, Охтенское ОВК, Русское ОВК, ОВК торговцев Апраксина двора и Сенной площади, Учетно-ссудное ОВК, Железнодорожное ОВК в Петрограде, Северное ОВК, Невское ОВК, Торговое ОВК в Петрограде, ОВК при Петроградской фруктовой, чайной, винной и рыбной бирже, Петроградское коммерческое ОВК, Петроградское ОВК лесопромышленников, ОВК петроградских ремесленников, Петроградское купеческое ОВК, Пригородное ОВК в Петрограде, Лесновское ОВК (в районе Лесного). Петроградские органы государственной власти решили также поддержать иногородние и иностранные кредитные учреждения и создали все условия для их адаптации в условиях города. В связи с этим в 1917 г. финансовая система города пополнилась такими обществами взаимного кредита, как Рижское третье ОВК, Северное ОВК в Риге, Латышское ОВК, Лифляндское второе ОВК, Ссудо-

сберегательное товарищество рижских ремесленников, Либавское ОВК, Крейцбургское ОВК. Те учреждения были эвакуированы в результате войны¹.

Общества взаимного кредита не только осуществляли различные финансовые проекты, но и активно поддерживали своих служащих и членов. Так, еще в 1915 г. были учреждены стипендии на обучение их детям. 23 февраля 1917 г. было выделено две стипендии им. И. Я. Макарова наиболее нуждавшимся и одаренным детям служащих².

В Петрограде на протяжении многих десятилетий вплоть до 1917 г. флагманами ОВК всей страны были Первое Петроградское ОВК и ОВК Петроградского уездного земства. Они сохраняли лидерство по всем показателям экономической деятельности. Более того, они продолжали оставаться законодателями новых веяний в сфере кредитной кооперации. Это проявилось, в частности, во введении таких новшеств, как строительство специальных зданий, спроектированных для специфических нужд банков (прежде обычной практикой было переоборудование обычных домов под кредитные учреждения), создание пенсионных касс для служащих ОВК, создание стипендиальных фондов для обучения детей служащих. Прежде социальная составляющая в условиях кредитных учреждений не развивалась. На рубеже веков она не только стала развиваться, но и стала одним из главных элементов деятельности обществ взаимного кредита, делая их необычайно привлекательными для представителей различных социальных групп. Более того, общества взаимного кредита очень быстро стали лидерами кредитных учреждений в использовании самых передовых технологий сбережения и преумножения денежных средств и иных материальных ценностей. Это выразилось, например, в том, что впервые в российской экономической практике ОВК начали использовать гранитные кладовые с безопасными ящиками хранения, что надежно как никогда оберегало имущество частных лиц и организаций как стихийных бедствий (пожары, наводнения), так и от попыток вторжения грабителей.

¹ Русаков В. М. Русские банки в 1916 году: Полн. перечень городов и селений, в которых находятся кредит. учреждения и нотариусы к 1 янв. 1916 г. и с указанием местностей, в которые эвакуированы по воен. обстоятельствам те или другие банки и о-ва взаим. кредита: (С прил. главнейших законов об акц. банках, о-вах взаим. кредита, гор. банках... и о промысл. налоге). Пг.: Ком. съезда представителей банков коммерч. кредита, 1915. С. 129.

² Отчет о действиях Петроградского общества взаимного кредита за 1916 (53 отчетный) год. Пг.: тип. А. Бенке, 1917. С. 107.

1 января 1917 г. в Первом ОВК Петрограда состояло 8089 членов с капиталом на общую сумму 3 704 060 руб.³ Сумма баланса дошла до рекордной отметки – 75 614 154 руб. 28 коп.⁴ Примерно такая же тенденция наблюдалась и в других финансовых учреждениях. К примеру, в Третьем обществе взаимного кредита (ОВК «Дешевый кредит»), открывшем свои действия в конце XIX в. в Санкт-Петербурге⁵, сумма баланса все время росла и в 1916 г. составила 30 324 431 руб. 36 коп.⁶, а в 1917 г. составила 52 299 803 руб. 63 коп.⁷ Процентная ставка по дивидендам достигла 9%. Правление общества отметило, что оно в течение нескольких лет выделяло ссуды застройщикам города и обществу удалось за этот период создать реальных ценностей в Петрограде на несколько десятков миллионов рублей.

Количество членов, их капиталы и сумма баланса говорят о том, что никто не подозревал о закрытии общества. Несмотря на военные события, оно продолжало успешно развиваться и приносить пользу экономике страны.

В Петрограде в начале XX века работали две хлебные биржи. Одна располагалась при фондовой бирже и обслуживала заграничные рынки, вторая находилась на Калашниковском пр. и обслуживала Петроград, его округ и Финляндию. В последней бирже состояло 300 членов. Еще большее развитие биржа получила благодаря открытию при ней котировального комитета, экспертизы, арбитражной комиссии и трех кредитных учреждений⁸. Одним из кредитных учреждений, которое обслуживало денежные операции продавцов и покупателей, было Общество взаимного кредита Калашниковской хлебной биржи г. Петрограда. Помещение общества располагалось на Полтавской ул., 12, в здании Биржи. Еще в 1913 г. количество членов общества составило 902 человека, а баланс – 5 639 067 руб. 62 коп.⁹ С каждым годом все финансовые

³ Там же. С. 6.

⁴ Баланс Петроградского общества взаимного кредита // Банковая и торговая газета. 1917. 22 июня.

⁵ Голубев А. К. Русские банки: справ. и стат. сведения о всех действующих в России гос., част. и обществ. Кредит. учреждениях: К кн. прилагается «Стенная таблица» с перечнем городов, в коих находятся кредит. учреждения или их отд. Год 1. СПб.: Ком. съезда представителей банков коммерч. кредита, 1896. С. 62.

⁶ Баланс Второго Петроградского общества взаимного кредита на 1-е февраля 1916 г. // Там же. 1916. февр.

⁷ Баланс Второго Петроградского общества взаимного кредита на 1-е апреля 1917 г. // Там же. 1917. 11 мая.

⁸ Калашниковская хлебная биржа // Банковая и торговая газета. 1902. 30 ноября.

⁹ Баланс общества взаимного кредита Калашниковской хлебной биржи города Санкт-Петербурга // Банковая и торговая газета. 1913. Январь.

показатели общества росли. Дивиденд выплачивался в размере 6 %¹⁰. К 1 января 1917 г. баланс составил 13 032 479 руб. 87 коп.¹¹

Также высокие финансовые показатели развития в 1917 г. были у Колесенского, Охтенского, Невского, Столичного и Петроградского ОВК.

Общества взаимного кредита Петрограда пытались надежно обеспечить свое будущее. В связи с этим, 14 марта 1917 г. представители петроградских ОВК во главе с председателем Центрального банка ОВК А. И. Макушиным передали министру финансов от обществ взаимного кредита 100 000 руб. в пользу борцов за свободную Россию. Министр финансов заверил депутацию, что является сторонником расширения прав и возможностей ОВК¹².

Обсуждался еще один проект создания областных банков ОВК. Суть его заключалась в том, что все общества в определенном регионе должны были страховать друг друга, и если какое-либо общество было на грани банкротства, областной банк, то есть, по сути, областной союз, мог его спасти¹³.

В Петрограде при Центральном банке ОВК работала комиссия при участии членов Государственной Думы В. А. Маклакова, Н. М. Фридмана, А. И. Залита по вопросу о благоустройстве эвакуированных ОВК¹⁴.

3 марта 1916 г. Центральный банк ОВК предложил всем ОВК отчислить 5 % чистой прибыли за 1915 г. для выдачи пособий ОВК, пострадавшим от военных действий. ЦБ ОВК заверил, что денежные средства на пособия потом будут возвращены в особый резерв союзного капитала ЦБ ОВК, а потом с 1917 г. деньги будут направлены на поддержку нуждающихся обществ¹⁵.

Таким образом, ни одно из открытых с 1864 г. по 1917 г., обществ взаимного кредита не было по каким-либо причинам закрыто. Все они проявили себя очень надежными и гибкими финансовыми учреждениями. Основанием для их закрытия послужили не просчеты в финансовой политике, а политика власти Советов в 1917 г.

¹⁰ Баланс общества взаимного кредита Калашниковской хлебной биржи гор. Санкт-Петербурга к 1-му апр. 1913 года // Банковая и торговая газета. 1913. Март.

¹¹ Состояние счетов общества взаимного кредита Калашниковской хлебной биржи гор. Петрограда к 1-му января 1917 г. // Там же. 1917. 2 февраля.

¹² Представители взаимного кредита у министра финансов // Финансовая газета. 1917. 15 марта.

¹³ Рудов Н.. За и против Областных банков. (Из писем в редакцию) // Промышленность и взаимный кредит. № 1. 1914. С. 14–16.

¹⁴ Обязательства эвакуированных кредитных учреждений // Финансовая газета. 1916. 13 января.

¹⁵ Помощь обществам взаимного кредита // Финансовая газета. 1916. 3 марта.

А. С. ПУЧЕНКОВ

**В. В. ШУЛЬГИН И ГАЗЕТА «КИЕВЛЯНИН»
В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(МАРТ 1917 – ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

К 1917 г. «Киевлянин» был одной из крупнейших и влиятельнейших газет Юго-Западного края. Редактором этой газеты с 1913 г. был видный политик своего времени Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), он же был автором большинства передовых статей «Киевлянина». Шульгин принял активное участие в Февральской революции, был членом Временного Комитета Государственной Думы. Ему же было суждено и принять текст отречения от престола из рук императора Николая II, а на следующий день присутствовать при отказе от принятия престола Государства Российского брата отрекшегося царя великого князя Михаила Александровича¹. Стоявший у истоков новой власти – Временного правительства – Шульгин не получил никаких официальных постов, сосредоточившись преимущественно на публицистической работе. В течение всех семи месяцев пребывания у власти Временного правительства Шульгин-публицист на страницах «Киевлянина» высказывал свою позицию по всем важнейшим событиям политической жизни: о кризисах Временного Правительства, возможности восстановления монархии и судьбе Романовых, деле Корнилова, природе большевизма и происхождению украинского сепаратизма... Несомненно, что Шульгин был не только самой известной в России фигурой в составе редакции «Киевлянина», но и одним из лучших журналистов своего времени.

Резонансной была статья Шульгина «Цари ушли», посвященная падению монархии. «Мысль отказывается охватить значение переживаемых событий. – Писал Шульгин читателям «Киевлянина». – Произошел неслыханный в истории человечества переворот – нечто сказочное, невероятное, невозможное. В течение двадцати четырех часов два государя отказались от престола. Династия Романовых, простояв триста лет во главе Государства Российского, сложила с себя власть, и, по роковому стечению обстоятельств,

¹ Подробнее см.: Пученков А. С. В. В. Шульгин и падение монархии в России // Величие и язвы Российской Империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 399–410.

— первый и последний Царь этого рода носил одно и то же имя. Нечто глубоко мистическое в этом странном совпадении. Триста лет тому назад Михаил, первый русский Царь из Дома Романовых, вступил на престол, когда, раздираемая страшной смутой, Россия вся загорелась одним общим стремлением: — «Нужен Царь!» Михаилу же, последнему Царю — через триста лет пришлось услышать, как взбаламученные народные массы подняли к нему грозный крик: — «Не хотим Царя!»

И вот Цари ушли, призывая всех русских граждан подчиниться временному правительству, вступившему им на смену. Они ушли. Но что с нами? Что с Россией? Какой образ правления наступит? Не будем об этом говорить. Тяжкий молот судьбы потребовал проверки государственного устройства России, и пусть эта проверка в этом будущем учредительном собрании, которого требуют. А сейчас не будем задумываться над всем этим и временно признаем эту власть, что образовалась из сердцевины Государственной Думы. Другого выхода нет. Враг стоит у ворот России. Без власти, которой мы захотим подчиниться добровольно, с полным разумением того, что мы делаем, подчиниться искренно, до конца, — нам не спасти Россию от разгрома. Пусть все это необычно. Пусть все это страшно, оглушительно — ново. Не место удивляться. Не место пожимать плечами, когда величайшая страна, когда наша Родина на краю бездны. Если мы не за страх, а за совесть пойдем все вместе и мощно поддержим эту горсточку людей из Таврического дворца, которые имели мужество принять на себя страшное бремя, мы не только не спасем Россию — мы победим. Ничто не потеряно, ничто не разрушено из всего того, что необходимо для войны. Наоборот, мы приобрели то, чего нам не хватало: во главе России стоят теперь люди, которые ее любят»². Как видим, отношение к революции здесь вполне лояльное, примирительное. В те дни В. В. Шульгин считал, что русская революция — это «великое дело», так как именно в революции выразилось все «благородство и великодушные русской души»³. Не возражал Шульгин и против ареста бывшего императора Николая II и его семьи, считая, что эта мера «имеет целью с одной стороны прекратить толки о возможности реставрации, а с другой охранить бывшего Царя и его супругу от эксцессов»⁴. В первые месяцы после победы Февральской революции Шульгин пишет: «Часто меня спрашивают: «Вы монархист

² Киевлянин. 1917. 5 марта.

³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 11 марта.

⁴ Там же.

или республиканец?» Я отвечаю: «Я — за победителей». Далее Шульгин обосновывал мысль о том, что победа в мировой войне приведет к установлению в России республики, «а монархия может возродиться только после ужасов поражения». «При таких условиях, — резюмировал В. В. Шульгин, — получается странное сочетание, когда искреннейшим монархистам, по всем склонностям и симпатиям, приходится молить Бога, чтобы у нас была республика»⁵. «Не все ли мне равно, будет ли Россия монархией или республикой, если в Киеве будет сидеть австрийский принц?» — вопрошал В. В. Шульгин читателей «Киевлянина»⁶. На частном заседании членов Государственной Думы 4 мая 1917, посвященном внешней политике России, В. В. Шульгин говорил, что лично он считает, что «для России республика есть какой-то сон», но «сейчас мы имеем фактически республиканское правительство. И я говорю, что если это республиканское правительство спасет Россию, я стану республиканцем»⁷.

Ради достижения победы в войне Шульгин выражал готовность пожертвовать даже монархией. Однако, вера в победу, одержанную при помощи революции, была у Василия Витальевича недолго. Шульгин проводил четкое разграничение между революцией номер один — революцией за Россию и революцией номер два — революцией за Германию. Последняя, по мнению Шульгина, подменила первую революцию второй и толкает страну к разжиганию гражданской войны и инстинктов классового эгоизма. Борьбу с «революцией номер два» Шульгин считал своим долгом, «и если это называется контрреволюцией, то мы ее делали и делать будем»⁸. Свое обещание Василий Витальевич сдержал.

Участие В. В. Шульгина в приеме отречения у двух императоров, его деятельность как комиссара ВКГД не изменила его отношение к революции. Шульгин органически не переносил самого вида революционной толпы, сам факт участия народа в политической жизни казался Василию Витальевичу абсурдом. В своей статье «Пусти, я сам!» в еженедельнике «Русская свобода», редактируемом П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым и другими видными представителями русской культуры, Шульгин писал: «Когда о Константинополе и

⁵ Киевлянин. 1917. 16 апреля.

⁶ Киевлянин. 1917. 9 мая.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 22. Материалы частного совещания членов Государственной Думы от 4 мая 1917, касающиеся внешней политики России. Л. 26.

⁸ Киевлянин. 1917. 21 мая.

проливах рассуждают люди, никогда в глаза не видевшие географической карты, а таких в Российской державе шестьдесят процентов; когда о международных договорах говорят неграмотные в буквальном, а не переносном смысле этого слова; когда об исторических задачах трактуют ученые, которые из истории России знают только то, что отрекшийся император назывался Николаем и что при нем был «Старый прижим»; когда о государственном устройстве распространяются грамотеи, которые, на худой конец, допускают «республику с царем», – то чем это отличается от того положения, когда самого плохонького скрипача будет обучать игре на скрипке субъект, который не уверен, чем надо водить по струнам: волосом или деревом... Я видел одного маленького мальчика, который любил хвататься за непосильные для него дела и кричал при этом: «Пусти, я сам». Доказать ему, что он не может сделать «сам» нельзя было. Но когда он «сам» убеждался, что дело ему не по силам, он начинал плакать и тогда хныкал: «Ах, я же не могу». Сейчас русский народ подобен этому ребенку. Ему долго не давали ничего делать, и вот, получив свободу, он за все хватается и кричит: «Пусти, я сам». Он «сам» хочет решать вопросы войны и мира в каждой роте и полку, он «сам» хочет править, понимая под этим, что каждая улица имеет право сместить всероссийского министра, он «сам» хочет казнить воров и убийц собственными руками»⁹. Все же В. В. Шульгин выражал надежду, что скоро «среди бед и разрушений народ горько заплачет и скажет: «Ах, я же не могу»¹⁰. Свобода, вседозволенность на фоне растущего разложения армии вызывали у Василия Витальевича серьезную обеспокоенность: «Ужели русская свобода принесет нам немецкое рабство?» – вопрошал Шульгин читателей «Киевлянина»¹¹.

С самого начала В. В. Шульгин активно выступал в печати против установившегося двоевластия¹², поскольку, как полагал Василий Витальевич, «Существование двух правительств в одном государстве это такая нелепость, которой даже Россия не может себе позволить»¹³. Особенно ярко и талантливо это прозвучало у него в его выступлении 27 апреля 1917 года на торже-

⁹ Шульгин В. «Пусти, я сам!» // Русская свобода. Еженедельник. № 7. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Киевлянин. 1917. 9 марта.

¹² «Совет рабочих и солдатских депутатов или должен сделать новый переворот – свергнуть временное правительство и стать на его место, или же предоставить правительству быть правительством», – писал В. В. Шульгин (Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 29 марта).

¹³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 31 марта.

венном заседании депутатов Государственной Думы всех четырех созывов. В этой речи, которую меньшевик Н. Н. Суханов охарактеризовал как «крик души»¹⁴, Шульгин первый из выступавших обратил внимание на то, что прошло ровно 2 месяца с тех пор, как в России произошел переворот. «И я не могу скрыть, что тяжкие сомнения обуревают многих. За эти два месяца большие завоевания получила Россия, получили различные народы, ее населяющие, но является и другая мысль, являются опасения и того, не заработала ли на этих двух месяцах и Германия? (голос: очень много). Мы видим, нам кажется порой, что наше военное положение сильно ухудшилось. Когда присматриваешься к тому, стараешься объяснить, отчего это происходит, добросовестно вдумываешься в это, то первое, на мой взгляд, по крайней мере, что бросается в глаза, это то, что то правительство, которое занимает сейчас скамьи перед нами, то правительство, которое мы считаем честным и даровитым, то правительство, которое мы хотели бы видеть облеченным всею полнотою власти, на самом деле ею не облечено, потому что оно, так сказать, взято под подозрение. Оно находится, конечно, не в том положении, как старая власть, которая сидит в Петропавловской крепости, но, я бы сказал, оно как бы сидит под домашним арестом. (Голоса: верно). К нему в некотором роде как бы поставлен часовой, которому сказано: «Видишь, они буржуи! А потому зорко смотри за ними и, в случае чего, — знай службу!»...правильно ли вы, гг., поступаете, когда ставите часового около этого правительства? Не лучше ли поискать других способов контроля»¹⁵. По аналогии со знаменитой речью П. Н. Милюкова, направленной против Б. В. Штюрмера («глупость или измена?») Шульгин проводил параллели между политикой правительства Николая II и политикой советов: «когда ... говорят: вы накануне того, чтобы рассориться с союзниками, у вас нет армии, у вас нет хлеба, а потому заключайте мир во что бы то ни стало, — вот это измена»¹⁶.

Все помыслы В. В. Шульгина в те дни были подчинены одной цели: удержанию России в войне, сохранение боеспособности ее армии. Ради этого Шульгин был готов поступиться и своими интересами, и своими политическими предпочтениями. Сам В. В. Шульгин писал позднее, что «Нашу тогдашнюю психологию ярко выразил Родзянко, председатель Государствен-

¹⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 2. Кн. 3—4. М., 1991. С. 136.

¹⁵ Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов 27 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 22.

ной Думы, в формуле РСРС: – Рубашку снимите, Россию спасите!»¹⁷. Шульгин говорил о том, что «если действительно она [социалистическая демократия. – А. П.] берется за спасение России, то буржуазия ей удара в спину не нанесет»¹⁸. Василий Витальевич отдавал себе отчет, что «если эта социалистическая демократия сейчас выведет Россию из этой страшной беды, она сделает такое дело, она выдержит такой экзамен, какого еще не было в истории мира. Ибо будет сделана проба социалистического государственного устройства. И я понимаю последствия и говорю: мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас. Мы об этом плакать не будем...»¹⁹.

Каково было отношение Василия Витальевича к А. Ф. Керенскому, признанному герою первых дней революции? Шульгин много писал о Керенском²⁰. В 1917 г. Шульгин поначалу очень надеялся на то, что Керенский «окажется Наполеоном», ибо в этом случае оппозиции в лице большевиков «не стоит бороться. Наполеон [имеется в виду А. Ф. Керенский. – А. П.] раздавит их, как былинку»²¹. В другой своей передовице редактор «Киевлянина» писал: «Мы спасаем Россию, которую Керенский называет “революцией”. И несмотря на разницу в терминологии нам с ним по пути. И поэтому всеми нашими силами и прежде всего безусловным повиновением мы должны способствовать даровитому и сильному человеку, который хочет спасти нашу родину, как бы он ее, родину, ни называл»²². В тот момент В. В. Шульгин выступал за сильную, неограниченную власть, считая сосредоточение всей власти в руках одного лица единственной возможностью удержать страну от распада, армию – от разложения, а Россию – от поражения в войне.

Конфликт между Керенским и Корниловым вызвал у Шульгина поначалу неоднозначную реакцию. В. В. Шульгин рассчитывал, что, возможно, провал мятежа «разбудит власть» и приведет к установлению настоящей военной диктатуры. В противном случае Россию «раздавит подлинный диктатор Вильгельм»²³. В то же время с самого начала для В. В. Шульгина было

¹⁷ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 9.

¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 22. Л. 26.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее см.: Пученков А. С. Александр Федорович Керенский в изображении Василия Витальевича Шульгина // Новый часовой. 2006. № 17–18. С. 254–257.

²¹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 21 мая.

²² Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 11 июля.

²³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 29 августа.

очевидно, что мотивы выступления Л. Г. Корнилова «были исключительно патриотического свойства»²⁴. Про поведение Керенского в дни корниловского выступления Шульгин говорил, что А. Ф. Керенский «продал душу сатане, назвав генерала Корнилова, честного слугу Родине, изменником»²⁵. Позднее В. В. Шульгин охарактеризовал период пребывания правительства А. Ф. Керенского у власти одним словом — «распущенность»²⁶. «Керенский, — по словам В. В. Шульгина, — умел только говорить»²⁷. Этого в то время было явно недостаточно. В то же время В. В. Шульгин даже в эмиграции не раскаивался в том, что буржуазия изначально сделала на А. Ф. Керенского ставку, утверждая, что «Другого ведь не было. Остальные еще меньше годились. Керенский был единственно возможным. И как бы там ни было, своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев...»²⁸. Изменение отношения Шульгина к А. Ф. Керенскому на протяжении 1917 года, а в особенности после корниловского мятежа, как нельзя лучше иллюстрирует снижение популярности Керенского в глазах буржуазии.

Фактически на этом политическая деятельность В. В. Шульгина в период Временного правительства закончилась. Правда, на состоявшемся в Москве совещании общественных деятелей В. В. Шульгин был избран представителем этого совещания в так называемый Предпарламент²⁹, но участвовать в нем отказался (как и М. В. Родзянко. — А. П.), поскольку считал «образование Совета Республики незаконным, так как до Учредительного Собрания Временное Правительство не имело права, по его мнению, провозглашать республиканский строй и потому не могло издавать постановления и о созыве Совета Республики»³⁰. В своих статьях Шульгин неоднократно высказывался и против узурпации Временным правительством прерогатив будущего Учредительного Собрания, которое одно и было полномочно, как полагал Василий Витальевич, решать вопрос о форме государственного устройства России³¹. 11 октября 1917 года в «Киевлянине» было опубликовано программное заявление В. В. Шульгина, провозглашавшее, в частности, следующее: «Бу-

²⁴ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 3 сентября.

²⁵ Шульгин В. Крики отчаяния // Киевлянин. 1918. 6 января.

²⁶ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 214.

²⁷ Он же. Русский Совет // Русская газета. Париж, 1924. 18 мая.

²⁸ Шульгин В. Керенский // Новое время. Белград, 1924. 9 марта.

²⁹ Во Временном правительстве // Речь. 1917. 29 сентября.

³⁰ Накануне открытия Совета республики // Речь. 1917. 7 октября.

³¹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 5 сентября.

дучи монархистом, я однако подчинюсь воле русского народа в том случае, если эта воля будет выражена сколько-нибудь непререкаемым способом...волей народа придется считать решения Учредительного собрания, если выборы пройдут без особых насилий. Но республику, установленную узурпаторским способом вопреки торжественным обещаниям, каждый волен признавать или нет, — я не признаю!»,— писал В. В. Шульгин³². Впрочем, сомневался В. В. Шульгин и в пользу созыва Учредительного Собрания. «Перед Россией в настоящее время одна задача: восстановить армию и кончить войну без позора и без измены. Может ли этому помочь Учредительное собрание?», — иронизировал В. В. Шульгин³³. Крушение Временного правительства Шульгин осенью 1917 года считал неизбежным, о чем неоднократно заявлял в печати. «Никакие ухищрения вправо, влево, «коалиционные», «однородные», под рукою Александра Федоровича или супротив его — ничего не помогут, пока не будет излечена самая болезнь, мозговое поветрие, массовый психоз, в котором мы пребываем», — утверждал Василий Витальевич³⁴.

Революция в России стала проводить линию на сепаратный мир с Германией, на предательство союзников. Это для В. В. Шульгина было неприемлемо. Как следствие, Шульгин занимает резко враждебную позицию к революции и со всем тем, что он считал ее проявлениями. Вместе с тем указанные моменты не мешали Шульгину более глубоко, чем другим представителям антибольшевистского лагеря, осмысливать причины, породившие революционный кризис. После падения Временного правительства Шульгин встал в ряды активных борцов с Советской властью, одним из первых записавшись в ряды Добровольческой армии, но этот сюжет уже выходит за рамки нашей статьи.

³² Заявление В. В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 11 октября.

³³ Передовая В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 15 октября.

³⁴ Передовая В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 23 сентября.

Р. В. Костюк

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Всемирно-историческое значение русской революции 1917 г. проявилось в самых разных последствиях и направлениях. В частности, в закреплении организационного и идейного размежевания в международном левом движении. А также в левых движениях отдельных стран, в частности, Франции. Очевидно, что раскол единой социалистической партии, окончательно происшедший во Франции в конце 1920 г., был предопределено во многом и внутренними причинами, многие из которых проявились даже в период, предшествовавший Октябрьской революции в России. В частности, речь идет о фрагментарности и сильных «центробежных» тенденциях в рабочем и социалистическом движении Французской Республики, о разном восприятии внутри Французской секции Рабочего Интернационала, СФИО, продолжения участия Франции в мировой войне, различных подходах отдельных фракций французского социализма к теории и практике диктатуры пролетариата, возможности сосуществования в одной партии революционных и реформистских сил.

И все-таки именно события в России, начавшиеся после Октябрьской революции, стали мощнейшим катализатором тех внутренних процессов внутри рабочего и социалистического движения Франции, которые в итоге привели к Турскому расколу 1920 г. На фоне российских событий «сугубо французское движение, выражавшееся в росте антивоенного и пацифистского движения, подъеме и радикализации профсоюзной активности, новых волнах забастовок со стороны шахтеров, металлистов, железнодорожников или работников почт, реакции народных масс на кризис, поучило совершенно новое измерение»¹.

Под воздействием Октябрьской революции во Франции резко усиливается стачечное движение. Массовый характер принимают акции в пользу скорейшего прекращения войны. Более того, воздействие русского опыта в 1918–1919 гг. приводит к попыткам появления советских форм самоуправления на отдельных, в том числе достаточно многочисленных по числу рабочих, предприятиях Франции. Резко увеличиваются ряды Всеобщей конфеде-

¹ Pourin J.-C. Communistes. La naissance d'un Parti. Paris, 1998. P. 21.

рации труда – ведущего профсоюзного центра Франции. На этом фоне происходит заметный приток сторонников в ряды СФИО. Если в конце 1918 г. численность СФИО составляла всего около 36 тысяч человек, то уже в 1919 г. в ее рядах было 133 тысяч, а в 1920 г. – свыше 178 тысяч членов². При этом значительная число «новых социалистов», на деле, вступала в СФИО под воздействием событий в Советской России, пополняя число сторонников революционного направления в партии.

До поры до времени, желая сохранить единство рядов социалистической партии, ее руководство пыталось занять весьма обтекаемую позицию в отношении Советской России. С одной стороны, уже с 1918 г. социалисты на своих национальных форумах заявляли, что «партия решительно осуждает действия официальной Франции и ее союзников в России, представляющие собой посягательство на права русского народа»³. Иными словами, СФИО осуждала участие Франции в интервенции против красной России, способствовала разворачиванию пролетарского движения солидарности с Советской Россией, считая, что социализм ни под каким предлогом не может содействовать планам русской контрреволюции. В то же время вплоть до Компьенского перемирия секция оставалась на позиции «национальной обороны».

В течение 1918 г. происходил процесс перехода руководства партии в руки социалистов-центристов и левых, которые откровенно выступали за поддержку Советской России. В то же время, в 1918 и 1919 гг., во Франции появилось множество коммунистических объединений, федераций и даже партий, активисты которых были ранее связаны с рабочим, профсоюзным и даже анархистским движениями; эти объединения еще более жестко солидаризировались с РСФСР и открыто одобрили провозглашение весной 1919 г. Коммунистического Интернационала. Но объективно роль левацкого направления в общественно-политической жизни Франции была невелика.

В то же время успехи большевиков в гражданской войне и борьбе против интервенции, образование Московского Интернационала содействовали дальнейшим процессам структурирования коммунистического направления в СФИО. С октября 1918 г. директором партийной газеты «Юманите» стал Марсель Кашен, не скрывавший симпатий по отношению к Советской России. На страницах «Юманите», равно как и иных партийных изданий, в

² Чернуха З. В. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976. С. 21.

³ Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. С. 178.

1919–1920 гг. заметно возросло количество материалов в поддержку большевиков и их политики.

В апреле 1919 г. на чрезвычайном съезде СФИО первый раз на всепартийном уровне обсуждался вопрос о присоединении к III Интернационалу. Большинство делегатов, тем не менее, поддержали проект социалистов-центристов о необходимости борьбы за «революционную реконструкцию» II Интернационала, но при этом высказались в пользу сохранения политических контактов с Коминтерном.

Однако чем дальше, тем больше в рядах СФИО усиливалась революционная тенденция. На проходившем в феврале 1920 г. в Страсбурге съезде СФИО делегаты принимают внушительным большинством решение покинуть II Интернационал как объединение, не оправдавшее надежд французских социалистов. Но на тот момент в СФИО самой сильной фракцией были еще «центристы», ориентировавшиеся на т. н. II 1/2 (левосоциалистический) Интернационал. В итоге резолюция левого крыла СФИО о вступлении в Коминтерн на форуме в Страсбурге получила 1621 голос против 3031⁴.

Тем временем, промосковские силы в СФИО продолжали агитационно-пропагандистское наступление в поддержку внутренней и внешней политики Советской России. Вот что писали в своей телеграмме однопартийцам Генеральный секретарь СФИО Луи Оскар Фроссар и М. Кашен, находясь по приглашению Коминтерна летом 1920 г. в Советской России: «Мы находимся в стране, в которой нет буржуазии и капиталистической эксплуатации. Единственным обладателем власти во всех областях экономики, политики, администрации, самоуправления и правосудия являются трудящиеся. Новые формы общественной жизни возникают у нас на глазах»⁵. Многие видные деятели левого, революционного фланга СФИО в своих статьях и выступлениях в 1919–1920 гг. подчеркивали универсальный исторический характер октябрьской революции и диктатуры пролетариата, установленной в России. Даже если они признавали, что отнюдь не все то, что происходит в России возможно применить в будущем во Франции, тем не менее, главной мыслью данных выступлений было подчеркнуть без сомнения позитивный характер революционного процесса в РСФСР. Уже вернувшись на родину, М. Кашен заявил: «Для старого социалиста, тридцать лет мечтавшего увидеть общест-

⁴ Pourin J.-C. Op. cit. P. 102.

⁵ L'Humanité. 1920, 21 juillet.

во, в котором труд, трудящиеся не подвергались бы эксплуатации, было большой радостью попасть в такую Россию, где власть, вся власть принадлежит трудовому народу»⁶.

Ученые-историки французского левого движения в своем большинстве убеждены, что именно поездка Фроссара и Кашена в Советскую Россию была переломным моментом во внутрипартийной дискуссии в рамках СФИО в отношении присоединения к Коминтерну. Лидеры СФИО присутствовали в Москве на втором конгрессе III интернационала. Как известно, конгресс принял жесткие условия для вступления в Интернационал («21 условие»), подразумевавшие, в частности, организационный разрыв с социал-реформистами, борьбу за диктатуру пролетариата, признание норм демократического централизма и т. д. Разумеется, Москва требовала также полной солидарности с Советской властью, ее внутренней и внешней политикой. И, надо сказать, революционные круги в левом движении Франции уже в 1920 г. безоговорочно поддерживали внешнюю политику Советской России, что проявилось, в частности, в месяцы советско-польской войны, когда промосковские силы в СФИО однозначно обвиняли Варшаву и стоящие за нею империалистические державы (в частности и правительство собственной страны) в провоцировании и организации военных действий.

В итоге, движение СФИО в сторону Коминтерна приняло необратимый характер. Это объяснимо и в связи с тем, что основная масса вступивших в 1920 г. в ряды соцпартии членов исповедовала революционные, коммунистические взгляды. В итоге состоявшийся в конце 1920 г. в Туре съезд СФИО стал «съездом раскола»⁷. Более двух третей делегатов (3252 мандата) проголосовали за резолюцию о вхождении «Московский Интернационал»⁷. На базе большинства была сразу же образована Французская коммунистическая партия, во главе которой был избран Л. О. Фроссар. Новорожденная партия на долгие десятилетия связала себя тотальной солидарностью с внутренней политикой советских коммунистов и внешней политикой Москвы. Коммунисты Франции верили в то, что «развивающаяся революция, родившаяся в России, постепенно охватит все государства и континенты и поднимет на борьбу миллионы и миллионы стойких бойцов»⁸. Так или иначе, родилась партия,

⁶ Ibid. 1920, 14 août.

⁷ Чернуха З. В. Указ. соч. С. 100.

⁸ Дюкло Ж. Указ. соч. С. 366.

которая вплоть до крушения СССР оставалась главным и искренним союзником Москвы во Франции.

Но Турский съезд, как я уже отметил, был и съездом раскола. Большая часть социалистов-центристов и, тем более, те, кто принадлежал к правому флангу СФИО, отказались идти за большинством делегатов. Они сохранили прежнее название партии, СФИО, приняли решение о вступлении во II 1/2 Интернационала, а в 1921 г. СФИО примкнула к объединенному Социалистическому рабочему Интернационалу, объединившему международное социал-демократическое движение. И не последнюю роль в организационном расколе французского левого движения сыграл именно вопрос об отношении к происходящему в России, к внутренней и внешней политике Советской власти.

Следует сказать о том, что наиболее критично к Октябрьской революции внутри левого движения Франции отнеслись те, кто до 1918 г. занимал господствующие позиции в СФИО – правые социалисты (Альбер Тома, Жюль Гел и их сторонники). Будучи адептами линии участия Франции в мировой войне до победного конца, правые социалисты не смогли простить большевистскому правительству Советской России «измены» и выхода восточного союзника из войны. Кроме того, будучи идейными и политическими союзниками умеренных русских меньшевиков и эсеров, правые социалисты Франции соответствующим образом смотрели на события гражданской войны в России.

Умеренные социалисты осудили разгон Учредительного Собрания в начале 1918 г. В дальнейшем они всячески критиковали внутреннюю политику большевиков – и ее социально-экономическую составляющую, и характер отношения российских коммунистов с другими левыми партиями. Достаточно двусмысленной выглядела позиция умеренных социалистов в отношении политики официального Парижа к Советской России. На рубеже 10-х и 20-х гг. Леон Блюм, все более сдвигавшийся к правому центру СФИО, заявлял: «Мы по-прежнему верны диктатуре пролетариата... Но то, что мы видим в большевистской России, не дает основания делать вывод о том, что там установлена диктатура пролетариата»⁹. Правые в СФИО считали ошибочным следовать «советским путем», будучи убежденными в том, что для Франции и для других развитых западноевропейских стран эксперименты, подобные большевистскому, оказались бы пагубными.

⁹ Цит. по: SFIO. Lourdes annés. 1917–1920. Paris, 1992. P. 246.

Соответственно, с самого начала обсуждения вопроса о присоединении СФИО к III Интернационалу правые во французской социал-демократии заняли негативную позицию. По мнению умеренных социалистов, Коммунистический Интернационал является сверхцентрализованным политическим объединением, служащим, в первую очередь, интересам Москвы и русской революции. Но как раз в глазах умеренной части социалистов речь шла именно о «новом социализме», который, с их точки зрения, «основывается на глубоко ошибочных идеях, противоречащих важнейшим и неизменным принципам марксистского социализма»¹⁰. Отметим также, что в 1919–1920 гг. правые социалисты все время обвиняли Москву и Коминтерн в постоянном вмешательстве во внутренние дела французского левого движения.

Если говорить о социалистах-центристах, которые на короткий период (1918–1920) были ведущим направлением в руководстве СФИО, то их идейным и политическим лидером был Жан Лонге. Социалисты-центристы были за разрыв с социал-реформистским II Интернационалом, они действительно считали, что в общем и целом революция в России имеет прогрессивный характер и заявляли о солидарности с ней и даже о восхищении тем, как в России строится новое общество. Социалисты-центристы твердо осуждали участие Франции в интервенции против Советской России и поддерживали, нередко даже выступая в числе организаторов различные акции солидарности с российским пролетариатом. Ж. Лонге подчеркивал: «Русский опыт очень важен для всех. Его нельзя абсолютизировать и в то же время нельзя ниспровергнуть. На мой взгляд, главное, что является ценным, это то, что рабочий класс, рабочая партия достигли власти и открывается путь к новому, свободному от оков эксплуатации обществу»¹¹. Но все-таки солидарность по отношению к Советской России и ее политике не была тотальной. Так, в 1920 г. Ж. Лонге и его сторонники со страниц партийной печати выступали с рядом критических статей в отношении конкретных форм осуществления экономической политики русскими большевиками и фактов «политического оттирания» из Советов представителей некоммунистических партий.

Но все-таки главным камнем преткновения для большей части социалистов-центристов явилась жесткость условий приема в Коммунистический Интернационал. Полное подчинение национальной партии исполнительному

¹⁰ Салычев С. С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921–1940 гг. М., 1973. С. 22.

¹¹ L'Humanité. 1919. 28 juin.

органу международного Интернационала, жесткая и беспрекословная дисциплина, по-коммунистически понимаемый демократический централизм – все это лонгетисты принять так и не смогли, Они считали абсолютно неприемлемым перенос большевистских традиций и правил внутривнутрипартийной жизни на международное революционное движение. В итоге Ж. Лонге и основная часть его сторонников остались в «старом доме» СФИО.

Вообще, в завершение необходимо отметить, что Русская революция и последующие события в России оказали громадное воздействие не только на французское левое движение, но и на французское общество. Об этом свидетельствует такая выдержка из корреспонденции рабочего активиста, появившаяся в начале 1918 г. в газете «Юманите»: «В нашем городке все взбудоражены. Обсуждают происходящее в России повсюду – на заводах, на улице, на рынках. Случаются перепалки и даже драки. Рабочие слои приветствуют, буржуа резко осуждают, образованные горожане рассуждают...»¹²

¹² Ibid. 1918. 25 février.

А. В. ОСТРОВСКИЙ

О СТЕПЕНИ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

То, что в дореволюционной России существовало социальное неравенство, – это аксиома. Однако вопрос о степени социального расслоения до сих пор остается открытым.

Одна из немногих попыток ответить на него была сделана в книге Б. Н. Миронова «Благосостояние население и революции в имперской России», изданной в 2010 г. и поставившей под сомнение широко распространенные представления об обнищании основной массы населения дореволюционной России¹.

Обвинив кадета А. И. Шингарева, автора когда-то широко известной книги «Вымирающая деревня», в том, что он «сильно сгустил краски», Б. Н. Миронов пишет: «Разговоры о страданиях народа как факте повседневной жизни носили спекулятивный характер»².

Установив расчетным путем, что «доходы 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения в 1901–1904 гг. различались примерно в 5,8 раза»³, Б. Н. Миронов сделал два важных вывода: а) «децильный коэффициент» в России был «невысоким и социально безопасным»⁴ и б) «материальное неравенство» «не могло быть главным фактором» революционных событий в стране⁵.

Между тем положенные в основу этого утверждения расчеты вызывают возражения.

«Беднейших людей, – пишет Миронов, — следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоев населения, потому что у крестьян доходы ... в среднем равнялись 432 руб. на дворохозяина», в то время как «годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 рублей». «Доходы меньше, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолков, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и

¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 27–72.

² Там же. С. 672.

³ Там же. С. 657.

⁴ Там же. С. 659.

⁵ Там же. С. 660, 661, 692.

находившихся в заключении»⁶. Для последних им взят в расчет расход на содержание арестантов в размере 70 руб. в год.⁷

Трудно поверить, что историк, «имеющий специальную подготовку в области математической статистики»⁸, способный отличить коэффициент корреляции от коэффициента регрессии, не понимает, что даже с позиции «метода правдоподобия» так сравнивать нельзя: для крестьян брать доход на двор, а для рабочих и прислуги — на душу самостоятельного населения, «к которому в соответствии с принятыми в то время критериями» им «отнесены лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше»⁹

Чтобы понять, к чему ведет подобный «научный подход», следует учесть, что согласно используемым Мироновым данным, самостоятельное население России составляло около 60% населения страны, на среднюю семью приходилось примерно 6 человек¹⁰, на один двор — 3,6 человек самостоятельного населения. Разделим 432 на 3,6, и получим 120 руб. на душу самостоятельного населения. Это означает, что десятки миллионов крестьян, находившиеся за установленной Мироновым чертой бедности, были переведены им в разряд лиц со средним достатком.

Но и это не все.

Миронов забыл упомянуть, что 432 руб. — это валовой доход крестьянского хозяйства (деталь, хорошо ему известная¹¹), а значит, включает в себя производственные издержки. Если сделать поправку на них, «чистый доход» крестьянина опустится до 266 руб. на двор, до 33 руб. на душу всего населения и 55 руб. на душу самостоятельного населения¹², то есть ниже указанного Мироновым уровня нищих, бродяг и арестантов¹³.

В состав беднейшей части населения у Миронова не попали кустики, «ежегодный средний душевой заработок» которых Э. Э. Крузе определяла в

⁶ Там же. С. 655.

⁷ Там же. С. 656.

⁸ Миронов Б. Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 123.

⁹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 655.

¹⁰ Там же. С. 636, 655. См. также: Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 140

¹¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 326.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 655-656.

133 рубля¹⁴. Может быть, ее книга осталась вне поля зрения моего оппонента? Ничего подобного. Она упоминается им неоднократно¹⁵.

Приведенный показатель (133 руб.) был получен путем деления стоимости произведенной кустарями продукции на их численность¹⁶. Между тем, как явствует из таблицы VI.27 упоминаемой книги Миронова, средний семейный доход кустаря составлял 429 руб., что дает около 100 руб. на душу самостоятельного населения и 60 руб. на одного члена семьи. Если же из стоимости кустарных изделий вычесть производственные издержки, заработная плата кустарей опустится до 85 руб. на душу самостоятельного населения¹⁷.

Может быть, кустарей было меньше, чем нищих и бродяг? Ничего подобного. По некоторым нуждающимся, правда, в проверке и уточнении, данным, в начале XX века их насчитывалось от 5 до 15 млн.¹⁸, то есть вдвое больше той части общества, которую Миронов отнес к беднейшим слоям населения страны и в 30 раз больше нищих, бродяг и арестантов.

Вызывает удивление и даваемая Мироновым характеристика основной массы российской бедноты, которую, по его мнению, составляли примерно 7,3 млн. рабочих, получавшие в год от 123 до 214 рублей¹⁹. Судя по источникам, в их число были включены постоянные сельскохозяйственные рабочие, которых, по данным переписи 1897 г., насчитывалось 2,6 млн. человек²⁰. Между тем, как явствует из материалов «Комиссии центра», годовая плата постоянным сельскохозяйственным рабочим на хозяйских харчах составляла в 1870-е годы – 56,8 руб. в год, 1880-е – 62,3 руб. 1890-е – 61,8 рубля²¹. Если прибавить стоимость «харчей», которые в 1881–1891 гг. оценивались в 46 руб., получим не более 108 рублей. Но это касается только мужчин. Заработная плата женщин не достигала даже 80 руб. в год²².

¹⁴ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 199.

¹⁵ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 63, 64, 681, 813.

¹⁶ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 199; Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России. СПб., 1913. С. 3, 14.

¹⁷ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 325, 326.

¹⁸ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 199.

¹⁹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 656.

²⁰ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. VI.

²¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии. Ч. 1. С. 234–237.

²² Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892. С. 143.

Эти замечания были высказаны мною в 2011 г. на страницах журнала «Вопросы истории»²³.

Как отреагировал на них Б. Н. Миронов во втором издании своей книги (2012 г.)? Формально никак. Однако в понимании рассматриваемой им проблемы упомянутый автор сделал значительный шаг вперед.

Он признал некорректность проделанного им сопоставления доходов крестьян и других беднейших слоев населения и внес в свой первоначальный текст существенные коррективы. Сравните:

Первое издание	Второе издание
«Беднейших людей, – пишет Миронов, – следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоев населения, потому что у крестьян доходы ... в среднем равнялись 432 руб. на дворохозяина», в то время как «годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 рублей». «Доходы меньше, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолков, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находившихся в заключении» (С. 655)».	«Беднейших людей в позднеимперской России следует искать среди люмпенизированных слоев, прислуги и рабочих, потому что у крестьян доходы в среднем были выше, чем у пролетариев. По результатам обследования 1885–1901 гг. 278 крестьянских бюджетов, учитывающих не только денежные, но и натуральные доходы, их годовой доход по заниженной оценке в среднем равнялся 595 руб. на двор или около 178 руб. на работника, а за вычетом расходов на производственные нужды – примерно 150 руб. в ценах 1901–1904 гг.» (С. 599)

Что сразу же бросается в глаза? Исправление допущенной ошибки повлекло за собой сокращение доходов крестьянского населения почти в три раза (с 432 до 150 руб.), в результате чего они опустились ниже границы бедности – 214 руб., установленной в первом издании книги.

Однако переход крестьян из разряда лиц со средним достатком в разряд самой бедной части населения не состоялся, так во втором издании книги Б. Н. Миронов сделал поразительный шаг навстречу своим оппонентам – он понизил (правда, без всякого объяснения) порог бедности более чем в два раза: с 214 до 95 рублей²⁴.

²³ Островский А. В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 142.

²⁴ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. 2-е изд. С. 601.

Считая такой шаг приближением к истине и выражая удовлетворение по этому поводу, в то же время приходится констатировать, что и новый подход к этой проблеме вызывает вопросы.

В первую очередь это касается среднего дохода крестьянской семьи, который непонятным образом увеличился с 432 до 595 руб., т.е. на 163 руб. или же почти на 40%, хотя и в первом, и во втором изданиях при этом дана ссылка на один и тот же источник – Материалы комиссии центра 1901 г.²⁵

Объяснение этого заключается в том, что первоначально Б.Н. Мионов признавал репрезентативными данные всех 1717 бюджетов, которые приведены в названном издании, теперь же решил ограничиться только данными 268 из них. Но почему и как 84% бюджетов были отбракованы? Ответа на этот вопрос во втором издании нет.

В Материалах комиссии центра 1901 г. приведены следующие показатели бюджетных обследований по 7 губерниям: Саратовская – 1 хозяйство, Тверская – 1, Тульская – 6, Кубанская – 7, Херсонская – 126, Воронежская – 263, Калужская – 1313 хозяйств (1 – 325)²⁶. Причем по каждой губернии приведены только суммарные показатели. Откуда же взялась цифра 268?

Напрашивается предположение, что автор отдал предпочтение только бюджетам Воронежской губернии, согласно которым доход составлял 599 руб. Но это лишь версия.

Нет во втором издании книги объяснения и того, почему ее автор заменил прежний показатель – доход на душу самостоятельного населения, «к которому в соответствии с принятыми в то время критериями [им были] отнесены лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше»²⁷, показателем дохода на одного работника²⁸.

Нет во втором издании ответа и на вопрос, на основании чего автором была установлена средняя численность работников – 3,34 человека на крестьянскую семью. (595:178=3,34)?

Между тем, по данным переписи 1897 г., общая численность населения империи составляла 125 млн. чел., а к самостоятельному населению Б. Н. Мионовым первоначально было отнесено 77,8 млн. или же 62% всего населения.

²⁵ Там же. 1-е изд. С. 325; 2-е изд. С. 599, 670 (сноска 155).

²⁶ Там же. 1-е изд. С. 325.

²⁷ Там же. 1-е изд. С. 655.

²⁸ Там же. 2-е изд. С. 599.

Если взять средний состав семьи 6 человек²⁹, самостоятельное население можно определить в количестве 3,6 чел., если взять состав семьи на основании использованных Б. Н. Мироновым бюджетов, 8 человек³⁰, это даст 4,8 человек самостоятельного населения.

Разделим 595 руб. на первый показатель и получим 165 руб., разделим на второй получим 124 руб.

Но это общий или валовой доход, из которого следует вычесть ту часть производственных издержек, которая определяется понятием «постоянный капитал».

Проделав такую операцию, Б. Н. Миронов сократил крестьянский доход на одного работника с 178 руб. до 150 руб.³¹ Получается, что указанные производственные издержки составляли всего лишь 16% ($178-150=28:178$). Показатель сомнительный и ничем не обоснованный.

Если же обратиться к используемым Б. Н. Мироновым бюджетам, производственные расходы следует увеличить, как минимум, до 38%. Сделаем поправку на это, и показатель 178 руб. уменьшится до 110 руб., показатель 165 руб. сократится до 102 руб., показатель 124 руб. – до 77 руб.

Следовательно, и на этот раз Миронов завысил средний доход крестьянина (в полтора-два раза). Но тогда получается, что в первом случае (110 руб.) жизненный уровень крестьян был лишь на 12% выше нового порога бедности, во втором случае (102 руб.) – на 7%, в третьем (77 руб.) – на 19% ниже порога бедности:

Первое издание (С.656)		Второе издание (С.601)	
Социальные группы	Доход	Социальные группы	Доход
Фабрично-заводские рабочие	214	Промышленные рабочие (женщины и дети)	95
Прочие рабочие	200	С/х рабочие	65
Прислуга и поденщики	123	Поденщики и чернорабочие	74
Нищие бродяги, арестанты и пр.	70	Нищие, бродяги, призреваемые и пр.	55
Все беднейшее население	161	Все беднейшее население	77,7

²⁹ Там же. 1-е изд. С. 645, 655. См. также: Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 140.

³⁰ Миронов Б. Н. Благосостояние население и революции в имперской России. 1-е изд. С. 325.

³¹ Там же. 2-е изд. С. 599.

Взяв в первом издании в качестве черты бедности 214 руб., Б. Н. Миронов утверждал, что ниже 70 руб. (стоимость содержания арестантов) доход не опускался даже «у нищих бродяг, странников, богомоллов, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находящихся в заключении»³².

Во втором издании Б. Н. Миронов исключил из состава этой социальной группы заключенных и понизил ее доход до 55 руб.

Этим самым он признал, что в дореволюционной России были лица, которые жили хуже арестантов. Кроме нищих, бродяг и призреваемых в богадельнях, он счел необходимым отнести к ним сельскохозяйственных рабочих – 65 руб. К этому уровню, по его данным, приближалась заработная плата поденщиков и чернорабочих – 74 руб., а также заработная плата женщин и детей в промышленности – 95 руб.

Между тем если доход арестантов, нищих, бродяг и призреваемых в богадельнях – это доход на душу населения, то доход трех указанных категорий рабочих дан только на работников. Если же принять во внимание неработающих членов семей (как минимум, 32% населения), мы получим следующие данные – промышленные рабочие 59 руб., поденщики и чернорабочие – 46 руб., сельскохозяйственные рабочие – 41 руб. на душу населения.

Иначе говоря, фактически все четыре выделенные Б. Н. Мироновым группы самых беднейших людей страны имели на душу населения менее прожиточного минимума арестантов – 70 руб.

Много ли было таких лиц?

Первое издание (С.656)		Второе издание (С.601)	
Социальные группы	Тыс.чел.	Социальные группы	Тыс.чел.
Фабрично-заводские рабочие	804	Промышленные рабочие (женщины и дети)	3476
Прочие рабочие	3140	С/х рабочие	2995
Прислуга и поденщики	3332	Поденщики и чернорабочие	1232
Нищие бродяги, арестанты и пр.	457	Нищие, бродяги, призреваемые и пр.	787
Все беднейшее население	7733	Все беднейшее население	8490

В первом издании самая обездоленная часть российского общества, имевшая в год около 70 руб. на душу населения, составляла всего лишь 0,5 млн. чел. Беднее их в дореволюционной России не было никого. Если же исходить из но-

³² Там же. 1-е изд. С. 655–656.

вых данных, приведенным Б.Н. Мироновым во втором издании его книги, 8,5 млн. человек самостоятельного населения жили хуже арестантов.

В результате этого средний доход 10% самых бедных людей снизился с 161 до 78 руб., а общий доход с 1241922 тыс. руб.³³, до 659328,8 тыс. руб.³⁴

Можно было бы подумать, что в связи с этим децильный коэффициент увеличится с 5,8 ($934:161=5,6$) до 12,0 раз ($934:78=12,0$).

Однако откорректировав свои первоначальные данные о материальном положении самых бедных 10%, Б. Н. Миронов одновременно откорректировал и данные об имущественном состоянии самых богатых 10%: общее их количество увеличилось, а общий доход сократился с 7220 до 4186 млн. руб. (сравните таблицу XII.19, первое издание, и таблицу 12.20, второе издание).

Первое издание (С.657)				Второе издание (С.605)			
Группы, руб.	Доход, руб.	Лица тыс. чел.	Всего млн. руб.	Группы, руб.	Доход, руб.	Лица тыс. чел.	Всего, млн. руб.
Более 1000	6070	405	2456,5	Более 500	2130	809	1723,8
До 1000	650	7328	4763,5	До 500	320	7681	2461,7
Всего	934	7733	7220,0	Всего	493	8490	4185,5

На основании чего и как были составлены две названные таблицы, можно только предполагать³⁵. Судя по всему, в их основе лежат две публикации: «Города России в 1904 году. СПб., 1906. С.0453» и «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С.XXXV»³⁶.

Однако на указанных автором страницах этих изданий ни одной из содержащихся в таблице XII.19 цифр нет. По всей видимости, они были получены расчетным путем. Но тогда автор обязан был изложить методику расчетов. Особенно это касается лиц, имевших доход менее 1000 руб., так как в издании Министерства финансов «Опыт исчисления» сведения о таких лицах вообще отсутствуют.

Как был получен первый показатель общего дохода самой богатой части населения России – 7220 млн. руб. мы не знаем. Методика определения вто-

³³ Там же. 1-е изд. С. 656.

³⁴ Там же. 2-е изд. С. 601.

³⁵ Там же. 1-е изд. С. 657; 2 изд. С.605.

³⁶ Там же. 1-е изд. С. 656.

рого показателя – 4186 млн. руб. – сводится к следующему. Взяв за основу данные П. Грегори о чистом национальном продукте (12316 млн. руб.), автор вычел из него доход самой бедной части населения (659 млн. руб.) и определенный им доход 80% самостоятельного населения, занимающего среднее положение между крайними децильными группами (67,9 млн. чел., 7471 млн. руб.) и получил остаток – 4186 млн. руб.³⁷.

В общем, подобная методика вполне допустима.

Но, увлекшись проблемой децильного коэффициента, Б. Н. Миронов не придавал значения тому, что в результате его расчетов средний доход 80% населения, находящегося между двумя крайними децильными группами опустился до 110 руб. на душу самостоятельного и ниже 70 рублей (т.е. ниже содержания арестанта) на душу всего населения³⁸.

Из этого вытекают два принципиально важных вывода.

Получается, что а) в первом издании книги уровень жизни 90% населения страны был завышен в несколько раз и б) в действительности уровень жизни этих 90% населения страны почти не отличался от уровня жизни арестантов.

Вот, оказывается, те «впечатляющие успехи», которых «Россия добилась в 1861–1914 гг.», если 90% страны стали, наконец, жить так же как арестанты³⁹. Это очень важный вклад в создание привлекательного образа дореволюционной России, ради чего написана книга Б. Н. Миронова⁴⁰.

³⁷ Там же. 2-е изд. С. 604.

³⁸ Там же. 2-е изд. С. 604.

³⁹ Там же. 1-е изд. С. 690.

⁴⁰ Там же. С. 13–16.

П. Г. Рогозный

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА*

«Декрет о свободе совести, церковных и религиозных сообществах» — именно так в первой публикации назывался знаменитый акт, вошедший в историю под названием «Декрет об отделении церкви от государства»¹. Этот документ, опубликованный в январе 1918 года, был плодом совместного творчества действующего православного священника Михаила Галкина² и главы советского правительства Ленина, который собственноручно вписал в него первый пункт — «Церковь отделяется от государства». Ни Галкин, ни большевики, не придумали ничего нового: декрет напоминал французский закон об отделении церкви от государства, принятый под влиянием социалистов в 1905 году³. Большевистский декрет был более краток и декларативен, а главное, в отличие от своего французского собрата, не устанавливал механизма его проведения⁴.

Еще до публикации этого документа большевики попытались реквизировать помещения Александро-Невской лавры. Однако после ареста настоятеля монастыря монахи ударили в набат, сбежался народ, который и разогнал вооруженных красногвардейцев. Не обошлось и без жертв: первым погиб протоиерей

* Работа написана в рамках проекта ОИФН РАН «Российское общественное движение и международный контекст»

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373–374.

² Михаил Галкин был священником петроградской Спаса-Колтовской церкви и издавал в столице газету «Свободная церковь». В конце 1917 года сам предложил свои услуги новому правительству в деле отделения церкви от государства. Осенью 1918 года снял сан и стал официально работать в комиссариате юстиции. Впоследствии активный член «Союза воинствующих безбожников». Свои статьи писал под псевдонимом «Михаил Горев». См.: Peris D. Commissars in Red Cassocks Former Priests in League of Militant Godless // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 2.

³ Данный декрет интерпретировался всегда тенденциозно в зависимости от партийной или церковной принадлежности автора. Ср.: Титлинов Б. В. Церковь во время революции Пг., 1924; Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М., 1968; Кашеваров А. Н. Церковь и власть. Русская православная Церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. В последнее время вышел ряд содержательных статей московского филолога Кравецкого, посвященных предистории рассматриваемого декрета: Кравецкий А. Г. К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства». Священный Собор Православной Российской Церкви. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002; Его же. К истории Декрета об отделении Церкви от государства. 1917-год. Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания патриарха Тихона. М., 2008.

⁴ Ср.: Закон от 9 декабря 1905 года. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства М., 2006. С. 277–381.

рей Скипетров, попытавшийся вступить в переговоры с захватчиками⁵. Крестный ход прошений в Петрограде после этих событий собрал только на Невском проспекте до 300 тысяч жителей столицы⁶. Большевики отступили, становилось понятно, что революционным наскоком с религией не покончить.

19 января, патриарх выпустил знаменитое послание с анафемой, «творящим беззакония»; хотя в тексте слово «большевики» не использовалось, однако всем было ясно, что оно непосредственно направлено против существующей власти.⁷

Впоследствии мнения историков разделились, была ли это анафема именно большевикам или вообще всем «творящим беззакония»? Но спорить об этом стали уже значительно позже: всем современникам было ясно, против кого было направлено послание патриарха Тихона⁸. Да и сам патриарх именовал свое послание анафемой Советской власти⁹. В самом документе совершенно не двусмысленно упоминаются действующие власти.

Ответ властей не заставил себя ждать, и 23 января в прессе появился вышеупомянутый декрет «О свободе совести». Декрет нес в себе немало демократических положений, однако по одному из пунктов Церковь лишалась прав юридического лица: такого пункта не было во французском законе об отделении церкви от государства. «Декрет об отделении церкви от государства может иметь силу только в зависимости от того, как его будут осуществлять», — записал в свой дневник профессор Юрий Готьё¹⁰.

В данном случае профессор Готьё был прав: публикация такого документа в демократическом государстве, даже, несмотря на некоторые явно сомнительные статьи, не имела бы ничего грозящего репрессиями. Более того, репрессии и гонения, впоследствии обрушившиеся на Православную Церковь, шли именно вопреки этому декрету, а не исходили из него.

⁵ См. подробнее: Шкаровский М. В. Александр-Невская Лавра в годы революционных потрясений (1917–1918). Город на все времена. СПб., 2011.

⁶ По церковным оценкам, в манифестации участвовало до полумиллиона человек; это, в любом случае, гораздо больше, чем вышло на защиту Учредительного собрания. Интересно отметить, что автор новейшей и очень качественной монографии про 1918 год в Петрограде вообще не заметил этого события. См.: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год Советской власти в Петрограде. М., 2007.

⁷ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 82–85.

⁸ Интересно отметить, что советские историки именовали данное послание Тихона анафемой советской власти. Постсоветские исследователи, наоборот, считают, что это анафема не большевикам, а «всем творящим беззакония».

⁹ Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 202.

¹⁰ Готьё Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 109.

И уж, разумеется, не следует говорить о том, что данный декрет был актом «злостного гонения на Церковь», как это делают некоторые современные историки: утверждать такое можно, только не читав сам текст декрета. Текст декрета был слишком размыт и, как признавали все, «декларативен» как впрочем, и все первые декреты новой власти: как его реализовывать на практике пока никто не знал. Первоначально этого не знали и сами новые власти.

Специально созданная Комиссия «по проведению в жизнь отделения церкви от государства», заседавшая под председательством Бонч-Бруевича в мае 1918 года среди прочих задач ставила себе «разбор многочисленных случаев прецедентарного (Так. —*П.Р.*), возникших при непосредственном применении отдельных положений декрета к запутанным правоотношениям современности»¹¹. При всей неуклюжести данной формулировки точнее было не сказать.

Многие положения декрета долго оставались на бумаге, например введение гражданского брака (в данном случае имеется в виду первоначальное, не современное значение этого термина)¹². Брак по-прежнему в основном регистрировали в церкви, а развод осуществляла Церковь по тем же принципам, что и раньше. «Брачный кодекс» имперской России был обширен и чрезвычайно запутан, о семейном праве написано много литературы, особенно до революции, уже тогда говорили о его несовершенстве и архаичности¹³.

Наиболее быстрый способ развода — это супружеская измена, но, чтобы развестись, требовалось наличие свидетелей факта прелюбодеяния «виновной» стороны. Естественно, что удостоверить факт «совокупления» проблематично, хотя при наличии денег и связей всегда находились нужные свидетели. Синодские чиновники, занимавшиеся бракоразводными процессами, быстро сколачивали целые состояния.

Современный историк Грегори Фриз иронизирует относительно той легкости, с которой находились свидетели супружеской измены: двери домов в России, «похоже, никогда не запирались»¹⁴. Видимо, и после декретов Советской власти ситуация не сильно поменялась.

¹¹ ГАРФ. Ф. 353. Д. 688. Л. 11.

¹² Сейчас «гражданским браком» в России считается сожительство без регистрации, большевистские декреты предполагали регистрацию брака в гражданских органах.

¹³ См. новейшие работы: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России СПб., 2004; Лещенко В. Ю. Семья и русское православие 11–19 вв. СПб., 1999.

¹⁴ Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве. Брак и развод в позднеимперской России // Православие; конфессии, институты, религиозность. СПб., 2009. С. 142.

Естественно, что после революции не все желали использовать столь сложный способ развода. Комиссар Самарской губернии в 1918 году требовал от духовенства «немедленно приступить к исполнению воли народа, т.е. совершать обряды венчания граждан, разведенных гражданским судом по декрету Народных Комиссаров, причем уклоняющиеся от этого будут увольняемы от должности и преданы суду». Значит, священника, не желавшего венчать «сомнительный» брак, могли уволить как государственного чиновника? В Комиссариат юстиции поступали многочисленные жалобы и прошения, как от официальных лиц, так и от простых обывателей, с просьбой разъяснить положение данного пункта декрета. Основной вопрос был о соотношении этого декрета с церковным браком. Причем везде его разъясняли по-разному. И следует отметить, что это был актуальный и проблемный пункт декрета – что такое гражданский брак и как его заключают, было не понятно, особенно в сельской местности.

Хотя декрет о гражданском браке был отдельно издан ранее, еще в декабре 1917 года, но он прошел фактически незамеченным: большевиков тогда всерьез не воспринимали, и в разгар гражданской войны, когда «ленинцы» контролировали центральную часть страны, проблема так называемого «гражданского брака» затрагивала незначительную часть населения.

Следует сказать, что вопрос о браке и разводе был действительно самым широко толкуемым местом декрета. В сельской местности этот вопрос часто решали полюбовно. Документальных сведений об этом мало, тем более важно каждое свидетельство, как, например, бывшего чиновника департамента Министерства юстиции А. Л. Окнинского который волею судьбы два года, с 1918 по 1920, прожил в Тамбовской губернии в деревне и записывал «акты гражданского состояния». Так как все метрические книги большевики довольно быстро изъяли из церквей, Окнинскому приходилось самому вписывать в книги всех умерших, родившихся и брачующихся. Окнинский описывает следующую схему действий неписанного «брачного кодекса», который сложился в первые годы советской власти и который в целом напоминает современный. Он выписывал «удостоверения», очевидно, проверяя по метрическим книгам возможность вступления в брак и т.п.; «... без такого удостоверения, — пишет Окнинский, — священники не крестили, не венчали, не отпе-

вали»¹⁵. После получения такого удостоверения крестьянин мог идти в церковь, где брак венчали. Сложнее дело представлялось с разводами. Мемуарист вспоминает, что ему пришлось совершить два развода по обоюдной просьбе разведившихся, «каковые разводы, однако, насколько мне помнится, церковной властью признаны не были».

Это и понятно: развестись легче гражданским образом, да и с церковной точки развод не таинство, а вот венчаться надо в церкви, и, конечно, большевистские декреты никак не изменили этого народного мнения. Окнинский также вспоминает, что записи о браке приходилось делать в выходные дни, по «воскресеньям и праздничным дням... в Советской России они были еще неприсутственные» (это было действительно так, под праздниками он имеет в виду, конечно, церковные. — *П.Р.*), и что однажды местный большевик грубо требовал от него справки о возможности венчания для своей дочери¹⁶.

Видимо, эта практика, дожила до наших дней, когда перед венчанием требуют справку из загса.

Метрические книги изъяты, священник не может удостовериться в правильности таинства, а гражданское свидетельство дает информацию, хотя бы о том, что брачующийся и брачующаяся не состоят в браке. Представляется, что такая практика в деревне была повсеместной, по крайней мере там, где была Советская власть¹⁷. Интересно, что постановление Поместного Собора о браке и разводе было менее радикальным, и письменные доказательства в новых условиях были необязательны, требовалась только подпись жениха и невесты, а также четырех свидетелей¹⁸. Очевидно, что священника могли обмануть, поэтому многие стали требовать письменной справки или выписки.

Иногда происходили и курьезные случаи. Так, например, священник Олонецкой губернии А.И. Тихомиров направил письмо Ленину с просьбой разрешить ему вступить во второй брак, чему воспрепятствовали и патриарх Тихон и правящий архиерей митрополит Вениамин. Священник писал, что искренне желает укрепления диктатуры пролетариата и просил освободить

¹⁵ Окнинский А. Л. Два года среди крестьян; Видимое, слышимое, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М., 1998. С. 44.

¹⁶ Окнинский А. Л. Указ соч. С. 45.

¹⁷ Мемуарному свидетельству Окнинского можно доверять, и в данном случае оно кажется беспристрастным. Оно не является важным в канве самих воспоминаний и занимает там всего две страницы, очевидно, что для автора это лишь эпизод, не имеющий никаких политических выводов. Важно и то, что воспоминания писались спустя два года и не имели никакого идеологического подтекста.

¹⁸ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 99.

уезд от «черных узурпаторов», то есть монашествующего духовенства. О патриархе Тихомиров писал как о ставленнике «небольшой кучки помещиков, графов, клобуков и других реакционеров»¹⁹. Свою просьбу о вступлении во второй брак священник обосновал практически-цинично, так как ему нужна «дешевая рабочая сила... в целях улучшения собственного благосостояния», а наем служанки дорого обходится. Он также просил учесть искренность его пожеланий, а сам желал «многолетия диктатуре пролетариата»²⁰. Вряд ли это послание прочитал руководитель Совнаркома – письмо отправили в восьмой «церковный» отдел Комиссариата юстиции на «разъяснение».

Там данное послание вызвало удивление и неподдельный интерес. В Тихомирове увидели реального «церковного большевика» и ответили более чем милостиво за личной подписью зав отделом Красикова. Тихомирову сообщили, что согласно декрету «состояние в т.н. священнослужении не является препятствием во вступление в первый и последующие браки... а боязнь Тихомирова притеснителей клобуков и некоторых попов – реакционеров не имеет под собой почвы в советском законодательстве»²¹.

Традиционно считается, что, придя к власти, большевики сразу развернули атеистическую пропаганду, устроив своеобразный «штурм небес»²². Однако очень скоро реальность вернула их на место: в стране, где 95 процентов населения считали себя верующими, такая пропаганда была обречена на неуспех. И приходилось действовать более тонко. Большевики разъясняли народу положение нового декрета. Почему граждане могут обучаться религии частным образом? «Потому что в школах обучаются дети и православных и католиков, магометанских и еврейских родителей... поэтому, – гласила листовка Петроградского комитета РКП(б), – нельзя в общих школах на общегосударственный счет обучать религии. А если родители хотят они могут за свой собственный счет обучать своих детей какой угодно религии»²³.

Впрочем, на крестьянскую массу такая агитация не действовала. Требование сохранить преподавание Закона Божьего звучало даже на вполне советских крестьянских съездах эпохи гражданской войны, и даже среди рабочих.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 761. Л. 93.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 95.

²² См., например: Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.

²³ Листовки петроградских большевиков. Л., 1957. С. 161.

Так, реагируя, на требования рабочих в августе 1918 года проводить молебны на заводах, Петроградский комитет большевиков советовал людям, которые еще «идут на поводу у попов, во-первых не смешивать поповскую веру с христианством и, во-вторых не забывать о роли государственной церкви в истории борьбы угнетенных против угнетателей... и не идти за попами, торгующими именем Христа». Далее в листовке сообщалось, что «сильные мира сего при помощи попов исказили это учение и превратили его в учение, оберегающее права угнетателей. Тех же из проповедников, кто боролся за истинное христианство в его первоначальном виде, попы жгли на кострах, резали на куски и уничтожали всеми другими средствами. Христианство было уничтожено»²⁴.

По-прежнему все главные церковные праздники являлись фактически государственными и были выходными (неприсутственными) днями. Иногда, особенно в провинции, и праздновали их вместе. Так, на заседании Устюжского исполкома рассматривали празднование Первоя и Пасхи и постановили в дни последней на неделю прекратить занятия в школе, а на «устройство товарищами красноармейцами праздника Св. Пасхи купить по три яйца на человека, один фунт колбасы на четырех и одно ведро на сорок человек водки»²⁵. Трогательное классовое единение, без всякой дискредитации по вероисповедным вопросам. Еще одной болезненной проблемой стало распоряжение новой власти о выносе икон из «государственных и публично-правовых общественных помещений»; в декрете об этом не говорилось, однако этот пункт появился в инструкции «о порядке проведения в жизнь декрета», выпущенной Комиссариатом юстиции в августе 1918 года²⁶. Иконы должны были быть вынесены также из учебных заведений и с заводов и фабрик. Часто это вызывало большое негодование и, по-видимому, мало исполнялось, особенно в первое время.

Так, когда на шуйской фабрике, по инициативе местных большевиков, в 1919 году в цеху были сняты иконы, это вызвало настоящие волнения среди рабочих, которые прекратили работу и потребовали «повесить таковые на прежние места». Коммунисту Языкову, проводившему эту акцию, пришлось

²⁴ Листовки петроградских большевиков... С.222.

²⁵ Цит. по: Кедров Н. Государство и церковная община в 1920-е – 1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2008. Вып. 6. С.178.

²⁶ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г.

каяться в том, что он приступил к исполнению «неумело и без разрешения Исполкома и партии, а действовал лично от себя, а потому он один во всем и повинен и просит о наказании его, если он заслуживает»²⁷. Если уж самый «революционный» класс так реагировал на антирелигиозные акции, то что тогда говорить о крестьянстве!

Вообще вынос икон из зданий фабрик и заводов, общественных присутствий, школ и т.п. был очень болезненным вопросом; часто, как и на шуйской фабрике это вызывало бурю негодования, и большевики вынуждены были разъяснять свои цели публично. Очевидно, слухи об иконах быстро распространялись и принимали удивительные формы, даже ходил слух, что вообще все иконы отнимут. «Нет более гнусной и подлой лжи, чем эта, — сообщалось в листовке петроградских большевиков, — да и кому придет такая нелепая мысль — отбирать иконы. Кому, кроме верующих, нужны иконы? Разве накормить ими голодных или перелить в пушки»²⁸? Однако, видимо, такие разъяснения не помогали.

Московский окружной комиссар Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 года, что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и с единогласной волей», в результате агитация против Советской власти с лозунгом «она во всем согласна с большевиками»²⁹.

Касаясь изъятия икон, комиссар, со слов бывшего секретаря Льва Толстова Черткова, сообщал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки: «за то что бы не трогать иконы... за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше»³⁰. В заключение военный комиссар сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?»³¹

Как реагировали на это центральные власти? Восьмой отдел комиссариата юстиции издал особый циркуляр, где среди прочего сообщалось, что при «изъятии икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого ан-

²⁷ АИВО. Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 35а. ЛЛ. 7–7 об. Благодарю за данную выписку из архивного дела Н. В. Михайлова.

²⁸ Листовки петроградских большевиков... С. 160.

²⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 696. Л. 216.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 216 об.

тирелигиозные демонстрации... вовсе не требуется, чтобы удаления эти производились в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики, ибо подобное демонстративное удаление икон... а тем более, как имело кое-где место, сопровождаемое совершенно ненужными выпадами против того или иного культа, создает лишь ложное представление в глазах населения о способах борьбы Советской власти с народными предрассудками»³².

Комиссару Ярославскому отвечали, что «недовольство актом порождается не столько фактом удаления икон, сколько употребляемым при этом способом, часто выливающимся в некультурную и даже грубую форму»³³. Полное удаление икон из всех общественных мест закончилось, видимо, только к середине 20-х годов. Конечно, проведение в жизнь декрета, коренным образом меняло не только взаимоотношения церкви и государства, но и затрагивало фактически, в том или ином виде, все население, находившееся под властью большевиков.

И не лишение Церкви статуса юридического лица, а запрет на преподавание религиозных вероучений в общеобразовательных учреждениях вызвал наибольшее недовольство и возмущение, особенно в крестьянской среде. Многие крестьянские восстания эпохи гражданской войны проходили, в том числе, и под лозунгом «вернуть Закон Божий».

Такой же проблемой было постановление о выносе икон из общественных мест. Все это саботировалось, не соблюдалось, вызывало озлобление, создавая тем самым в крестьянской, да и в рабочей среде, в целом сочувствовавшей большевикам, ненужный им второй фронт. Те демократические положения, которые нес в себе декрет, были не понятны крестьянской России, тем более что проводился декрет часто «большевистскими методами», хотя лидеры большевиков и требовали осторожности. В результате, как всегда, главная роль отводилась местным властям, от сознательности или головотяпства которых в целом и зависела ситуация на местах. Многие большевики понимали, что в стране, большинство населения считают себя верующими, антирелигиозная пропаганда обречена на провал. Поэтому они использовали даже в официальных документах, особенно на местах, антиклерикальные лозунги, которые встречали гораздо большее сочувствие в массах, чем антирелигиозная пропаганда.

³² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 690. Л. 80.

³³ Там же. Л. 217.

Д. И. Стогов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРОГРАДСКИХ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ САЛОНОВ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В настоящее время остается по-прежнему актуальным и до конца не проясненным вопрос о причинах Февральской революции 1917 года, о движущих силах революции. Рассмотрение этих проблем соприкасается с проблемой деятельности и влияния реакционных политических сил, пытавшихся тем или иным образом противодействовать революции. К этим силам можно с той или иной долей условности отнести значительную часть бюрократической элиты Российской империи, представителей правой фракции Государственной думы и правой группы Государственного совета, а также неформальные право-консервативные организации – салоны и кружки¹.

Понятие «салон» – французского происхождения, берущее свое начало со второй половины XVIII столетия. Согласно Большой советской энциклопедии, это «светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц...»². В Петербурге-Петрограде начала XX века существовало довольно много правомонархических салонов и кружков. В годы Первой мировой войны ведущую роль играл кружок сенатора А. А. Римского-Корсакова и органично связанный с ним салон Б. В. Штюмера, салоны графа С. Д. Шереметева, графини С. С. Игнатьевой и графини М. Э. Клейнмихель, кружки Н. Ф. Бурдукова, П. А. Бадмаева, салоны князя М. М. Андроникова и графа Н. Ф. Гейдена. Однако практически во всех перечисленных неформальных организациях серьезных программ по противодействию надвигающейся революции выработано не было³. Исключение составляет, пожалуй, кружок А. А. Римского-Корсакова (1849–1922), дворянина Тверской губернии, представителя старинного дворянского рода, крупного помещика, одного из основателей, руководителей и активных участников

¹ Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.) СПб., 2007.

² Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 37. С. 625.

³ Стогов Д. И. Правомонархические салоны... С. 271.

крупнейшей правомонархической (черносотенной) организации – Союза русского народа (СРН). Рассмотрим деятельность этого кружка подробнее.

В самый разгар революции 1905–1907 гг., 5 октября 1905 года, А. А. Римский-Корсаков занял должность ярославского губернатора⁴. В 1909 г. за свои крайне правые убеждения он был смещен П. А. Столыпиным с поста губернатора и назначен сенатором, присутствующим в первом общем собрании. Также Римский-Корсаков состоял шталмейстером Императорского Двора, а с 1915 года – членом правой группы Государственного совета.

Кружок А. А. Римского-Корсакова, который, согласно большинству мемуарных свидетельств, возник летом-осенью 1915 года, когда обострилась внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка. В том или ином виде кружок просуществовал до февраля 1917 года. Его участники собирались на петроградской квартире Римского-Корсакова⁵. По количеству посетителей кружок был небольшим. В нем преобладали представители правой группы Госсовета, а также соратники А. А. Римского-Корсакова по черносотенному движению. О работе этого салона мы узнаем главным образом из обстоятельных допросов и показаний бывшего директора Департамента полиции Министерства внутренних дел С. П. Белецкого, данные им в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). По его словам, на заседаниях кружка происходил «обмен взглядами» по вопросам внутренней политики, собирався «материал для предстоящего съезда монархистов в Петрограде и для Всероссийского дворянского собрания»⁶.

Кружок Римского-Корсакова работал в условиях практически полной конспирации, и сведения о нем доходили до деятелей либеральной оппозиции в основном в виде слухов. Так, в 1917 году лидер кадетов П. Н. Милюков в своих показаниях ЧСК сказал, что ему ничего конкретно не известно о его существовании («какие-то слухи были, но сейчас я не припомню»)⁷. ЧСК Временного правительства допросила и председателя Четвертой Государственной думы М. В. Родзянко. Ему был задан вопрос: знает ли он что-нибудь об усилении кружка Римского-Корсакова в конце 1916 – начале 1917 г. Родзянко заявил, что ничего

⁴ Характерная эволюция // Русское знамя. 1909. 5 апреля. № 74. С. 1.

⁵ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. Пг., 1917. С. 579.

⁶ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 278, 382.

⁷ Показания П. Н. Милюкова // Там же. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 359.

не ведал об этом, хотя минуту позже утверждал, что «теоретически» знал о существовании салона⁸.

Активизация кружка Римского-Корсакова в 1916 году связана с тем, что в январе этого года Б. В. Штюмер, организатор еще одного крупного петербургского салона, был назначен председателем Совета министров. Теперь кружок Римского-Корсакова вобрал в себя почти всех членов штюмеровского салона, существовавшего ранее. Участники кружка занимались обменом мнениями по вопросам внутренней политики и составлением «всеподданнейшей записки» с оценкой событий и рекомендациями.

Правительственная политика Штюмера, направленная против оппозиции, с точки зрения крайне правых, не была достаточно эффективной. Уже в марте 1916 года в кружке Римского-Корсакова, по сообщениям прессы, была выработана записка, критиковавшая правительство за его нерешительность⁹. В документе выдвигалось требование реорганизации кабинета. Согласно газетным публикациям, наибольшее рвение в составлении записки, которую предполагалось представить в «высшие сферы» через Штюмера, принимал Н. А. Маклаков¹⁰, который в показаниях ЧСК, однако, опровергал факт своего участия в этом. Участие Маклакова в подготовке «Записки», по справедливому мнению исследователя В. С. Дякина, «подтверждается активностью Н. Маклакова в Царском Селе, о чем свидетельствуют письма Александры Николаю»¹¹. Известно также, что Маклаков настаивал на удалении из Совета министров военного министра генерала А. А. Поливанова, а когда тот был отправлен в отставку, он заявил императрице, что «ему хотелось бы удаления еще кое-кого»¹². В. С. Дякин полагал, что имелся в виду министр просвещения П. Н. Игнатьев, которого резко критиковали практически все правые¹³. Либеральная оппозиция связывала с требованием правого кружка о реорганизации кабинета также назначение 25 марта 1916 г. товарищем министра внутренних дел графа А. А. Бобринского. Его согласие занять «слишком не-

⁸ Показания М. В. Родзянко // Там же. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 150.

⁹ Речь. 26 марта 1916 г. № 84.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 183.

¹² Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 140, 156.

¹³ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны... С. 184.

значительный» пост связывалось с планами дальнейших перемен в правительстве¹⁴.

Кроме кадровых вопросов в кружке активно обсуждался вопрос о необходимости роспуска Государственной думы. 6 марта 1916 г. в газете «Биржевые ведомости» появилась статья «Совещание правых о Государственной думе». В ней сообщалось о том, что под председательством Римского-Корсакова проходило совещание, решившее добиваться роспуска Думы после принятия ею бюджета и собрать в Москве новый съезд правых на «изысканные» Римским-Корсаковым средства, однако сам Римский-Корсаков поспешил опровергнуть эту информацию¹⁵.

Анализируя эти сообщения из различных источников, возникает вопрос о степени влияния кружка А. А. Римского-Корсакова на внутреннюю политику императорской России. Рассмотрим оценку этого влияния современниками. По вполне понятным причинам, участники кружка, допрошенные ЧСК, старались всячески принизить его политический вес. В частности, этой темы достаточно подробно касался осведомленный С. П. Белецкий, утверждавший, что влияние кружка на политику Николая II было незначительным¹⁶.

А. Д. Протопопов в показаниях ЧСК также заявлял о кружке Римского-Корсакова и обо всех правых кружках, как о «не имевших силы»: «Они, как говорил Марков 2-й, прозябали»¹⁷. Аналогичного мнения придерживался другой участник салона, Н. А. Маклаков: «В сущности, это была, как бы, нансеновская экспедиция. Это были просто последние могики, которые отводили душу. Серьезного ничего не было и не могло быть. <...> И когда шел вопрос о том, чтобы выработать записку, я сказал, что это с моей точки зрения так же бесполезно, как черпать воду решетом. Так что я сюда ни надежд не вкладывал, ничего»¹⁸.

Бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов в ходе допроса ЧСК также поддерживал мнение о слабой степени влияния салона. Он, однако, не отрицал того, что Николай II передал ему записку, кого из членов Госсовета необходимо устранить. Бывший министр утверждал, что мнение об усилении правого крыла

¹⁴ Речь. 28 и 31 марта 1916 г. № 86, 89.

¹⁵ Письмо в редакцию газеты «Биржевые ведомости» // Земщина. 6 марта 1916 г. № 2291 (60). С. 3.

¹⁶ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 460.

¹⁷ Допрос А. Д. Протопопова // Там же. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 291.

¹⁸ Допрос Н. А. Маклакова // Там же. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 89.

Госсовета на несколько человек развивалось задолго до 1 января 1917 года, и даже «постоянно правая группа на этом вопросе останавливалась, считая, что иначе она никакой роли не играла»¹⁹.

Вот что сказал на допросе в ЧСК о влиянии и авторитете кружка Римского-Корсакова другой его участник, Н. А. Маклаков: «Вообще, в правой группе Римский-Корсаков пользовался общим большим расположением, как безыскусственный, прямой человек»²⁰. О реакции органов власти на «Записки», в частности А. Д. Протопопова, Маклаков сообщил следующее: «О Протопопове одно могу сказать, что про эту записку он ничего не знает, я думаю, если государь не показывал. Бывало так: он несколько раз переваривал записку и просил дать заключение о том, что писалось. К Римскому-Корсакову он относился очень хорошо. <...> С Протопоповым мы по этому поводу ничего не говорили, кроме того, что я говорил про роспуск; когда он состоялся, я не верил; по-моему, нет сейчас ничего хуже вот таких роспусков»²¹.

Вполне естественно, что либеральные и левые публицисты в своих произведениях стремились показать деятельность правых кружков в неприглядном свете, преувеличивая их влияние, муссируя пресловутый вопрос о «камарилье», о «сговоре» императора с «черносотенцами» и т.д. К примеру, Л. М. Клячко (Львов) писал в своих «Повестях прошлого» буквально следующее: «...В специально нанятой Белецким конспиративной квартире стали устраиваться попойки. Квартира эта, снятая Белецким, оплачивалась за счет секретного фонда и была обставлена надлежащим образом. В качестве “хозяина” туда был поселен женатый филер. Здесь собиралась вся компания: Распутин, Штюмер, Хвостов, Белецкий»²².

Слухи о составлении в правых кругах различного рода «записок» в том или ином виде просачивались на страницы периодической печати либерального и левого направления. Вот что писала газета «Речь» 24 декабря 1916 года: «“Крайне правые из стана Маркова 2-го” разрабатывали разные проекты. Первый — для выхода из настоящего положения достаточно восстановить твердыню реакции, которую до последней сессии представлял Госсовета.

¹⁹ Допрос А. Д. Протопопова // Там же. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 426-429.

²⁰ Н. А. Маклакова // Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 5. С. 290.

²¹ Там же. С. 290-291.

²² Клячко (Львов) Л. Повести прошлого. Временщики конституции. Два премьера. Еврейское счастье. Л., 1929 С. 63.

Второй – более радикальный проект, отраженный в газете “Земщина”, предусматривал “обрушиться на Государственную думу”»²³.

Мы привели ряд мемуарных свидетельств, связанных с разработкой «Записок» в кружке А. А. Римского-Корсакова. Отметим особо, что до сих пор оригиналы этих документов историками не найдены. Известно, что опубликованная А. А. Блоком «Записка» М. Я. Говорухо-Отрока, которую Б. В. Штюрмер должен был передать через князя Н. Д. Голицына императрице²⁴, и опубликованная несколько позже так называемая «Сводка общих положений и пожеланий», составленная в кружке А. А. Римского-Корсакова и переданная министру внутренних дел А. Д. Протопопову²⁵, не имеют соответствующих ссылок на архивные дела, откуда взят оригинал. Это обстоятельство затрудняет исследование «Записок». Их архивные оригиналы нам не известны. Остается только гадать, какими источниками пользовались А. А. Блок и И. Тоболин при подготовке своих публикаций. Обращает на себя внимание также и тот факт, что книга А. А. Блока «Последние дни императорской власти» вышла в свет уже после его смерти. Если оригиналы «Записок», не сохранились (или, по крайней мере, до сих пор не выявлены) то, возможно, в архивных фондах самого А. А. Блока (Ф. 55 РГАЛИ и Ф. 423 Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)), могут содержаться какие-то указания на то, где Блок нашел «Записку» кружка Римского-Корсакова. К сожалению, в проработанных нами материалах фонда А. А. Блока (Ф. 654 Института русской литературы РАН (Пушкинский дом, ИРЛИ)) такого рода указаний не обнаружено. Историк П. Е. Щеголев, составитель семитомника «Падение царского режима», вышедшего в 1920-е гг., также мог располагать какими-то сведениями об оригинале «Записок». Однако наше обращение к его архивному фонду (Ф. 627 ИРЛИ) не дало положительных результатов. Таким образом, вопрос об оригинале «Записок» кружка А. А. Римского-Корсакова остается пока не проясненным.

В историографии давались разные характеристики степени влияния программы кружка А. А. Римского-Корсакова на политику царя. Советские историки, как правило, расценивали ее как значительную. К примеру,

²³ Петроград, 24 декабря // Речь. 24 декабря 1916 г. № 354 (3737). С. 3.

²⁴ Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 126-140.

²⁵ Программа союза русского народа перед Февральской революцией / Сост. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 242-244.

М. Балабанов писал по этому поводу: «Само собою разумеется, что программа столь решительных действий не осталась гласом вопиющего в пустыне – за реализацию ее принялись энергично, и, если не осуществили ее полностью, то потому, что не успели, благодаря крайнему разложению самодержавия, оказавшегося неспособным не только для наступления, но и для обороны»²⁶.

Эмигрантские историки, наоборот, писали о незначительной степени влияния «Записок» на политику императора. Так, С. П. Мельгунов пришел к следующим вполне справедливым, на наш взгляд, выводам: «В конце 1916 г. вопрос о снабжении войсковых частей пулеметами для подавления мятежа поднимала записка Римского-Корсакова, переданная министру внутренних дел. Сам Протопопов упоминает в показаниях о своем разговоре с Курловым, который считал целесообразным снабдить стражников пулеметами»²⁷. По словам историка, «вопрос о пулеметах, действительно, косвенно, как бы в частном порядке, по инициативе некоторых администраторов и советчиков со стороны поднимался в правительственных кругах», но так и не был положительно решен²⁸.

В постсоветской историографии в последние годы также стало утверждаться мнение о слабом влиянии кружка А. А. Римского-Корсакова. Так, по вполне справедливому утверждению историка А. Д. Степанова относительно «Записок», составленных в кружке, «ни князь Голицын, ни Протопопов не сумели и не захотели воспользоваться <...> советами патриотов»²⁹.

Историк С. В. Куликов, говоря о причинах провала «Записок» в «высших сферах», утверждает, что «программа А. А. Римского-Корсакова, как экстремистская, не встретила сочувствия у Николая» и что «в начале 1917 г. А. А. Римский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой»³⁰.

В целом можно согласиться с утверждением исследователя о том, что Римский-Корсаков с его программой был политическим маргиналом. Бюро-

²⁶ Балабанов М. Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). [Харьков], 1927. С. 188.

²⁷ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года // Возрождение. 1950. Сент.-окт. Т. 11. С. 133.

²⁸ Там же. С. 133.

²⁹ Степанов А. Д. Римский-Корсаков А. А. // Святая Русь. Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 618.

³⁰ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 358.

кратический аппарат Российской империи в подавляющем большинстве своем разделял идеи, совершенно далекие от монархизма. То же самое можно сказать и о генералитете русской армии³¹. И, видимо, царь в сложившейся ситуации был совершенно прав, когда, как свидетельствует А. Д. Протопопов, в начале 1917 г. сомневался «насчет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна»³². Вместить эту политику страна в тот исторический период уже была, судя по всему, неспособна, а то, что предпринимали А. А. Римский-Корсаков и другие правые, было, по сути дела, последней судорожной попыткой спасти монархию.

Кружок А. А. Римского-Корсакова прекратил существование во время Февральской революции, многие его участники были арестованы Временным правительством. Сам Римский-Корсаков уехал в имение «Старый двор» в Витебской губернии, приветствовал генерала Л. Г. Корнилова, был арестован, но вскоре был освобожден. После октября 1917 года перебрался в Москву, где на своей квартире проводил собрания монархистов с целью «изыскания способов спасения царской семьи»³³. В 1918 году переехал в Ригу, участвовал в попытке Н. Н. Юденича «идти на Петроград»³⁴. В 1920 году переселился в Берлин, где играл видную роль среди русской монархической эмиграции. В 1921 году участвовал в Общероссийском монархическом съезде в Рейхенгале, в Германии³⁵. Скончался 26 сентября 1922 года в Берлине, погребен в Тегеле (Германия)³⁶.

³¹ Кобылин В. С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора / Под ред. Л. Е. Болотина. Изд. 2-е. СПб., 2005.

³² Допрос Н. А. Маклакова // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 275.

³³ Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. / Под ред. Ю. И. Кирьянова. В 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 692.

³⁴ Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997. С. 73.

³⁵ Степанов А. Д. Римский-Корсаков А. А. // Святая Русь. Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 619.

³⁶ А. А. Римский-Корсаков [Некролог] // Руль. 1922. № 5581. С. 5.

В. Н. Сухов, В. Ф. Цымлов

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: НУЖЕН ЛИ ЕЕ ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ?

В январе 2012 года Президент Российской Федерации подписал Указ о проведении «Года истории» в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе. Было поручено правительству создать специальную комиссию и разработать план мероприятий. Прошло уже довольно много времени. На наш взгляд, уже можно выделить некоторые тенденции в реализации данного намерения. Прежде всего, явно желание остановиться на том, что так или иначе, но, во-первых, непременно подчеркивает позитивность сильной центральной власти. Призвание Рюрика, начало династии Рюриковичей, возведение Романовых на престол, 150-летие так уважаемого нынешней властью Столыпина и т. д. Во-вторых, особое внимание уделяется тем событиям и явлениям, которые, так сказать, победоносны. Ярчайший пример – комплекс акций в связи с 200-летием войны 1812 года: от массовых манифестаций и реконструкций до многочисленных телефильмов. В-третьих, явная избирательность поводов для торжеств. К примеру, никем не замечено желание отметить 95-летие событий 1917 года и 105-летие первой русской революции, хотя события эти отнюдь не ординарны и прошедшие десятилетия их роли и значение, как в нашей, так и в мировой истории не умаляют. Прежде всего, потому, что их уроки чрезвычайно актуальны. Но, как свидетельствует наша современность, власти предрежающие, увы, и это, в-четвертых, из прошлого берут только то, что выгодно. А ведь это крайне опасно – игнорировать опыт прошлого, не делая для себя всесторонних выводов, не извлекая уроков и вновь наступая на известные грабли. Наконец, в-пятых, увы, но многое, оставшееся в прошлом, может быть уроком для настоящего. Обратимся к началу XX века. То, что происходило в Российской империи, говорило о том, что в обществе, даже в его верхах, был явный запрос на обновление, на который император либо не решался, либо его не хотел. Отрицательное отношение к Николаю II и его администрации возрастало год от года.

В конце концов, даже приближенные к царю порывали с ним и бросили его в 1917 году. Доверие к словам и делам властей снижалось день ото дня. В

стремлении упрочить свои позиции царь и власти обращались к церкви, искали помощь в чудесах и у провидцев и т. д. Вспомним хотя бы приснопамятного Гапона или канонизацию Серафима Саровского. Царь, как перчатки менял министров и премьеров, не меняя политики. Почувствовав ослабление революционной волны, стал «бросать кости» народу, одновременно усиливая репрессии. Идти же на радикальные обновления власть не захотела. Так события 1905–1907 годов подготовили 1917 год. Конечно, хроника прошлого изложена довольно схематично. Авторы осознают это, но обращают внимание на события нашего времени. Весной 2012 года «центр стратегических разработок» М. Дмитриева обнародовал доклад «Изменение политических настроений россиян после президентских выборов». Обширное и доказательное исследование, опирающееся на большой социологический материал, дает поразительные сведения, позволяющие судить о том, что многие события наших дней весьма напоминают происходившее в начале прошлого века.

Авторы доклада констатируют, что в России неуклонно падает доверие населения к В. Путину. Если в 2008 году ему доверяло 70 % респондентов, то летом 2012 года уже только 44 %. Одновременно, естественно, росло и количество не доверявших: в 2008 – 8 %, 2012 – 23 %. Причины падения объяснялись нерешенностью социально-экономических проблем, общим ухудшением экономической ситуации, падением жизненного уровня народа, нечестностью выборов. Авторы доклада отметили также, что практически повсеместно респонденты высказали недовольство властью, цели которой не соответствуют народным чаяниям. 26 % отметили, что целью российской власти является личное обогащение. Характеризуя деятельность власти, люди говорят о нежелании ее объяснять свои цели народу – 29 % опрошенных, 94 % обратили внимание на то, что неудовлетворительное положение в ЖКХ власть «исправляет», повышая тарифы, 75 % обвинили власть в развале экономики, 70 % – в засилии коррупции, 67 % – выступили против клановости властей, 62 % – предъявили счет за нежелание бороться за порядок в стране и законность, 62 % отметили, что власть неспособна даже обеспечить осуществление принятых ею решений, 67 % заметили, что одна из наиболее явных характеристик нынешнего чиновничества – стремление любыми путями удержаться у власти. 88 % респондентов ассоциируют власть как хищническую. После подобных оценок встает вопрос: «Что дальше?» и вот здесь вновь вернемся в начало XX века.

Тогда: наконец признана была необходимость реформ. Но при этом непременно должно было быть сохранено политическое пространство вместе с

абсолютной монархией. В начале XX века в России фактор внешней политики оценивался явно недостаточно, отчего были допущены многие ошибки. Итог – катастрофа русско-японской войны. Известно, что начало века – это небывалый ранее размах крестьянского движения. Более того некоторые говорят о новой крестьянской войне. Что принесли события 1905–1907 годов? Многопартийность, политический террор, деятельность Столыпина и т.п. А наши дни? Есть телодвижение власти в сторону диалога с оппозицией. Как минимум системной. Но ни о какой трансформации властных институтов речь даже не заходит. О внешнем факторе речь тоже не может идти – достаточно вспомнить, как утрачивает свои позиции Россия на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве и в других регионах. Митинги и шествия по итогам парламентских и президентских выборов тоже дают повод для историко-политологических аналогий. Мы намеренно не затрагиваем национальный фактор. Нельзя сказать, что национальный вопрос был окончательно решен в СССР, но то, что происходит сейчас, дает все основания заявить о том, что Северный Кавказ, Краснодарский и Ставропольский края, Татарстан, проблемы «кавказцев», «гастарбайтеров», «толерантности», «русских маршей» – это уже явные свидетельства остроты ситуации.

Древо аналогий можно, к сожалению, растить и растить. К примеру, за счет явного раскола элиты. Разве сейчас множась «посадки» не говорят об этом? Но вывод-то в чем? Тогда: игнорирование демократических институтов. Сейчас – «управляемая демократия». Через чиновничью вертикаль и «Единую Россию». Тогда: спонтанный взрыв, спровоцированный расстрелом на Дворцовой площади и позором катастрофы русско-японской войны. Сейчас тот же доклад, о котором мы уже говорили, свидетельствует: практически во всех фокус-группах респонденты заявляют о возможности, а порой и желательности революции.

В завершении хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, есть существенное отличие прошлого от настоящего. Количество и качество информационного массива тогда и сейчас разительно отличны. Интернет, радио и масс-медиа это не те средства коммуникации, что были в начале XX века. Тогда для созревания (организации) нужны были годы. Сейчас дни и часы. Но лучше – путь осознанных реформ.

А. В. БОНДАРЕВСКИЙ

1917 ГОД В РОССИИ КАК АССИМЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ЭПОХИ

В данных тезисах автор рассматривает некоторые глобальные факторы, повлиявшие на ход событий в России в 1917 году.

В начале XX века Россия пережила тяжелейшие перипетии, решая не только свои внутренние проблемы, но и пришедшие извне вызовы эпохи. На это обратил внимание еще 30 лет назад А. Солженицын¹. Его признание планетного смысла происходящего в России в 1917 году, его тезис, что Россия с ее трагической судьбой была «как агнец, несущий бремя грехов европейского мира», выделяет его уровень понимания происходящего.

Перипетии 1917 года были вызваны не немецкими деньгами, а событиями мирового масштаба, захватившими и нашу огромную страну. Плавного, спокойного, бесконфликтного развития России, да и всего человечества уже не могло быть в условиях вызовов эпохи. Сама по себе крестьянская Россия могла бы еще столетия жить в гармонии с природой, пользуясь ее дарами, экстенсивно осваивая все новые свои территории, сохраняя традиционный аграрный патриархальный православный уклад жизни. Но быстро менявшийся мир вынуждал Россию реагировать, отвечать этим вызовам времени.

Уже с конца XIX века правящие круги России осознали угрозы, которые несли новые мировые тенденции, и пытались противостоять им. Так, власть пыталась не допустить массовой пролетаризации населения, сдержать заимствованные извне идеи демократизации – понимая, что в условиях многонациональной российской империи это неизбежно приведет к распаду державы, которую с таким трудом кровью и потом собрали предшественники. Но попытки нейтрализовать эти угрозы в рамках старого строя не удались. Так же как и не удались вскоре Временному правительству попытки заимствования европейского образца, клонирования европейского опыта. Требовался нестандартный асимметричный ответ.

В отечественной историографии уже издавна отразилось понимание того факта, что многие преобразования, реформы были вызваны в России не

¹ Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля.

внутренней логикой развития, а вынуждены внешними обстоятельствами. Но, может, наиболее четко эта закономерность была теоретически обоснована известным английским историком Арнольдом Тойнби в его концепции «вызовов – ответов». Согласно ей, вызовы бывают в виде военной угрозы, что часто случалось в нашей истории и заставляло искусственно и потому сверхзатратно форсировать темпы развития и укреплять обороноспособность (походы Наполеона, поражение в Крымской войне, угроза фашизма и др.). Но вызовы могут быть и в виде соблазнов, зависти к чужим достижениям, реальным и мнимым. Ответами на таковые стали попытки Петра I европеизировать страну, заговор высших чиновников против Николая II. Да и распад СССР произошел по этой же причине – без внешней военной угрозы, при ядерном паритете и ядерном щите страну сдали без единого выстрела и элита и прослышавшее о западных стандартах жизни население.

На многие внешнеполитические и исторические вызовы Россия, по целому ряду причин, часто давала ассиметричные ответы. Попытки слепо копировать чужой образец не удавались из-за цивилизационных и ментальных отличий, особенностей экономической модели и политической системы, приспособленным к российскому климату и пространствам, многонациональному составу населения и другим детерминирующим факторам. К примеру, опричина стала ответом на образование в Европе централизованных абсолютистских государств (типа Англии Елизаветы Великой), но не долгим эволюционным путем, а ускоренным и принудительным. Постоянные «революции сверху», инициированные российскими самодержцами, также часто оказывались ассиметричными ответами, в том числе «просвещенный абсолютизм» вместо Просвещения. Примеры можно продолжать.

Но самым масштабным и значимым в истории ассиметричным ответом на вызовы Европы и эпохи стали события 1917 года. К началу XX века уже выявились противоречия и пороки западной модели развития, и русская революция 1917 года на своем итоговом, октябрьском, этапе была попыткой избежать их и построить новое общество, которое бы ни копировало западный путь развития, а решало проблемы внутреннего и внешнего характера иным путем. Рассмотрим некоторые из «вызовов» и «ответов», данных русской революцией 1917 года.

1. В результате научно-технической и промышленной революций 19 века в западных странах началась индустриальная эпоха. Россия по разным причинам значительно отставала от Запада. Европейскими методами – от

мелкого производства к крупному, на базе частных инвестиций, иностранных кредитов Европу было бы не догнать. Это показала I Мировая война, в которой Россия первой надорвалась, не выдержала гонки.

Революция 1917 года создала условия для форсированной индустриализации другими, ассиметричными методами – на основе государственной собственности и госфинансирования, не завися от инвестиционной привлекательности и чужих коммерческих интересов.

В Европе постепенную индустриализацию осуществляла буржуазия, в СССР ускоренную индустриализацию осуществил пролетариат, другими методами и с другими социальными целями.

2. Эпоха империализма создала угрозу самому существованию человечества. Индустрия принесла не только плоды технического прогресса, но и противоречия. Она стала вызовом для всего человечества – несоразмерная технологическая мощь превзошла уровень разума и нравственности человечества, и не только обывателей, но и политиков. Эта мощь была использована против самого человечества – создавались все более разрушительные, «эффективные» орудия убийства – динамит, пулемет, танки, химическое оружие. Во второй половине XX века человечество создало оружие, способное многократно уничтожить само человечество. Развитие транснациональных корпораций с филиалами в других странах не привело к всеобщему миру, как на то надеялись реформисты и убеждали либералы. XX век стал веком двух мировых войн, но уже и после великой Победы в мире произошли более 300 локальных войн.

Большевистский Декрет о мире, обращенный к народам, а не только правительствам, стал первым ответом на эту угрозу. Были заложены основы народной дипломатии, воплотившейся впоследствии в массовом Движении сторонников мира, Движении неприсоединения и других формах общественного воздействия на политику. Но самые большие надежды возлагались не на европейский пацифизм, а на мировую систему социализма, которая меняла соотношений сил на мировой арене и стала преградой для развязывания новых империалистических войн.

3. Переход к индустриальной фазе изменил мир до неузнаваемости. Человечество само перевернуло и разрушило свой некогда прекрасный гармоничный мир Природы. Сложилась затратная модель развития, началось масштабное поглощение природных ресурсов. Всего лишь за 150 лет промышленной цивилизации почти уничтожена среда обитания. Масштабы бездум-

ного потребления превзошли возможности природы к воспроизводству. Человеческий ум и алчность не только укротили природу, но и победили ее. Погоня за комфортом, роскошью, тщеславие потребителей создали сверхзатратную модель. В США потребление электроэнергии на обеспечение избыточного количества товаров и услуг в 100 раз превышает биологически необходимую норму. Одной из причин такой сверхзатратности стала конкуренция – базовый принцип западной экономики, который призван обеспечить качество, моду, прибыль. Но конкуренция – это масштабное дублирование производства, ведущее к массовому перепроизводству – т.е. разбазариванию невосполнимых природных ресурсов и труда.

Эти вызовы и пороки потребительской эпохи были осознаны еще в 19 веке, и попытки 1917 года создать безотходное плановое хозяйство (устраняющее дублирование и обеспечивающее качество дисциплинарными мерами, а не затратными) для обеспечения населения **разумными** потребностями стали ответом на эти вызовы. Почему этого не удалось добиться, и плановая экономика в СССР не справилась с задачами – вопрос особый. Она смогла всех быстро одеть, накормить и заселить, но не смогла обеспечить вкусным и модным. Вместе с тем, будущее сверхзатратной цивилизации проблематично.

4. Эпоха «равных возможностей» на деле углубила социальную дифференциацию. Под лозунгами «свободы, равенства, братства» начался захват мира новой элитой. Блеск и нищета стали еще более контрастны. В ходе мировой войны миллионы погибли, но тысячи дельцов сколотили миллионные состояния. Россия в 1917 году отреагировала на это попыткой уравнилельного перераспределения и усредненной зарплаты. 1917 год заложил основы новых представлений о социальной справедливости – одном из важнейших факторов истории, двигателе человеческого прогресса.

Революция в России преподнесла западным трудящимся недооцененный подарок. Страх перед революцией вынудил правящую элиту Запада заимствовать социальные достижения социализма. Западные страны гуманизировались, признали социальную ответственность государства перед гражданами, приняли многочисленные программы «всеобщего благоденствия».

После распада социалистического содружества и СССР дифференциация в мире значительно нарастает. По мере насаждения глобализма возрос разрыв между богатыми и бедными странами, между индустриальными и традиционными цивилизациями, между Севером и Югом, что породило, в

том числе, и международный терроризм. Увеличивается разрыв между трудящимися и элитой в самих «цивилизованных» странах Запада. Кризис XXI века принес уже почти забытое «абсолютное обнищание» (когда зарплаты, пенсии, пособия сокращаются). Но постоянно нарастает «относительное обнищание», когда доходы владельцев бизнеса растут быстрее и в совершенно иных масштабах, чем зарплаты трудящихся. Пропасть в уровне жизни в гуманистическом цивилизованном обществе равных стала непреодолимой. Трудящимся вновь приходится массово выходить на улицы и баррикады и снова браться за булыжники и коктейль Молотова.

5. Новая эпоха таила угрозу всей человеческой культуре. Культура была заменена образованием и профессиональными навыками, которые превращают общество в потребительское. Но под культурой подразумевается как раз противоположное. Помимо науки и искусства главное в ней – этика поведения человека в социуме, соблюдение выработанных искусственных норм поведения, условностей общества. Культура – это способность людей, и только людей, управлять эмоциями, подавлять в себе пороки. Зло есть изначально, оно порождено врожденными природными низменными инстинктами. Добру же надо воспитывать, долго и упорно. В ходе тысячелетий нравственного развития общества, опираясь на религии и гуманистические учения, человечество выработало нормы культурного поведения. Но техногенный век отбросил эти нормы как устаревшие и мешающие рынку и прибыли.

Русская революция попыталась не только открыть всему населению дорогу к знаниям, но и создать новую мораль, альтернативную рыночной. Многие удалось. Можно насмехаться над попытками внедрить в СССР социалистическую нравственность и моральный кодекс строителя коммунизма, но свою положительную роль они сыграли.

Уход России с социалистического пути развития привел к падению морали. Острота проблемы сегодня признана и властью. Необходимость нравственного возрождения стала одной из главных тем ежегодного Послания Президента РФ, прозвучавшего в 12 декабря 2012 года. Впервые за 20 лет власть устами В. В. Путина заговорила о «дефиците духовных скреп». Опасность духовного кризиса признают многие интеллектуалы и часть правящей элиты Запада.

6. Вызов мифами «чистой» демократии. Идея демократии очень привлекательна. Однако уже в начале XX века становилось ясно, что правящая элита западного общества научилась использовать демократические механизмы для сохранения и укрепления своего политического господства. Осо-

бенно умело можно было манипулировать малограмотными массами, не обладавшими опытом политической жизни. Анализируя опыт западных стран, где парламентаризм не мешал сохранению господства крупных собственником, Ленин сделал ставку на создание в России республики Советов, которые бы объединяли только трудящихся и исключили бы возможность формирования привилегированной управленческой элиты — бюрократии. Идея создать модель демократии в форме Советов оказалась популярной, привлекательной, поскольку она опиралась на глубокие вечевые и общинные традиции самоуправления, которые существовали у русского народа. Но начавшаяся гражданская война и трудность задач революционных преобразований в России вынудили большевиков сконцентрировать реальную власть в своих руках, действовать от лица народа, ограничить прямую демократию народа партийной гегемонией. Попытка возродить советскую демократию в период нэпа была свернута в условиях перехода к форсированной индустриализации. Советская демократия была заменена административно-командной системой управления. К сожалению, механизм централизованной власти не удалось удержать в рамках разумного и оправданного. Культ личности И. В. Сталина и развязанный им массовый террор, нанесли огромный ущерб стране, народу и самой правящей партии. Преодоление сталинского наследия в постсталинский период было непоследовательным, и в итоге советский народ испытывал оправданное недовольство сложившейся политической системой. Западная политическая модель показалась более привлекательной. Однако отказ от советской модели и заимствование форм западного парламентаризма быстро принесли разочарование. Российский парламент не проявил себя как институт, способный защитить интересы простого народа, противостоять эгоистическим интересам новых крупных собственников. Социологические опросы на протяжении уже многих лет показывают, что общество очень низко оценивает роль и авторитет парламента России и ряда других государственных органов власти.

Современный Запад также все больше и больше сталкивается с растущим недовольством населения действием демократических институтов. Это стало особенно очевидно на фоне нынешнего мирового кризиса. Кризис носит системный характер, и правящие круги стремятся выйти из него, переложив все тяготы на плечи простого народа. Несмотря на активное применение современных информационных технологий, правящим кругам становится все труднее удерживать народ от прямого непарламентского протеста.

7. Вызов социалистической идеей. К XX веку в европейских странах была весьма популярна идея социализма, активно действовали соцпартии, проводились международные конгрессы. Российские революционеры также попали под ее влияние, заимствовали марксизм, но привнесли в идею социалистической революции много нового, подогнали под российские реалии.

Сформировался ленинизм — учение о возможности победы революции не в самых развитых индустриальных странах с большинством пролетариата, а в крестьянской России — «слабом звене империализма». Большевизм — это идеология и психология форсированного развития, формационного скачка, перепрыгивания через ступени эволюции. Он развязал инициативу авангардных слоев населения, открыл дорогу для глубоких преобразований. Вызовам индустриальной эпохи и модели рыночного капитализма дал ответ, в основе которого лежали государственная собственность, плановое хозяйство, социальная политика, народное самоуправление, культурная революция.

Нет смысла идеализировать эти ассиметричные ответы. Сами они также создали много проблем. Многие из начинаний 1917 г оказались наивны, тщетны, реализовывались порой жестокими, даже преступными методами. Во многом они удались, обеспечили стране индустриальный, социальный, научный, культурный прорыв. Придали ей статус могучей ядерной державы, а с ним и международное влияние и безопасность, которой нынешняя Россия защищена и спустя 20 лет после распада СССР. Именно в тот период страна стала второй в мире по научно-промышленному потенциалу.

Российская модель социализма оказала глобальное воздействие, способствовала трансформации всей мировой системы в лучшую сторону. Население всей планеты выиграло от опытов, опыта и посылов 1917 года. Западный мир стал более справедливым, восточный — более свободным.

Ошибки и просчеты, допущенные в СССР стали для мирового социалистического движения своеобразной прививкой, которая выработала иммунитет к некоторым болезням роста. В современной Европе социалистическая идея процветает, во многих странах соцпартии находятся у власти.

В самой России зреет интуитивное ощущение самобытности и своеобразия нашей страны, понимание необходимости продолжать свой собственный поиск оптимального развития. В декабре 2012 в президентском послании появилась концептуальная идея о российском государстве как особой цивилизации. Этот термин В. В. Путин использовал впервые, видимо в идеологическом ведомстве Кремля происходит переосмысление глубинных смысло-

вых задач развития, формируется новая теоретическая платформа. Новые постулаты о том, что Россия – отдельная, самостоятельная, скрепленная русским языком и духовностью цивилизация, имеющая мировой авторитет и признание – важные звенья новой доктрины становления независимой сильной России, а не европейского довеска.

Как выяснилось в очередной раз, чужой трафарет на наши исторические традиции и почву не ложится. Россия XXI века вновь ищет свой особый путь развития, вырабатывает ответы на новые вызовы глобализма.

В. В. ФОРТУНАТОВ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 И 1991 ГОДОВ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ (ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В год 95-летия Великой русской революции 1917 года в российском обществе существует большая разногласия в оценках значения этого события. Под влиянием известных политиков, журналистов, придворных историкографов многие жители нашей страны восприняли примерно следующую схему. В 30-е годы в СССР были ужасная коллективизация, голодомор 1933 года, разрастание системы ГУЛАГ, страшная «ежовщина» и многое другое. Все эти ужасы случились со страной после 1917 года, после прихода к власти большевиков. Следовательно, большевистская революция является трагедией для страны и ничего хорошего о ней сказать нельзя.

Станным образом в конце 2011 года, несмотря на очередную избирательную кампанию, результаты и последствия демократической августовской революции 1991 года не стали предметом серьезного анализа. Между тем сравнительно-сопоставительный метод по-прежнему остается в методологическом арсенале исторической науки. Никому не заказано провести исторические сопоставления процессов, которые имели место после двух революций. Не менее важно сопоставить результаты двадцатилетних усилий, достигнутые страной под руководством соответствующих правивших элит.

Без претензии на всесторонний анализ представляется полезным обратить внимание на ряд моментов.

Двадцатилетия после 1917 и после 1991 годов могут быть предметом для сравнительно-сопоставительного анализа. В конце 1920 г. в Советской России было официально объявлено об окончании гражданской войны. В 1921 год Советская Россия вступила, находясь в глубоком кризисе. К концу 1991 года СССР находился в весьма плачевном состоянии. В период перестройки до полномасштабной гражданской войны дело не дошло, но число «горячих точек» множилось. В экономическом плане страна приближалась к коллапсу, дошла до карточек на основные потребительские товары.

В 1921 г. правившая тогда РКП(б) взяла на вооружение новую экономическую политику, разработанную В. И. Лениным. В конце 1991 г. Б. Н. Ель-

цин «озвучил» программу радикальных реформ, разработанную его окружением. Были запущены процессы, в результате которых в России должны были произойти серьезные качественные изменения. Изначально в обоих вариантах предполагалось, что эти изменения произойдут быстро, на протяжении жизни одного поколения.

Двадцать советских и двадцать постсоветских лет пролетели стремительно. Части современников тогда и в настоящее время казалось и кажется, что жизнь страны изменилась кардинальным образом. С помощью каких же критериев можно оценить полученные результаты?

Статистика предоставляет большие возможности для количественных характеристик. В результате социалистической модернизации, прежде всего благодаря индустриализации страна совершила настоящий рывок. Производство промышленной продукции в 1940 г. многократно превзошло не только кризисный 1920 г., но и лучший дореволюционный 1913 год. Так, в 1913 г. выплавлялось 4,9 млн. тонн стали, в 1920 – 0,19, а в 1940 г. – 18,3 млн. тонн. По этому показателю определенный прирост был и в постсоветское десятилетие: 1991 г. – 68 млн. тонн стали, в 2011 – 72 млн. тонн. Но по большинству других позиций в постсоветское десятилетие Россия в лучшем случае топталась на месте, а во многих отношениях просто деградировала. Если к 1940 г. СССР по большинству количественных характеристик вышел на первое место в Европе и второе место в мире после США, то к концу 90-х годов Россия пропустила вперед два десятка государств. В первое десятилетие XXI в. экономическое положение страны улучшилось, но разного рода оптимистические самооценки не вызывают доверия.

Более важными представляются качественные характеристики. С 1990 г. рассчитывается индекс развития человеческого потенциала. По итогам 2011 года Россия отнесена к группе стран с высоким ИРЧП. Россия заняла 66 место между Белоруссией и Гренадой. Как известно, при расчете ИРЧП важным показателем является продолжительность и качество жизни. В 30-е годы ИРЧП не использовался, но советское руководство признавало, что по производству многих видов продукции (и собственно продуктов) на душу населения, по производительности труда, то есть по так называемым качественным показателям, СССР отставал от передовых стран. Структура питания была очень далека от научно обоснованных норм потребления. Но численность населения все-таки росла, а в постсоветский период сократилась со 150 до 143 млн. человек. В современной России численность населения значительно меньше, чем в 1913 г.

Поголовье крупного рогатого скота в современной России также меньше, чем в 1913 году. А потребление мяса на душу населения (50 кг в 2011 г.) меньше, чем в конце советского периода (60 кг в 1985 г.). Нежелание населения современной России размножаться в отличие от сходной ситуации во многих развитых европейских странах многие специалисты связывают не с разумным и объяснимым стремлением сохранить высокий уровень обеспеченной жизни, а с очевидной неуверенностью в завтрашнем дне.

В послереволюционное двадцатилетие большевистскому руководству пришлось мобилизовать все материальные и людские ресурсы для того, чтобы преодолеть очевидное модернизационное отставание дореволюционной России. Методы при этом использовались традиционные, командно-административные, зачастую просто насильственные (коллективизация, ГУЛАГ). Цель была достигнута – страна успела подготовиться к военному противостоянию с Германией, опиравшейся на потенциал и ресурсы по существу всей Европы. Принцип жесткого вмешательства государства в регулирование экономических и социальных процессов в стране был принят на вооружение при осуществлении «нового курса» Ф. Д. Рузвельтом в США. С учетом советского опыта формировался и «скандинавский (шведский) социализм».

В первое постсоветское десятилетие заявленная либерализация обернулась деградацией, затяжным спадом в развитии российской экономики, многих областей жизни. Расчеты на эффективность рыночного саморегулирования, основанные на теоретических представлениях XVIII – начала XX вв., оказались иллюзорными. Второе постсоветское десятилетие ушло на то, чтобы поправить ситуацию в стране, которой реально угрожала дезинтеграция, повторение печальной участи СССР. Вместо построения новой России, по мнению многих специалистов, в стране возникло второе издание российского капитализма со всеми «родимыми пятнами» исторически первого варианта. Реформы 1990-х годов усилили отчуждение между правящей элитой и большей частью населения страны, которое так и не увидело возможностей применить свои творческие силы в интересах страны, своей семьи, в личных интересах.

Перед лицом быстро увеличивающегося отставания России от группы стран, ушедших вперед, в полной мере обнаружилась необходимость новой, очередной модернизации, цели и задачи которой были сформулированы в известном выступлении Президента Российской Федерации Д. А. Медведева 12 ноября 2009 г. Однако запустить действительный механизм модернизации не удастся. Фактически страна оказалась в тупике, выход из которого руководство

страны само не ищет, но и профессиональное сообщество к этому поиску не привлекает. В условиях жесткой международной конкуренции такое положение вещей ставит перспективы развития страны под большой вопрос.

В современном российском идеологическом поле само слово «революция» используется в качестве едва ли не главного жупела, которым пугают широкие массы населения. В средствах массовой информации не допускается, например, упоминаний о теории общественного договора и о праве народа на революцию. Термины «революция», «революционеры», «революционный» употребляются преимущественно в ругательном смысле, а рассуждения на тему революции рассматриваются едва ли не как покушение на конституционный строй.

Между тем даже самое поверхностное сопоставление двух двадцатилетий, последовавших соответственно после Великой русской революции 1917 года и августовской демократической революции 1991 года, позволяет утверждать следующее. Революции в наименьшей степени являются причинами, обуславливающими последующее развитие событий: «революция 1917 года породила коллективизацию, «ежовщину» и т.д.». Революции скорее представляют собой более или менее логичное завершение развития отношений между основными группами населения на определенном историческом этапе. И происходят революции в тех странах, где у правящих кругов не хватает интеллектуальных ресурсов и политической воли на проведение необходимых реформ.

После прихода к власти в результате революционного взрыва новые политические лидеры ищут пути решения проблем, с которыми не смогли справиться свергнутые предшественники. При этом происходят постоянные корректировки избранной стратегии. Кому-то хватает сил начать движение вперед, но не хватает творческих сил находить адекватные ответы на новые и новые вызовы внутри и за пределами страны. Некоторым хватает опыта и ресурсов достаточно долго удерживать власть, но на проведение инновационной политики не остается ни времени, ни сил.

В истории России непоследовательность и незавершенность первой модернизации (1700–1825 гг.; от Петра I до М. М. Сперанского) обернулась поражением в Крымской войне и унижением Парижского договора. Вторая модернизация (1861–1917 гг.; Александр II, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин) в силу тех же причин закончилась 1917 годом. Альтернативу «или реформы, или потоки крови» еще в конце XIX в. обозначил С. Ю. Витте. Третья, уже советская модернизация (1917–1991 гг.; В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, М. С. Горбачев) имела своим весьма предсказуемым резуль-

татом август 1991 года. В России так и не удалось избавиться от государственно-крепостнической и самодержавной сущности отечественной политической системы. Без продуманной и последовательной демократизации политического строя модернизация грозит обернуться очередной профанацией и очередной революцией. По мнению экспертов, развитие событий в стране после последних парламентских и президентских выборов свидетельствует о том, что современные российские верхи явно не могут управлять по-старому. Но вызывает большие сомнения и способность основной массы россиян проявлять общественно-политическую активность. Запас терпения у населения велик. А более или менее разумное использование доходов от продажи природных ресурсов позволяет решать возникающие проблемы. Возможно, к 100-летию Великой русской революции 1917 года появится дополнительный материал для сопоставлений.

Литература

1. История СССР/РФ в контексте современного россиеведения: учебн. пособие / [И. А. Агакишиев и др.]; под общ. ред. Е. И. Пивовара и А. Б. Безбородова. М.: Проспект, 2013.
2. Фортунатов В. В. Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? СПб: Питер, 2011.
3. Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абросимова Т. А. *к.и.н., старший научный сотрудник СПБНИИ РАН*
- Бондаревский А. В. *к.и.н., доцент исторического ф-та СПбГУ*
- Ганелин Р. Ш. *д.и.н., член-корр. РАН,*
гл. научный сотрудник СПБНИИ РАН
- Зотова А. В. *к.и.н., доцент кафедры истории СПбГУТ*
- Измозик В. С. *д.и.н., профессор кафедры истории СПбГУТ*
- Ирошников М. П. *д.и.н., профессор исторического ф-та СПбГУ*
- Калашников В. В. *д.и.н., зав. кафедрой СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Колоницкий Б. И. *д.и.н., проректор Европейского ун-та в СПб*
- Костюк Р. В. *д.и.н., профессор ф-та международных*
отношений СПбГУ
- Михайлов Н. В. *к.и.н., старший научный сотрудник СПБНИИ РАН*
- Николаев А. Б. *д.и.н., зав. кафедрой русской истории РГПУ им. Герцена*
- Островский А. В. *д.и.н., профессор кафедры истории СПбГУТ*
- Полторац С. Н. *д.и.н., проф., главный редактор журнала «Клио»*
- Пученков А. С. *к.и.н., доцент кафедры СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Рогозный П. Г. *к.и.н., научный сотрудник СПБНИИ РАН*
- Смирнов Н. Н. *д.и.н., зав. отделом истории революций СПБНИИ РАН*
- Соболев Г. Л. *д.и.н., профессор исторического ф-та СПбГУ*
- Стогов Д. И. *к.и.н., ассистент кафедры СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Сухов В. Н. *к.и.н., зав. кафедрой истории СПбГЛТУ*
- Тарасов К. А. *аспирант СПБНИИ РАН.*
- Фортунатов В. В. *д.и.н., зав. кафедрой истории ПГУПС*
- Цымлов В. Ф. *профессор СПбГУТД*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Ганелин Р.Ш. <i>Российский революционный процесс и его историографические судьбы</i>	5
Ирошников М.П. <i>Роль политических традиций в становлении Советского государства</i>	22
Соболев Г.Л. <i>Русская революция 1917 года: взгляд историка из 2012 года</i>	31
Николаев А.Б. <i>«Под красным флагом»: петроградская полиция в дни Февральской революции</i>	38
Смирнов Н.Н. <i>К вопросу о «пломбированном вагоне»</i>	50
Калашников В.В. <i>Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года (историографические заметки)</i>	59
Полторац С.Н. <i>Ленинская концепция мировой социалистической революции и Октябрь 1917 г.</i>	75
Измозик В.С. <i>В.И. Ленин и большевики в 1917 году</i>	80
Колоницкий Б.И. <i>Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года</i>	91
Абросимова Т.А. <i>1917 год. Ожидания и реальность</i>	104
Тарасов К.А. <i>Новое в исследовании военной организации РСДРП(б)</i>	112
Зотова А.В. <i>Петроградские финансы в 1917 г.</i>	119
Пученков А.С. <i>В В. Шульгин и газета «Киевлянин» в период Временного правительства (март 1917 – октябрь 1917 г.)</i>	123
Костюк Р.В. <i>Влияние октябрьской революции на левое движение Франции</i>	131
Островский А.В. <i>О степени социального расслоения в дореволюционной России</i>	138
Рогозный П.Г. <i>К вопросу о проведении в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства</i>	147
Стогов Д.И. <i>Деятельность петроградских правомонархических салонов накануне февральской революции</i>	156
Сухов В.Н., Цымлов В.Ф. <i>Русская революция: нужен ли ее опыт современной России ?</i>	164
Бондаревский А.В. <i>1917 год в России как ассиметричный ответ на вызовы эпохи</i>	167
Фортунатов В.В. <i>Двадцать лет после революций 1917 и 1991 годов: достижения, проблемы (попытка сравнительного анализа)</i>	175
Сведения об авторах	180

Межвузовская научная конференция
«Русская революция 1917 года:
проблемы истории и историографии»

Подписано в печать
Бумага офсетная. Печ.л.
Тираж 200. Заказ _____

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 5



197376, СанктПетербург, ул. Профессора Попова, д. 5,
кафедра истории культуры, государства и права (ИКГП)
www.eltech.ru